

Вторая книга в серии
Искусство Любви

Созданная Огнем

Донна МакДональд

Внимание!

Текст книги переведен исключительно с целью ознакомления, не для получения материальной выгоды. Любое коммерческое или иное использование кроме ознакомительного чтения запрещено.

Любое копирование без ссылки на переводчика и группу запрещено.

Создатели перевода не несут ответственности за распространение его в сети.

*Автор: Донна МакДональд

*Книга: Созданная огнём

*Серия: Искусство любви 2

*Главы: 24

*Переводчик: Panther Lily

✎Редакторы: Екатерина и Иришка

✎Обложка: Иришка Котолуп

✎Вычитка: Женя

✠Специально для группы: Золочевская Ирина || Б. Б. Рейд

Аннотация:

Нравится в одну минуту смеяться, а в следующую – плакать? Тогда эта любовная история для вас.

Прочтите эту книгу и погрузитесь в семейную сагу Ларсонов. Следуйте за скульптором по металлу Майклом Ларсоном, старшим сыном Уилла Ларсона, в то время как он через мучения познает истинное искусство любви во второй книге этой серии романтических комедий.

В 34 года Майкл Ларсон превратился в порядочного мужчину, даже если все еще далек от совершенства. Он считает, что, по крайней мере, завязал со своими плохими привычками. К

сожалению, Кэрри Аддисон, будущая мать его ребенка и женщина, которую он безумно любит, не согласна с этой оценкой. И теперь перед ним стоит задача сохранить Керри в своей жизни, пока он не найдет способ изменить ее мнение.

Несмотря на совет его надоедливой семьи не держаться за юбку женщины, которая хочет от него убежать, Майкл принуждает Кэрри к фиктивному браку. Ее неуверенность в нем и ребенке разрывает ему сердце, но Майкл не позволит ее сомнениям его остановить. Потому что сейчас, когда она, наконец, оказалась в его объятиях, он не может вынести даже мысли о том, чтобы ее потерять.

Глава 1

Рано утром в субботу Майкл Ларсон уже не в первый раз просыпался в чужой кровати, но впервые незнакомая кровать была в его собственном доме.

Он с минуту прислушивался к тишине, которая периодически прерывалась звуком спускаемой воды в унитазе. Но ему потребовалось всего несколько секунд, чтобы понять – Кэрри Аддисон, мать его будущего ребенка, снова тошнило.

Вскочив с кровати, но прежде чем броситься ее проверять, Майкл натянул спортивные штаны, чтобы прикрыть обнаженную часть своего тела. Тихо постучав, он приоткрыл дверь спальни и увидел, что в постели никого не было.

– Кэрри? – негромко позвал он. Не услышав ответа, Майкл бесшумно вошел внутрь и тихо постучал по полуприкрытой двери ванной. То, что он услышал по другую сторону, заставило его желудок сжаться от сочувствия.

Майкл осторожно открыл дверь и снова позвал ее по имени, в тот момент, когда она в очередной раз спускала воду.

– В основном я в порядке, – печально сказала ему Кэрри, несколько не удивившись, увидев Майкла, из-за шума который она создавала. – Думаю, что худшее уже позади.

Она взглянула на его лицо и увидела жалость, отчего ее глаза

наполнились горячими слезами сожаления. Она отмотала туалетной бумаги и использовала ее, чтобы их вытереть.

– Испытывать тошноту, не так уж и плохо по сравнению с чувством жалости к самой себе. Я никогда не была такой мямлей. Ненавижу постоянно плакать, так же как и блевать. Надеюсь, я не буду плакать в течение всей беременности.

Чтобы добраться до раковины Майкл обошел вокруг сидевшей на полу Кэрри. Потянувшись к полке, он взял тряпочку для мытья, и прежде чем ее намочить быстро спустил воду так, что она стала настолько холодной, насколько это было возможно. Сложив тряпочку, он наклонился к Кэрри и приложил к задней части ее шеи.

– Держи это здесь. Поможет успокоить рвотный рефлекс, – мягко приказал он.

Затем Майкл вернулся к раковине и намочил в холодной воде еще одну тряпку, все время думая о том, что весь предыдущий месяц, каждый раз когда такое случалось, Кэрри была одна. И порадовался тому, что она согласилась переехать к нему на время беременности.

Кэрри недоуменно фыркнула, но плотнее приложила тряпочку к шее.

– Спасибо, доктор Ларсон, – с сарказмом сказала она.

– Нет, ближе всего к доктору в нашей семье будет Шейн, которому я бы не позволил даже наложить лейкопластырь на себя или кого-то, кто мне не безразличен. На самом деле, раньше, когда мы болели, такой трюк с холодной тканью проделывала наша мама. И каждый раз это срабатывало, – сказал ей Майкл.

Он уселся на полу и обнял Кэрри, которая в настоящий момент обнимала унитаз. Майкл протянул руку и похлопал второй тряпочкой по ее лбу и покрасневшим щекам.

И удивился, когда Кэрри стала плакать горячими слезами.

– Эй, ну-ка, – сказал он, обнимая ее до того, как смог подавить желание это сделать.

– Прости. Я просто это ненавижу, – сказала Кэрри, извиняясь сквозь слезы. – Хотя все в порядке, похоже, просто не могу перестать плакать.

– Рад это узнать. Немного человеческой доброты – не повод разразиться слезами, – пошутил Майкл, стараясь не хмуриться от того, насколько ранимой она казалась.

Это было так не похоже на обычное для Кэрри решительное отношение к собственной жизни. Наблюдение за тем, как она этим утром плачет, было как мгновенный повтор той ночи, когда она пришла, чтобы сказать ему о ребенке. Стараясь не думать обо всем, чем она с ним поделилась той ночью, он использовал ткань, чтобы вытереть ее слезы. Хотя ничто из того что он делал, их не замедляло. Ее тело было напряженным, и в этих слезах Майкл видел крушение ее надежд.

Удивительно, насколько ему на самом деле хотелось ее успокоить. Все чего он хотел, было просто держать ее в своих объятиях и показать ей, что он находится здесь ради нее.

Подвинувшись ближе, Майкл крепче прижался к ней, стараясь соприкасаться телами как можно сильнее.

– Ты самая сильная женщина, которую я знаю, и каждый раз, когда ты плачешь, меня это убивает. Мне действительно жаль, что тебе так плохо. Никто не должен через такое проходить, не выбрав добровольно, – тихо сказал Майкл.

– Думаю, мы оба знаем, что к этой ситуации меня привело то, что я выбрала, – голосом полным честности и жалости к себе, со слезами ответила Кэрри.

Очень внушительная, очень твердая эрекция Майкла, была прижата к ее бедру, даже теперь, когда он просто ее держал. Ее слезы жалости к самой себе высохли, только для того, чтобы их заменило чувство стыда, когда она почувствовала возбуждение.

– Ты имела в виду эту старую штуку, – подразнил Майкл, ухмыляясь и прижимаясь еще ближе. Было блаженством даже представить возможность

снова быть с ней вместе, но сегодня утром он был согласен на то, чтобы просто заставить ее рассмеяться. – Не беспокойся о том, что это будет проблемой, милая. Для большинства парней, такое состояние – обычное явление по утрам.

Кэрри фыркнула и положила голову на сидение унитаза. Она могла смеяться только потому, что знала, не самый худший из мужчин станет соблазнять женщину, которую рвало каждые две минуты. По ее стандартам Майкл был развратником, но не внушал отвращения.

– Я дважды была замужем и знаю, как устроены мужчины. Это была просто ирония, в то время как тебя тошнит, думать о... неважно. Думаю, что тошнота пока отступила, и ты можешь меня отпустить, – сказала ему Кэрри, забирая тряпку из рук Майкла и вытирая все лицо. – Будет хорошо, если ты принесешь стакан холодной воды, чтобы я могла принять лекарство от тошноты.

Майкл провел рукой по ее затылку, касаясь коротко стриженных каштановых волос и переворачивая тряпку на ее затылке на более холодную сторону.

– Конечно. Я не против заботиться о тебе. Хочу, чтобы ты обращалась ко мне, когда будешь нуждаться в помощи.

– Ты все время это говоришь, – возразила Кэрри, вздыхая и кивая, и продолжая прятать выражение своего лица под тряпкой. – Я снова заплачу, если ты прямо сейчас не уйдешь. Похоже, любезность активирует выделение слез.

Майкл отодвинулся в сторону и использовал раковину для того, чтобы подняться.

– Оставайся здесь, пока я не вернусь.

Кэрри закатила глаза, убрала с лица тряпку и увидела как очень привлекательные спина и зад Майкла Ларсона быстро исчезают через открытую дверь ванной. Его волосы были распущены после сна, и она в очередной раз удивилась, что они были длиннее, чем у большинства

женщин. То, что сделало бы женоподобным многих мужчин, только усиливало мужественность, которую он, казалось, источал, даже не пытаясь этого делать. Воспоминания о ее руках в его волосах возбуждали, даже, несмотря на волны тошноты.

– И это именно то чувство, глупая, гормональная женщина, из-за которого ты снова залетела от этого мужчины. Ты ничему не учишься, Карлин, – отчитала она себя.

Ее слова тихим эхом отразились в пустой ванной комнате, когда она, шмыгая носом, пыталась остановить очередной приступ горячих слез.

Оперевшись на унитаз, Кэрри поднялась на ноги и обессилено прислонилась к умывальнику. Она снова намочила обе тряпочки в холодной воде. Та, что лежала на ее шее, действительно помогала, и желание вырвать уменьшалось с каждой секундой.

Кэрри ополоснула рот и осторожно почистила зубы, узнав из собственного опыта, что слишком большое количество зубной пасты только усиливает тошноту. Она несколько раз ополоснула рот, пока не исчез мятный запах. Затем осторожно вернулась в спальню и заползла в кровать.

Когда полностью одетый Майкл с собранными волосами и стаканом холодной воды вернулся, Кэрри полулежала на подушках. Она с облегчением вздохнула от того, что ее не будет снова терзать его обнаженная версия.

Первый день пребывания наедине с мужчиной в его доме проходил примерно так же плохо, как она себе и представляла. Включая необходимость противостоять унижению от того, что она по-прежнему его хотела. Иллюзия, что она перестала о нем думать, просто продолжала разрушаться каждый раз, когда она оборачивалась и видела его.

– Я бы тебе помог, – отчитал Майкл, вручая Кэрри стакан холодной воды и наблюдая, как она с благодарностью ее отхлебнула.

– А ты все еще можешь это сделать, – сказала Кэрри, пытаясь говорить непринужденно, несмотря на то, что ей было обидно просить о

помощи – и конкретно, его помощи. – Я оставила в ванной свое лекарство от тошноты.

Майкл зашел в ванную и вернулся с бутылочкой таблеток, вытряхнул рекомендуемую дозу и протянул ей.

Кэрри закинула таблетки в рот и быстро запила водой.

– Через двадцать минут мне станет лучше, – сказала она. – Спасибо, Майкл.

Майкл поставил пузырек на тумбочку и сел в изножье ее кровати.

– Можно мне попробовать сделать тебе расслабляющий массаж? Это должно помочь с тошнотой и возможно заставит тебя расслабиться.

Кэрри пожала плечами.

– Конечно. Только не слишком меня толкай.

Майкл приподнял ее левую ногу и провел большим пальцем по стопе.

– О, Боже, – простонала она, откидываясь назад и закрывая глаза, когда с каждым поглаживанием ее тело стало покидать напряжение. – Это восхитительно. Где ты этому научился?

Майкл не поднимал головы и продолжал свою работу, пытаясь решить, как лучше ей ответить, чтобы не сильно себя скомпрометировать.

– Я какое-то время встречался с массажисткой, – наконец сказал он. Он никогда ей не лгал и не видел причины, чтобы начинать это делать.

Кэрри немного приоткрыла глаза и быстро их закрыла.

– Конечно, естественно, – ровным голосом сказала она, позволяя тому, что она думала остаться невысказанным. Она уже озвучила свое мнение по поводу его привычки ходить на свидания. Поэтому не стоило ворошить прошлое, как сказала бы ее бабушка.

Майкл решительно вздохнул и в тишине, звук был хорошо слышен. Он признавал, что Кэрри все еще была расстроена из-за того, что он встречался с женщинами с ее работы. Но он не должен был терпеть ее мысли о том, что он был абсолютно плохим парнем. Потому что он таким не был. Когда Майкл с ними встречался, она была замужем, и в этот раз,

ему едва удалось поймать ее перед очередным браком. Кто она такая, чтобы его критиковать?

– Может мне просто составить список всех женщин на твоей работе, с которыми я встречался, чтобы мы могли прояснить этот вопрос и двигаться дальше, – сказал он, не в силах скрыть боль в своем голосе.

Майкл закинул обе свои ноги на кровать, потянул левую стопу Кэрри, устроил ее на своей промежности и начал поглаживать правую стопу.

– Ты была замужем, а я встречался, – сказал Майкл. – Я не мог преследовать замужнюю женщину.

– Да... признаю, что ты никогда не гонялся за мной, пока я была замужем, – сказала Кэрри, не добавляя, что мужчины, за которых она выходила замуж, даже не произвели на нее впечатление. – Но в любом случае, я бы не стала этого терпеть.

После того как в колледже, молодой Майкл использовал ее и бросил, от сердца Кэрри мало что осталось, чтобы другой мужчина мог его разбить. Когда их пути вновь пересеклись, встречаться с его взрослой версией было совершенно невозможно и необоснованно, потому что он ее даже не помнил.

Тем не менее, в течение всего времени, что Кэрри его знала, Майкл встречался и расставался с женщинами, не испытывая никакого сожаления. Она наблюдала, как с другими женщинами повторяется то же самое, что случилось и с ней. Он двигался от женщины к женщине, от постели к постели, не понимая, что они плакали и страдали из-за него. Чтобы снова не быть оскорбленной его действиями она не разрешала себе переживать из-за того, что он делал, пока два месяца назад не позволила себе быть соблазненной и оказалась от него беременной.

Несмотря на доказательства обратного, на самом деле, она не была мазохисткой. Просто это так выглядело. Она справилась с кризисом в колледже, она справится и с этим. Не похоже, что в отношении него у нее была история принятия плохих решений.

– Майкл, честно говоря, не имеет значения, что ты сделал с другими женщинами. Мы уже определили, что в долгосрочной перспективе меня это не волнует, – печально сказала Кэрри, не желая вести этот разговор.

– Я уже говорил тебе раньше, но скажу снова. Ты единственная женщина, которую я хочу. Любая другая женщина до тебя была в лучшем случае тренировкой, в худшем – просто заменой. На весь период наших отношений, каждая другая женщина также становится историей, независимо от того воспользуешься ли ты своим правом выбрать меня или нет. Я хочу, чтобы это было ясно. Прямо сейчас, меня волнуешь только ты. Я же не расспрашиваю тебя о твоих бывших мужьях, не так ли?

– Справедливо, – холодно сказала Кэрри, не удивляясь тому, что Майкл не понимает, как она чувствует себя эмоционально. Да и с чего бы? Он был парнем, который делал то, что хотел, как и большинство парней, которых она знала.

– Как, по-твоему, сколько мужчин я впустила в свою постель, Майкл? – спросила она.

– Мужчины из твоего прошлого больше не имеют значения, но если хочешь, можешь мне сказать, – сказал Майкл, не в силах скрыть в своем голосе попытку оправдаться. Черт, нет, он не хотел знать. Возможно, ему придется пойти и что-нибудь сломать, чтобы избавиться от своей ревности.

– Было только три человека, и это включая тебя, – сказала Кэрри, не открывая глаз. – Меня воспитали так, что прежде чем ты физически отдашься мужчине, ты должна выйти за него замуж. Именно по этой причине, я не спала с Томом, даже не смотря на то, что технически мы были помолвлены. Ты единственный мужчина, с которым я переспала, не будучи замужем.

Майкл ничего не сказал о третьем мужчине, за которого она собиралась замуж. Из-за него было больше всего, потому что той ночью, что он с ней провел, о нем он даже не знал. Поэтому, чтобы не бросать на нее сердитые взгляды из-за этого Тома, он сосредоточился на своей задаче

и продолжил массировать ее стопы.

Кроме того, он немного стыдился самого себя.

Каким бы мужским шовинизмом это ни выглядело, отсутствие у Кэрри партнеров сделало ее только привлекательней. Осознание того, что она воспринимала секс так серьезно, подсказало Майклу, что связь между ними очень сильна, и что она должна быть с ним. Ему нравилось знать, что, несмотря на ее многолетний отказ с ним встречаться, он обладает над ней такой сильной властью.

Когда Кэрри утверждала, что он был ее первым, Майкл полностью поверил в ее историю, даже не смотря на то, что он этого не помнил. Но он определенно был уверен в том, что чувствовал к ней сейчас. Ему хотелось быть единственным сексуальным партнером Кэрри на всю оставшуюся жизнь. Возможно, он не понимал, почему так себя чувствовал, или почему это было именно она, но каждый раз, когда Майкл смотрел на Кэрри Аддисон – он ее хотел.

– Твоя разборчивость, заставляет меня восхищаться тобой, еще сильнее, – сказал Майк, поднимая голову, чтобы встретиться с ней взглядом, и обнаруживая, что Кэрри закрыла глаза, отгораживаясь от него.

– Я признаю, что нет твоей вины в том, что в колледже я нарушила семейную установку запрещающую секс до брака и была с тобой близка. Или в том, что я все еще чувствую себя в этом виноватой, – тихо сказала она, наконец, открывая глаза и снова встречаясь с ним взглядом. – Но я не могу просто пожать плечами на отсутствие у тебя разборчивости, когда мне пришлось наблюдать, как плачут те, кого ты бросил. Однако я приложу все усилия, чтобы в будущем воздержаться от сарказма по этому поводу. И постараюсь сосредоточиться на нашей нынешней ситуации.

Не смотря на то, что его привлекала мысль не обсуждать свои прошлые связи, мысль о том, что Кэрри хранила внутри свои истинные чувства и продолжала на него обижаться, вовсе не казалась привлекательной. Майкл никогда не боялся сражаться, так же как не боялся

своих эмоций. И он, черт возьми, не боялся гнева женщины, которую намеревался сделать своей женой.

Он также сомневался, чтобы кто-то из этих женщин плакал из-за него больше двух минут. С большинством женщин у Майкла был случайный секс, в чем Кэрри его и обвиняла, но он никогда не претендовал на что-то иное. Если такие отношения были по взаимному согласию между взрослыми людьми, то в этом не было ничего плохого. И ему не было стыдно.

– Можешь спросить у меня все, что хочешь. И я честно тебе отвечу, – сказал ей Майкл. – Кэрри, я, во что бы то ни стало, хочу разобраться в нашем прошлом и оставить его позади. Мне хочется, чтобы ты мне верила, когда я говорю, что ты единственная, которую я все это время искал и ждал, чтобы быть вместе. Я не использовал этих женщин злонамеренно. Черт, я просто встречался. И я отказываюсь позволить тебе думать, что я худший из мужчин, что когда-либо ступал по этой земле.

– Я никогда не говорила, что ты худший из мужчин, что когда-либо ступал по этой земле. Ты просто... ты просто не тот тип мужчины, с которым я бы хотела прожить до конца своей жизни, – твердо сказала Кэрри, резко рассмеявшись и снова закрывая глаза. – Дай мне передохнуть, Майкл. Ты же знаешь, что на работе, я не могу повернуться и не столкнуться с женщиной, с которой ты не переспал. Черт, единственное исключение Белинда, но и она тобой интересуется. В тот день, когда ты принес мне обручальное кольцо, она спросила, встречаюсь ли я с тобой.

Майкл приподнял обе ее стопы, крепко прижимая к своему телу и каждым ласковым поглаживанием рук, пытался показать свою любовь. Кэрри не смотрела прямо на него и не встречалась с ним взглядом, и это причиняло боль. Ее ладони, сжавшие в кулаки покрывало, были еще одним верным признаком постоянного переживания из-за этой темы.

И тем не менее, какой бы плохой ситуация ни была, он по-прежнему отказывался думать о ней, как о необратимой. Или что все это было его

виной. Кэрри выходила замуж за двух других мужчин, добровольно вступая с ними в отношения. Насколько он знал, два месяца назад она даже не подумала бы дать ему шанс.

И черт ее подери, с тех пор, он не испытывал желания ни к одной женщине. Почему она не могла этого принять? Майкл сжал челюсть, проглотив порыв продолжить с ней спорить.

– Я не собираюсь встречаться с Белиндой. Сожалею о других женщинах и том, что на работе тебе приходится иметь дело с моими бывшими подружками. Хотя, честно говоря, я никогда не думал, что это станет проблемой, – сказал он. – Это не извинение... просто объяснение. Ты была замужем, когда у меня была серия свиданий с женщинами из твоей компании. Меня никогда не заботило, что они чувствуют по отношению друг к другу, но я начинаю понимать, как это может тебя смущать в наших нынешних обстоятельствах. Если бы я знал, что наши отношения когда-нибудь будут возможны, вероятно, я был бы более разборчивым.

Кэрри открыла глаза и вздохнула. Она могла слышать в голосе Майкла, что он начинал злиться, но, определенно, конфронтация не поможет им справиться с ситуацией. Это только заставляло ее сердце болеть, а тело жаждать с ним мира.

Господи, о чем она только думала, когда сказала «да» на его предложение с ним жить? Соглашение оставаться с Майклом на протяжении всей беременности, было самым глупым решением, какое она принимала в своей жизни, если не учитывать то, что она от него забеременела. Тем не менее, она подписала контракт, соглашаясь создать иллюзию официальных отношений. И, кроме того, в течение этих первых месяцев она нуждалась в помощи. Так что, ей просто нужно найти способ мирно с ним уживаться.

– Из-за тошноты и таблеток, я не могу ясно мыслить. Как я уже говорила, не имеет большого значения с кем ты встречался, или, по

крайней мере, не должно иметь. Уверена, твои бывшие подружки увидят наш брак, как мой выигрыш, а не как утешительный приз из-за беременности. Я переживу сплетни. И может быть теперь, они, по крайней мере, перестанут передо мной хвастаться тем, как ты великолепен в постели.

Майкл убрал ее ноги в сторону и встал. Он не мог больше ничего слышать и не желать в ответ причинить ей боль. Как говорил ей раньше, он не виноват, что женщины, с которыми он встречался, были нескромными. Он ведь не хвастался о них всем подряд. Черт... он даже их не помнил. Эрин была единственная, с кем он встречался несколько раз.

Но он определенно мог в деталях описать все, что они вместе с Кэрри проделали во время той единственной ночи два месяца назад. Он мог бы опубликовать это описание на доске объявлений ее компании, если бы думал, что это поможет их ситуации. Она единственная кого он хотел. Всегда.

– Просто, чтобы наши истории не расходились, что ты сказала о нас Белинде? – спросил он как можно тише, стараясь не смотреть сердито на ее закрытые глаза.

– Я сказала Белинде, что ты попросил меня выйти за тебя замуж, и что я сказала «да», – сказала ему Кэрри, сползая в кровать и поворачиваясь на бок. – А что касается ребенка, то это не ее дело.

Когда она повернулась к нему спиной, Майкл сжал челюсть, но тем же тихим голосом спросил об остальном, о чем ему хотелось узнать. Если Белинда сочла это заслуживающим доверия, то весть об их помолвке в компании Кэрри вскоре станет известна всем.

– А что сказала Белинда?

– "Поздравляю", и что кольцо было красивым, – сказала Кэрри. По мере того, как ее сознание начинало плыть от необходимости снова заснуть, ее голос становился все тише. – Прости, я отключаюсь. От этих лекарств чувствую себя такой уставшей.

– Да, но через час ты проснешься голодной. И тогда я приготовлю тебе завтрак, – тихо сказал Майкл, подходя к кровати и прикрывая ее плечи одеялом. Его гнев снова уступал место чувству жалости к ней.

– Отец может зайти, чтобы забрать некоторые вещи и перевести их к Джессике. Он сказал, что переезжает к ней. Но мы постараемся тебя не разбудить, – прошептал он, разглаживая одеяло на ее руке.

– Спасибо, Майкл. Массаж ступней очень помог. Даже мышцы живота расслабились, – тихо сказала она. – Я не собиралась язвить, ты просто проявлял доброту. Прости.

Может быть, и не собиралась, подумал Майкл, но похоже, что скорее ад замерзнет, прежде чем Кэрри изменит о нем свое мнение, и нахмурился.

– Я рад, что это помогло. Отдыхай. Увидимся, когда ты проснешься, – решительно сказал он.

Ее дыхание стало ровным, она уснула, и Майкл убрал влажную ткань.

Глава 2

Майкл сидел за кухонным столом, потягивая третью чашку кофе и негодуя из-за того, что Кэрри была плохого о нем мнения, когда услышал, как его отец прошел через входную дверь. Он встал и направился к кухонным дверям.

– Кофе? – улыбаясь, предложил он, увидев счастливое лицо отца.

– Да. Я бы убил за чашку кофе. По утрам Джессика в основном пьет чай. Я пытался пить ту растворимую штуку, что она для меня купила, но это просто не то же самое, – сказал Уилл. Он взял из рук Майкла чашку ароматного напитка. – Спасибо сын. Ты мой герой.

Майкл нахмурился и вздохнул, вернувшись на свое место за столом.

– Рад, что могу быть хоть чьим-то героем.

– Думаю, что прошлой ночью, ты тоже неплохо справился, – сказал Уилл, подходя к креслу напротив него. – Чтобы спасти мать своего ребенка, ты встал между двумя кричавшими друг на друга женщинами. А затем ты занес ее внутрь и покормил. После того как мы вернулись домой, Джессика еще два часа говорила только о тебе. Мне потребовалось немало времени, чтобы вернуть ее внимание к нам... в смысле на меня.

Майкл рассмеялся, но совсем невесело.

– Пожалуйста, скажи, что ты собираешься жениться на этой женщине. Сегодня мне нужны хоть какие-то хорошие новости.

– Как только Джессика согласится с предложенной датой, мы поженимся, – улыбаясь, сказал Уилл, изучая несчастное лицо своего сына.
– А что? Думаешь, мы можем устроить двойную свадьбу?

Майкл покачал головой.

– Нет. Извини. Я не могу разделить всеобщее внимание с тобой и Джессикой. Кэрри сказала, что предыдущие два раза, у нее была быстрая гражданская церемония, потому что ее семья не поддержала эти отношения. Еще одно затруднение – расположить к себе ее семью. И я

планирую завтра этим заняться. Мой план заключается в том, чтобы на этот раз отец отвел ее ко мне по проходу в церкви. У нас будет свадьба, которая должна запомниться.

– Просто потому, что твоими предками были кельты, вовсе не означает, что ты должен относиться к этому браку как к какой-то стратегической компании. Ты же не женишься на этой женщине, чтобы завладеть ее деньгами или землями. – Уилл улыбнулся в ответ на усмешку Майкла.

– Пап, эта женщина – моя земля. По ее собственным словам она была полем, которое я вспахал и я согласен с ее метафорой. И не заставляй меня рассказывать, что я чувствую по отношению к ребенку, – сказал он, вздыхая и чувствуя решимость создать отношения какие он и хотел. Даже не смотря на то, что Кэрри, очевидно, не разделяла его чувства. – Моя невеста возможно еще не готова, но я по-прежнему хочу, чтобы наш брак был настолько законным и священным, что ничто и никто не сможет сказать, что это не так.

Майкл сделал длинный глоток и осмотрел кухню.

– Одну минуту я безумно злюсь на Кэрри за то, что она ставит между нами наше прошлое, а в следующую – я вынужден заботиться о ней, потому что ее тошнит из-за меня, – пожаловался он. – И это все заставляет меня быть полным решимости на ней жениться. Это какое-то безумие.

Уилл рассмеялся.

– Ага. Звучит как настоящая любовь.

– Ну, тогда настоящая любовь – отстой, – твердо сказал Майкл и рассмеялся над отцом, который чуть не подавился кофе, смеясь над ним.

– Конечно, есть и положительные моменты, – сказал Уилл, делая более осторожный глоток. – И я поставлю на то, что ты их найдешь. В конце концов, твоя будущая невеста вообще-то в этот самый момент спит в твоей постели, в твоём доме. Твоя мать, Шейн или я даже не думали, что до этого дойдет.

– Ну, спасибо, – насмешливо сказал Майкл, – рад узнать, что моя семья так сильно в меня верит. Кто ты такой, чтобы меня судить? Сам то, что сделал сегодня утром? Просто оставил свою будущую невесту спящей в одиночестве в ее собственной постели?

Уилл захихикал, думая о том, что значительно сильнее наслаждался компанией Майкла, когда он не был постоянно рядом. Он любил своих сыновей, но горячо надеялся, что ему больше не придется с ними жить.

– Нет. Джессика встречается со своими друзьями Сьюзан и Стивом, чтобы за завтраком укрепить дружеские отношения. Она думает, что Сьюзан может быть все еще расстроена из-за нее. Если все пройдет хорошо, то вскоре мы вчетвером вместе поужинаем. Честно говоря, я с нетерпением жду возможности целый вечер улыбаться Стиву Липтону, – сказал Уилл, не обращая внимания на то, что хвастается. Ему хотелось хвастаться о Джессике. – Потому что знаю, он не думал, что у меня были какие-то шансы в отношениях с Джессикой.

– Твои шансы с Джессикой всегда были высоки, – раздраженно сказал Майкл, хмурясь в свою чашку кофе.

– О да. Конечно, были, – согласился Уилл, – именно поэтому, я был вынужден умолять ее не встречаться с другими мужчинами и не спать с ними. Если бы я не поехал в Цинциннати и не соблазнил ее той ночью, она бы переспала с учителем математики, пытаясь меня забыть. Я все еще должен вам с Шейном за это.

– Здорово. Тогда скажи мне, как заставить Кэрри забыть о других женщинах, с которыми я встречался, – сказал Майкл.

Уилл вздохнул.

– Хотел бы я, но не могу.

– Вот и проси тебя, – сказал Майкл, только наполовину дразня. – Кофе больше не получишь.

– Майкл, твоя ситуация слишком сложна для простого ответа. Я действительно думаю, что у тебя все хорошо. Она здесь и позволяет тебе ей

помогать. Это говорит о том, что на каком-то уровне Кэрри тебе доверяет, готова она это признать или нет. Но потребуется время, чтобы уладить эмоциональные аспекты, – улыбаясь, сказал ему Уилл. – Прошлой ночью Джессика попросила меня на ней жениться.

– *Когда прошлой ночью?* – удивился Майкл.

– Прошлой ночью на патио. Как раз, перед тем как я ее закружил, чему вы все аплодировали, – похвастался Уилл. – Разумеется, я сказал «да».

Майкл рассмеялся.

– Держу пари, ее убедил бюст. Ее статуя показывает, что ты чувствуешь к этой женщине. Пап, это твоя лучшая работа.

Уилл кивнул.

– Да. Твоя невеста тоже так думает. Кэрри говорит, что я должен выставить некоторые свои маленькие работы. Но у меня их немного.

– Мне кажется, это отличная идея, – согласился Майкл. – Просто сделай еще.

– Я думаю об этом, – сказал Уилл. – Мне очень понравилось закончить работу за несколько недель. Я мог бы сделать несколько торсов. Может быть, руки, поднимающиеся из камня.

Уилл погрузился в творческие мысли, уже воображая, как его работа появляется на свет.

Майкл улыбнулся, изучая удовлетворенное выражение на лице своего отца.

– Надеюсь, ты будешь так выглядеть до конца своей жизни.

– Как выглядеть? – спросил Уилл. – Ты это о чем?

– Удовлетворенным, – сказал ему Майкл. – Это эмоция, о которой я мечтаю, но никогда не чувствовал. Ну, за одним исключением, но это длилось не долго. Если Кэрри просто поверит в то, что я ее люблю, то думаю, что снова смогу ее найти.

– Удовлетворенность – одна из самых сложных эмоций, которую сложно удержать, – сказал Уилл, поднимая кружку для добавки. –

Помогает, если тот тип человека, который постоянно благодарит судьбу. Для меня иногда это тяжело, но я продолжаю над этим работать.

– Это как быть благодарным за то, что Кэрри здесь со мной, и я могу ей помогать, вместо того, чтобы жить одной и самой иметь дело со своей тошнотой.

Уилл кивнул.

– Да. Это хороший старт.

– И сколько времени уйдет, чтобы добраться до части «удовлетворен»? – спросил Майкл, приподнимая бровь.

Уилл пожал плечами и рассмеялся.

– Шейн был прав. Ты и мама, с возрастом не становитесь мудрее, – с горечью сказал Майкл.

– Ты учишься мудрости, переживая испытания, но, похоже, что вскоре ты сам станешь мудрее, со всеми вызовами, что к себе привлеч, – сказал Уилл, решив не обижаться на мнение двух умников, которых он вырастил. – Майкл, тебе тридцать четыре. И пришло время перестать злиться на то, что у нас с матерью больше нет для тебя готовых решений.

Майкл подумал о заявлении отца, отхлебывая кофе.

– Ну, и взросление тогда тоже отстой, – смеясь, сказал он, несмотря на боль в груди.

– Сожалею, что у тебя тяжелое утро, сын, – сказал Уилл, борясь с ухмылкой, от чего подрагивали уголки его губ. Он не должен был смеяться, но трудно было этого не делать. Он знал, что его упрямый старший сын собирался нажимать и подталкивать, и Бог знает, что еще делать в отношении женщины, которая спала в комнате, дальше по коридору. Майкл искренне думал, что сможет выиграть у Кэрри соревнование в упрямстве.

И Уилл подумал, что с его стороны было очень мудро не указывать на бесполезность этого, уже расстроенному Майклу.

Он просто был рад, что Джессика позволила ему жить с ней, пока они не найдут дом для покупки.

– Еще яичницы? – спросил Майкл, положив ее на тарелку Кэрри, когда она кивнула. – Есть еще кусочек цельно-зернового тоста.

Кэрри вздохнула.

– Я уже съела три кусочка. И даже не желаю знать, сколько съела яиц, – сказала она ему. – Они действительно были хороши. В кои-то веки чувствую себя почти нормально.

– Не так уж много, как ты могла подумать. Я просто рад, что ты можешь есть. И цвет твоего лица стал лучше, – сказал ей Майкл и принес на стол свою кружку с кофе.

– Мне показалось, что я слышала голос твоего отца? – спросила она.

Майкл кивнул.

– Да. Он собрал большую часть своей одежды и туалетных принадлежностей. И на этой неделе я смогу переехать в его спальню. Она больше той, в которой я сейчас сплю, плюс я думаю о том, чтобы превратить самую маленькую комнату в детскую.

– О, – сказала Кэрри, запивая кусок тоста холодной водой. – Полагаю, это нужно будет сделать. Хочешь, чтобы я тебе помогала?

– Можешь, если хочешь, – сказал он, ища признаки желания, но, не видя их.

– Я бы предпочла этого не делать. Думаю, именно ты должен быть тем, кто принимает такие решения. Но я с удовольствием разделю с тобой расходы, потому что знаю, что детские вещи могут быть дорогими. В прошлом году у моего брата родился ребенок, – сказала она ему.

Майкл отложил ее незаинтересованность в обустройстве детской, для обсуждения в другой раз.

– Расскажи мне о своей семье. Что я должен завтра ожидать?

Кэрри положила свой тост и отодвинула тарелку. Мысль о том, что

Майкл встретится с ее семьей отбила у нее аппетит.

– Мой отец – смотритель церкви, которую они с мамой посещают. Это его основная работа и он серьезно к этому относится. У него есть очень строгие представления о том, как человек должен жить и я единственный его ребенок, который не следует семейным традициям. Так что, в отношении меня он не слишком белый и пушистый.

Майкл покачал головой.

– Значит, никаких ругательств и грязных шуток во время обеда...
понял.

– Мой брат такой же ужасный, но мне все равно, что он думает. Можешь не стараться быть с ним уважительным. Это пустая трата времени,
– сказала она.

Майкл ухмыльнулся, услышав, что она снова говорит как женщина, которую он знал.

– Что еще я должен знать?

Кэрри взглянула на Майкла и подумала о том, что почти все, что ей в нем нравилось, было тем, что ее семья ненавидела.

– Список слишком длинный. Кроме того, не имеет значения, понравиться ты им или нет. Их мнение не повлияет на мое решение выйти за тебя замуж. Они не одобрили и других мужчин в моей жизни, хотя они оба были довольно консервативными. Так что я определенно не ожидаю, что они одобрят тебя.

– Может мне постричь волосы, – сказал Майкл, вытаскивая волосы их хвоста и проводя сквозь них руками. – Я знаю, что с волосами такой длины выгляжу не очень респектабельно. Меня не убьет, если я на какое-то время их укорочу.

– Это глупо. И ты не будешь стричь волосы, – твердо сказала Кэрри, не скрывая свое отвращение к этой идее. Она посмотрела на Майкла и увидела в его глазах вопрос. Однако отвернулась, так на него и не ответив.

– Почему я не должен этого делать? – спросил Майкл, гадая, думает

ли она о той же причине, что и он. – Это просто волосы. Со временем они отрастут.

Кэрри покраснела, подумав о единственном настоящем доводе, который у нее был. Поскольку ее предпочтения вылились в их недавнюю безумную ночь, она не могла поделиться этим с их источником. Но даже если отложить это в сторону, все же было неправильным, если Майкл отрежет волосы для того, чтобы угодить ее семье.

В первую очередь, ничто из того, чтобы он ни сделал, в любом случае, им не понравится, потому что им невозможно было угодить. У нее самой не получалось это сделать в течение многих лет. С другой стороны, волосы Майкла были неотъемлемой его частью. Они соответствовали его характеру. Они соответствовали его искусству. Ему это подходило и точка. Так что, нет, Кэрри не собиралась позволить ему постричь волосы.

– Просто не делай этого, ладно. Ничего не меняй в своем облике. Попытка угодить моим родителям – пустая трата сил, – грустно сказала Кэрри.

– Стрижка волос – небольшая уступка, если это облегчит тебе возможность представить меня в качестве потенциального мужа, – осторожно сказал Майкл.

– Майкл, ты не стрижешь волосы. Конец дискуссии, – сказала Кэрри, вставая и направляясь к мойке со своими тарелками. – Думаю, что пока чувствую себя лучше, я бы хотела заглянуть в свою квартиру и кое-что забрать.

– Отлично. Я тебя отвезу, и по дороге ты сможешь продолжить рассказывать о своей семье. Хочу знать обо всех ее членах, – сказал Майкл, тоже встал и отнес тарелки к раковине.

Если бы Кэрри повернулась к нему лицом, ему пришлось бы лишь слегка наклонить голову, чтобы ее поцеловать. Он почти забыл, что она была ниже всего лишь на несколько сантиметров. И от этого в его голове появилось так много идей, что он не мог от них избавиться. Особенно от

идеи повторить ночь, что они провели вместе.

– Я не буду стричь волосы, потому что знаю, тебе нравится, когда они длинные, – тихо сказал он, почти прошептав в ее ухо.

Кэрри бросила на Майкла взгляд, и им обоим стало очевидно, что она раздражена.

– Я не говорила, что мне нравятся твои волосы. Просто сказала, что нет необходимости их стричь, – защищаясь, сказала Кэрри.

– О, ну, если тебе не нравятся мои волосы, тогда нет причины их не отрезать, – возразил Майкл. – Я позвоню Шейну, он заедет и уберет несколько дюймов. Он и раньше меня стриг.

– Майкл, ты *не* стрижешь свои волосы, так что прекрати об этом говорить, – приказала Кэрри.

– О. Вот и ты, – сказал Майкл, улыбаясь ее тону и рукам на бедрах. – Я действительно скучал по тебе генерал Аддисон. Рад видеть, что тебе лучше.

– Пошел ты, – сварливо сказала Кэрри в ответ на его громкий смех.

Но когда она повернулась, чтобы уйти, комната закружилась. Она протянула руки, но ухватиться было не за что.

Затем внезапно ее обхватил Майкл, удерживая вертикально.

– Стоять, – встревожено сказал он. – Это был почти обморок. Прости, если нервировал тебя своим подшучиванием. Милая, я не буду стричь волосы. Да и как я могу их постричь? До сих пор помню твои руки в них, когда ты заставила меня не двигаться и так страстно поцеловала. Я тогда подумал, что умру от удовольствия и чувства, что я принадлежу тебе.

– Майкл, пожалуйста, прекрати мучить меня воспоминаниями, – попросила Кэрри, без сил опираясь на него, потому что у нее не было выбора.

И все это время ее голова шла кругом от того, что Майкл вспоминал те же вещи об их совместной ночи, что и она.

– Почему бы тебе просто не признать, что это именно та причина, по

которой ты не хочешь, чтобы я постриг волосы? – яростно прошептал Майкл. – После той ночи, я не мог думать ни о ком, кроме тебя. Дай мне немного надежды.

Когда сознание Кэрри прояснилось от угрожавшей поглотить ее темноты, она все еще опиралась на Майкла, все еще была в его объятиях. И она пришла в ярость от того, что Майкл просил у нее чего-то большего. Как будто этот мужчина уже не отнял у нее *все*, включая контроль над собой.

Наполненная гневом, Кэрри протянула руку за спину Майкла, обхватила рукой длинные, свободно висящие волосы и потянула его голову назад, со злостью глядя ему в глаза.

– Я уже принадлежала тебе, и это все, что ты когда-либо сможешь получить, Майкл Ларсон, – поклялась она, сверкнув глазами, когда резко дернула, подчеркивая свои слова.

Майкл сопротивлялся рывкам Кэрри, чувствуя, как от желания воспламеняется его кровь и приветствуя зарождавшийся огонь. Эта женщина вызывала в нем эмоции, которые больше никто и никогда не вызывал. Не все они были разумными, но было невозможно оставаться спокойным, когда он смотрел в ее яростное лицо. Ей просто чертовски повезло, что сегодня утром он держал себя в узде.

– Да, ты *была* моей, Кэрри Аддисон. И я намерен обладать тобой снова, – сказал ей Майкл, отвечая таким же жарким взглядом.

А затем, несмотря на то, что Кэрри с силой тянула его волосы, он склонил голову к ее губам. Он запечатлел огонь, горевший между ними на ее губах, и страсть их поцелуя шокировала обжигающей потребностью. Двух месяцев как будто и не бывало, словно это случилось вчера. Он нуждался в ней сейчас.

Когда она отстранилась, Майкл произнес ее имя – наполовину вопрос, наполовину требование. Как она могла продолжать от него отстраняться – от *этого*?

Когда Кэрри почувствовала что хочет приоткрыть рот, она в панике

отстранилась от Майкла. Немедленно отпустила его волосы, но в попытке отступить ей пришлось разжать пальцы. Его тело было горячим и твердым, и он был сильным, очень сильным. Кэрри понимала, что если Майкл добровольно ее не отпустит, то она ничего не сможет сделать.

Когда она почувствовала, как Майкл ослабил хватку, она осторожно шагнула назад. Кэрри почти упала и чуть не сгорела от стыда и унижения, когда Майклу во второй раз пришлось ее поймать.

Но потом осталась только злость, когда она снова оказалась в его руках, прижатая к нему и настойчиво давившему на нее, доказательству его желания.

– Очевидно, я не в состоянии помешать тебе воспользоваться этой ситуацией. Но могу пообещать, что даже если мы и переспим, то в долгосрочной перспективе это не будет иметь значения. Я все равно уйду от этого безумия, что чувствую к тебе, не зависимо от того сколько раз мне придется выбираться из твоей кровати, – предупредила Кэрри. Ее тело тряслось от ярости, обиды и стыда, потому что Майкл так легко мог ее соблазнить.

Майкл выпрямился и удерживал Кэрри на расстоянии, однако не мог заставить себя отпустить ее. Даже когда от отказа Кэрри горели его уши, ему нужно было убедиться, что она не упадет. Поэтому он не мог полностью ее отпустить, даже когда часть него хотела оттолкнуть ее от своего тела, чтобы облегчить свою собственную боль.

– Когда ты будешь достаточно сильной, чтобы стоять самостоятельно, и мы будем уверены, что ты снова не упадешь в обморок, я отпущу, – сказал Майкл, с усилием выдавливая слова. – Не спеши. Я... я больше к тебе не прикаснусь. Просто так получилось. Ты сама это начала, когда схватила мои волосы.

Кэрри провела руками по рукам Майкла и схватила его ладони, чтобы принять устойчивое положение, после чего, наконец, отошла.

– Я знала, что оставаться здесь было плохой идеей. И теперь я

понимаю, насколько плохой она была, но у меня по-прежнему нет выбора. Я не могу попросить кого-то из моих сестер бросить учебу и вернуться сюда, чтобы мне помогать. Плюс, все эти дела с браком. Я не дура и понимаю, что не смогу вечно держаться от тебя вдали, если мы окажемся в одном доме. Но не летай в облаках Майкл. Желание быть с тобой не означает, что ты сможешь заставить меня до конца жизни быть несчастной, – сказала ему Кэрри, отходя еще дальше и радуясь тому, что головокружение не вернулось. – А сейчас я собираюсь снова прилечь. Не ходи за мной.

Майкл остался стоять там, где она его оставила, боясь сдвинуться, боясь того, что он мог сделать, если пошевелится. Он был настолько ранен, что мог продемонстрировать им обоим, что между ними было.

Он слушал, как Кэрри по дороге в спальню скользит рукой по стене коридора, опираясь на нее, чтобы не упасть и отчитал себя за порочные мысли о женщине в ее состоянии. Когда дверь за ее спиной захлопнулась, Майкл закрыл глаза и матерился, пока воздух кухни не был наполнен произнесенными шепотом ругательствами.

Он не мог выплеснуть свое разочарование в искусство, потому что стук ее разбудит, а Кэрри нуждалась в отдыхе. И он не мог покинуть дом, опасаясь, что она упадет, а его не будет рядом, чтобы помочь.

За всю свою жизнь Майкл никогда не чувствовал, что не способен себя контролировать, и он ненавидел это чувство.

И, тем не менее, все, что он хотел, это пройти по коридору, залезть в постель к Кэрри и обнимать ее, пока она спит.

Часть его даже чувствовала потребность снова извиниться, но, черт возьми... он до сих пор не понимал за что. Она была расстроена из-за ребенка и что находилась в его доме, но по какой-то причине он все равно был счастлив, что она была здесь.

Что, черт возьми, с ним случилось?

Он был больным, должен был быть больным, если хотел привязать

себя к женщине настолько неумолимой и не желающей видеть, что могло бы между ними быть. Она знала, как это было, насколько сильным это было. Черт, она выходила замуж, чтобы избежать того, что между ними было. И он понимал, что именно это и было причиной. Но разве она не понимала, что их стремление друг к другу, было тем, что другие люди страстно желали и искали всю свою жизнь?

Она носила его ребенка. Они были его – оба – и женщина, и ребенок. И все чего он хотел, это возможность их любить. Почему она не могла этого принять?

И как могла это принять ее семья, если она сама не хотела?

Ну, он не собирался позволить Кэрри просто выбросить то, что у них было, решил Майкл. Как-нибудь... каким-то образом... он *собирался* до нее достучаться.

Ну, а между тем, он собирался принять холодный душ, чтобы успокоиться и возможно, немного вздремнуть. Прошлой ночью он не мог заснуть, зная, что Кэрри была так близко от него.

Когда позже они оба успокоятся, он съездит с Кэрри за вещами и вернет ее сюда, где она и должна быть.

Завтра, пообещал себе Майкл, завтра он выиграет одобрение ее семьи. Майкл знал, что ее отец не одобрил двух ее предыдущих мужей. Но мужчина примет его. Ему придется, когда он увидит, что Майкл был подходящим человеком для его дочери.

Но даже если отец Кэрри откажется их благословить, это не заставит его передумать, решил Майкл, однако если он понравится ее семье, то возможно это станет ключом к сердцу Кэрри.

И за этот шанс, он попробует сделать все что угодно.

Глава 3

– Так значит, твой отец очень строгий, а брат злой, – переспросил Майкл, заметив, что Кэрри отвернулась и смотрела не на него, а в окно машины. – А какая твоя мать?

– Она поддерживает отца во всем, независимо от обстоятельств, – уныло произнесла Кэрри, не сводя взгляда с прекрасных лошадиных ферм, которые они проезжали по дороге на воскресный обед с ее семьей. – И это на самом деле все, что можно сказать о Маргарет Аддисон.

– Ты не близка с матерью? – спросил Майкл.

– Когда я жила дома, решения за всех нас принимал отец. Как правило, не спрашивая, что мы думали или чувствовали о ситуации. Даже когда я точно знала, что мать не согласна, она перечила отцу всего лишь один или два раза, – грустно сказала Кэрри. – Я люблю маму, но не уважаю ее так, как ты уважаешь членов своей семьи. Думаю, что приложила немало усилий, чтобы не стать такой женщиной как она.

Майкл подавил желание вздохнуть. Он еще даже не встретился с семьей Кэрри, а они ему уже не нравились. Судя по тому, как она о них отзывалась, он не думал, что они ей тоже нравились.

– Что насчет твоих сестер? – спросил он.

– Они замечательные и счастливы, что учатся в колледже, – сказала Кэрри, повернув голову и разглядывая профиль Майкла, который вел машину. – У меня с Дарлой семь лет разницы. А Элисон на восемнадцать месяцев младше нее. Кевин старше меня на два года. Такое ощущение, что у моих родителей две пары совершенно разных детей. Мой брат просто ужас, но младших сестер я по-настоящему люблю. Это я уговорила их поступить в Боулинг Грин и уехать из дома.

– Пыталась помочь им получить шанс на более счастливую жизнь? – спросил он.

– Просто надеялась, что они встретят достаточное количество людей,

чтобы понять, не все семьи такие неодобрительные как наша, – поправила Кэрри. – Дарла получает степень мастера в области образования. Элисон только начала учебу. Но они обе планируют стать учителями.

– Похоже, ты очень ими гордишься, – прокомментировал Майкл, не пропустив ее довольную улыбку, когда она кивнула.

– Да, горжусь, – подтвердила она.

– Так что там с твоим братом? Но если не хочешь, можешь не рассказывать, – сказал Майкл, думая, что если она не захочет, то он просто составит собственное мнение, когда с ним встретится.

– Кевин всегда старался походить на отца. Каждый раз, когда я ходила на свидание, отец читал моему парню лекцию о хорошем поведении. И это само по себе было плохо. Но на следующий день в школе Кевин колотил парня, если даже только подозревал, что мы целовались. Из-за своего брата, на втором курсе старшей школы я не могла ни с кем встречаться.

Кэрри снова отвернулась к окну.

– Это была ирония судьбы, когда в выпускном классе от Кевина забеременела девушка. И это остановило его желание меня контролировать. Они планировали пожениться, но девушка потеряла ребенка. Так что когда Кевин окончил школу, для меня это стало большим облегчением. С одиннадцатого класса, я старалась избегать Кевина, пока он не встретил Кристалл и три года назад они не поженились. Она сделала его почти сносным, – иронично сказала Кэрри.

– Мне кажется твой брат обычный неудачник, – сказал Майкл. – Не испытывай к нему даже легкого сочувствия.

– Обычно так и есть, но Кевин дорого заплатил за свою ошибку в старшей школе, – сказала Кэрри, продолжая рассказ, когда заметила, что Майкл внимательно слушает. – Отец с матерью его жизнь в колледже превратили в ад. Каждый раз, когда он приезжал домой, они читали ему лекции о его сексуальной жизни. А Дарла с Элисон, звонили, чтобы мне об этом рассказать. Они были в средней школе и обычно их выгоняли из

комнаты, но им нравилось подслушивать. И я решила, что ничего не рассказывать было лучшим выходом. Так что, в колледже просто лгала родителям и говорила, что слишком занята, чтобы с кем-то встречаться.

Майкл внезапно понял, почему Кэрри выбрала сама разобраться с незапланированной беременностью.

– Основываясь на твоём рассказе, не могу винить тебя за то, что скрываешь от родителей некоторые вещи. Я тоже так поступал, но они оба были учителями, и сделать это было сложно. Однако они были не так уж и плохи. Мои родители высказали бы свое разочарование, сказали бы мне, что я должен все исправить, а затем обняли и вытолкали за дверь, чтобы это сделать. Даже сейчас, если я не поступаю согласно их стандартам, то вынужден об этом выслушивать. И поскольку мне не нравится их разочаровывать, то я стараюсь никогда не лгать, – сказал он ей, рассмеявшись.

– Не могу даже представить, чтобы мои родители беспокоились и обнимали, так как твои. Не то, что я не думаю, что твоя семья такая же сумасшедшая, как и моя, особенно твои мама и будущая мачеха, – сказала Кэрри, слегка улыбаясь, при воспоминании о том, как женщины друг друга обзывали. А потом стояли рядом у мойки и мыли тарелки, словно всю жизнь были лучшими подругами. – Но я восхищаюсь тем, что ради блага семьи они поднялись над проблемами друг с другом.

– Мой отец говорит, что люди, не смотря на свои недостатки в основном хорошие, – сказал Майкл. – Моя мачеха прекрасный человек. Мать тоже хорошая. У нее есть склонность осуждать других... погоди, это не справедливо. Она не столько осуждающая, сколько несентиментальная в отношении того, что не понимает. Знаю это по ее отношению к моему искусству. Моя мать думает, что платить за мои работы просто безумие.

Кэрри резко повернулась, удивленно глядя на него.

– Ты шутишь. Твоей матери не нравится твое искусство?

Майкл поморщился и покачал головой.

– Нет. Когда мы были детьми, она использовала наши художественные проекты в качестве подпорки для дверей. И отец до сих пор злится, когда об этом заходит речь. Он всегда поддерживал наше творчество. Моя мачеха тоже его понимает. Так что папа правильно поступил, выбрав ее.

– Как тебе до сих пор удается любить свою мать? – озадаченно спросила Кэрри.

Майкл пожал плечами.

– Во всех других отношениях мама – отличная мать. Раньше она пела нам перед сном и была очень заботливой, когда мы болели. Они с папой брали нас в путешествия и у нас были замечательные приключения. Просто она не понимает искусство. Ни мое, ни отца... что разочаровывает, однако не смертельно.

– Но Майкл, *искусство – это твоя жизнь*, – с чувством сказала Кэрри. – А твое искусство – это... твое искусство отражает тебя. В твоих работах есть настоящая мощь. Я всегда чувствовала...

Кэрри прервала то, что говорила, немного смутившись, когда заметила, что Майкл больше смотрит на нее, чем на дорогу.

– Что чувствовала? – спросил он. – Скажи мне. Пожалуйста. Мне бы хотелось услышать, что ты думаешь.

Кэрри сглотнула.

– Последние три года, из-за успеха в продвижении твоих работ, я работала с несколькими другими художниками. У многих есть талант, но не все работы имеют... ну, *настоящую* страсть или жизнь, которые были бы в них видны. Твои работы содержат в себе энергетику, так же как и работы твоего отца. И это делает твой вид искусства лучшим. Вот почему люди хотят его приобретать.

– Спасибо, что делишься этим. Твое мнение о моем искусстве, много для меня значит, – тихо сказал Майкл, кивая, потому что его горло сжалось.

Если бы они были дома, то он ушел бы куда-нибудь и заплакал. Для него было чрезвычайно важно знать, что любимая женщина искренне

любила его искусство. Возможно, он всегда это видел. Возможно, поэтому он ее любил. И трудно было понять, что появилось первым. Запертый с ней в машине, все, что Майкл мог сделать, это обратить все свое внимание на дорогу и добавить любовь к его искусству в список тем для обсуждения, когда их отношения станут лучше.

Кэрри прикусила губу.

– Я никогда не была поклонницей твоего искусства. Я..., – она сделала паузу, понимая, что то, что она хотела сказать станет последней каплей в их отношениях с Майклом, но мужчина имел право знать, что его искусство было больше, чем просто хорошим.

– Майкл, для меня всегда было легко продвигать твои работы, потому что я их понимала. Мне даже не приходилось их продавать. Нужно было просто найти подходящих людей, которые их захотят приобрести. У меня была встреча в городском управлении Цинциннати, где я собиралась предложить им твою работу, похожую на ту, что была в выставочном комплексе в Луисвилле. И встретила женщину из управления, которая спросила, что я увидела в твоём искусстве. Я сказала, что необузданную мощь и способность передать огромную страсть. Через две недели, они заказали скульптуру для парка.

– Никто ни сказал, что этот заказ был получен благодаря тебе. Я на нем заработал двадцать тысяч. И ты даже не получила свой процент, – сказал ей Майкл. – Почему ты мне об этом не сказала? Почему не сказала своему боссу? Все что ты сказала, они не захотели готовую скульптуру, которую ты им предлагала.

Кэрри пожала плечами и засмеялась.

– Потому что они не захотели ту вещь, которую я им предложила, и это не я продала заказанную скульптуру. Это твое искусство привлекает зрителей. Все что я сделала, это честно высказала свое мнение. Все остальное, отношения между тобой и городом Цинциннати.

– Кэрри... – сказал Майкл, резким от эмоций голосом. Она

поддерживала его творчество, потому что верила в него, даже когда была замужем за другими мужчинами, даже когда она якобы его ненавидела. И что он должен был делать с этой информацией?

– Поверни возле часовни, – сказала ему Кэрри, ее внимание было приковано к окну. – Дом через милю по улице, рядом с ней.

Майкл повернул машину, проглотив желание потребовать больше объяснений. Он увидел, как Кэрри заметно погрузилась внутрь себя. Обычно, она бросалась в конфронтацию, но в настоящий момент ее глаза были наполнены ужасом. Что такого ужасного могла сделать ее семья?

Она выглядела... ну, она выглядела как в тот день, когда появилась в его доме, чтобы рассказать о ребенке. С тех пор она не была похожа на саму себя.

– Кэрри... я здесь не из-за твоих родителей. Я здесь ради тебя. И не позволю им использовать меня, чтобы причинить тебе боль, – сказал ей Майкл, надеясь, что сможет это сделать.

Он будет бороться со своей раздражительностью и ухватится за терпение, которое для этого понадобится.

Он будет равняться на своего отца, самого спокойного человека, какого он встречал за свою жизнь. Он будет спокойным и вежливым.

– Я ценю твои благородные мысли о том, чтобы ради меня вести себя наилучшим образом, – с сарказмом сказала Кэрри, когда они повернули на длинную подъездную дорожку к дому ее родителей. – Просто ты впустую потратишь усилия на этих людей. Не беспокойся. Я знаю, как с ними управиться. Мы долго здесь не задержимся, впрочем, они этого и не ожидают. После того, как я познакомила их с несколькими мужчинами, с которыми встречалась, я перестала это делать. Это не стоило того, через что им приходилось пройти с моей семьей.

Когда она вылезла из машины, Майкл нахмурился, увидев ее отстраненный взгляд. Ее плечи так сильно опустились, что она практически наклонилась вперед. Пока она шла, ее взгляд был обращен на

землю. Кэрри не подняла глаз, чтобы взглянуть на блеск сентябрьского солнца или на ветер, гуляющий в деревьях. Майкл подумал, что Кэрри даже не была похожа на саму себя.

И прежде чем Майкл пересек порог дома, он уже был зол на ее семью.

Кэрри постучала в парадную дверь длинного одноэтажного кирпичного дома, в котором выросла и тихо ее открыла.

– Привет, – позвала она, заходя внутрь вместе с Майклом.

Ее мать выскочила из кухни в коридор, раскрыв руки и подходя к ним.

– Карлин, почему ты так долго не приезжала? Ты что, похудела? Ты кажешься тоньше, – сказала Мэгги Аддисон, крепко обнимая свою старшую дочь, и стараясь не обижаться, когда та не обняла ее в ответ.

– Мам, это Майкл Ларсон. Майкл, это моя мама Маргарет Аддисон, – сказала Кэрри, отходя в сторону, чтобы позволить Майклу пожать руку матери.

– Рад с вами познакомиться, миссис Аддисон, – вежливо сказал Майкл, пожимая руку женщины.

Он был удивлен ее твердым рукопожатием, потому что не ожидал этого от женщины, которая не смотрела ему в глаза больше двух секунд. Она была ростом с Кэрри и была больше похожа на более взрослую версию своей дочери. За исключением того, что ее очень светлые волосы, были перемешаны с еще более яркими седыми прядями.

Майкл Ларсон был не очень высоким, подумала Мэгги, но у него были очень широкие плечи и железная хватка. И ее мужу Итану не удастся так легко его запугать, подумала она, в конечном счете, решив, что это было бонусом для Карлин. Она рассматривала лицо Майкла, увидев темные, решительные глаза, изучавшие ее в ответ. От того, что он пристально, не отводя взгляда, смотрел в глаза, ей стало немного не по

себе.

– Все на заднем дворе. Я просто заканчивала обед, – сказала Мэгги, избавляясь от нервозности. – Карлин, возьми Майкла и познакомь его со всеми. Я через минутку принесу чай.

Кэрри потянулась и взяла в свою холодную ладонь руку Майкла. Он посмотрел на нее, но ничего не сказал, обхватив ее теплыми пальцами.

Дарла и Элисон были на задней веранде, когда Кэрри раздвинула двери. И они фактически прыгнули в ее объятия.

В этом были любовь и теплота, подумал Майкл, наблюдая, как младшие сестры обнимают Кэрри и похлопывают ее по лицу.

Они поболтали о колледже и разных вещах, в то время как Майкл замечал ее сходство с сестрами. За исключением темных локонов Кэрри, они выглядели как тройняшки. Было очевидно, что ее сестры унаследовали внешность от матери.

Кэрри повернулась к Майклу и представила, не удивившись, что обе сестры разглядывая его, заметно оживились.

Мужественная внешность Майкла была простой и приземленной. Но сегодня он выглядел исключительно, в новых джинсах и свежей рубашке в полоску, которая подчеркивала его плечи. Ей хотелось рассмеяться, когда она заметила как Дарла и Элисон пытаются скрыть свой интерес, однако была вынуждена положить руку на живот, когда ее накрыла волна тошноты.

Майкл мгновенно подошел к ней, обхватив ее за талию и прижав ладонь к ее животу.

– Ты когда в последний раз принимала лекарство?

– Это, наверное, просто стресс. И пока не время его принимать, – сказала она, пытаясь убрать его руку со своего живота, в то время как ее сестры смотрели на них, раскрыв рты.

Ее семья не демонстрировала нежность на публике и Кэрри покачала головой в ответ на вопросы в их глазах.

– У меня последнее время были проблемы с желудком. Но не стоит

беспокоиться, я в порядке. Майкл просто нервничает, потому что он видел, как меня несколько раз тошнило.

– Не я один нервничаю. Тебя практически трясет, – прошептал он, через плечо, взглянув на двух мужчин, которые пристально за ними наблюдали. – Так скажи мне, это твои брат и отец сердито на нас смотрят?

Кэрри медленно повернулась и посмотрела во двор. Ее невестка Кристалл играла с годовалым племянником Джейсоном. А отец и брат стояли, скрестив руки, и смотрели на группу на террасе.

Кэрри закатила глаза и вздохнула, распознавая язык тела, и что он означал. Они уже были возмущены, а все что Майкл до сих пор сделал, прикоснулся к ней, беспокоясь о ее здоровье. Вероятно, они увидели его длинный хвост и пришли к выводу, что он язычник. Так что, все остальные суждения о нем будут исходить из этого.

– Да, – ответила она, ее тон такой же жесткий и недружелюбный, как и их взгляды. – К сожалению, эти двое – мужчины моей семьи.

– Интересно. Они оба блондины. Ты единственная брюнетка? – спросил Майкл, надеясь отвлечь ее глупым вопросом. Кроме того, ему было любопытно, как в семье, где все были блондины, появилась брюнетка с волосами шоколадного оттенка с красными прядями.

– Да, – ровно ответила она. – Я единственная брюнетка. Послушай, не удивляйся ничему, что мужчины моей семьи скажут о моей внешности или о нас. Они думают, что имеют право контролировать всех и все, что относится к фамилии Аддисон.

– Ты их боишься? – тихо спросил Майкл, нарочно ее дразня. И улыбнулся, когда Кэрри сердито на него посмотрела.

– Нет. Я их не боюсь. Просто опасаясь неизбежной конфронтации из-за тебя. Ненавижу конфликты, – сказала она, скрещивая руки и сердито глядя на самого Майкла.

– Нет. Ты бросаешься в конфронтацию, – поправил Майкл. – Ты остановила мою мать и будущую мачеху от того, чтобы в ту пятницу они

друг друга не поубивали. И даже не подумала, что можешь получить физическую травму.

– Я остановила их, *потому что* ненавижу конфликты, – настаивала на своем Кэрри.

Майкл рассмеялся. Женщина еще вчера держала его за волосы, и сегодня, его скальп все еще ощущал последствия этого.

– Елки-палки, ты обманываешь саму себя. Тебе нужно поговорить с моим братом Шейном, хотя, думаю, что ты захочешь подождать до декабря, когда он официально получит докторскую степень.

– Хорошо. Веди себя как шут, но это не смешно. Хочешь понять, чего я избегаю? Тогда пошли. Давай представим тебя мужчинам моей семьи, и ты сможешь составить свое собственное мнение, – заявила Кэрри, схватила его за руку и потащила во двор.

– Приятно познакомиться, – сказал Майкл ее сестрам, которые заулыбались и помахали руками, когда он позволил себя утащить.

Он не пропустил симпатию в их взглядах и подумал, не стал ли его рот снова причиной неприятностей.

Глава 4

Они еще не дошли до двух мужчин, а отец Кэрри уже нахмурился и начал задавать вопросы.

– Карлин, что с тобой девочка? Ты плохо выглядишь. Не заботишься о себе? – высказался Итан, шагая вперед, чтобы обнять дочь, которая не обняла его в ответ.

Он почти привык к ее сопротивлению, но это все еще причиняло боль.

– Я в порядке. Пап, это Майкл Ларсон. Майкл – это мой отец Итан Аддисон, – сказала Кэрри, стиснув зубы, когда встретила с сердитым взглядом брата.

– Знойный день для сентября, не находите? Готов поспорить, что вам жарковато с такими волосами, – сказал Итан, и почувствовал, как Майкл на мгновение почти до боли сжал его руку, прежде чем ослабил хватку. Значит, у мужчины есть характер, подумал Итан.

– Если все, что ты собираешься сделать, это отпускать невежливые комментарии о внешности Майкла, то мы с удовольствием уйдем, – сказала Кэрри, приподняв подбородок и глядя на отца.

Майкл, прищурившись, посмотрел на лицо Кэрри, которое на солнце казалось слишком бледным, И для сентября, солнце действительно было жарким. Он перевел разочарованный, предупреждающий взгляд на ее отца и был удовлетворен, когда мужчина в ответ сделал маленький шаг назад.

– Вообще-то, от волос жарко только, когда я их распускаю. Но большую часть времени ношу их, собранными в хвост, – сказал ему Майкл. – Не могу обрезать, потому что они очень нравятся Кэрри.

Он был доволен, когда отец удивленно на нее посмотрел.

Поскольку эта граница была отцом признана, Майкл повернулся к все еще сердито смотревшему на него мужчине. Брат Кэрри буквально дрожал от откровенного и явного гнева. Фактически, они оба с отцом, почти гудели от какого-то неуместного возмущения.

Майкла возмутило их отношение, но ему хотелось вздохнуть от того, насколько Кэрри была расстроена отсутствием у них хороших манер при приветствии. Если бы его семья поступила с ней так же... нет, он даже не хотел об этом думать. Они бы никогда не стали вести себя так невежливо по отношению к незнакомке... даже Шейн.

– Ты должно быть брат Кэрри – Кевин, – сказал Майкл, протягивая руку.

Кевин посмотрел еще мрачнее и, протянув руку, сжал ладонь Майкла в мертвой хватке, специально сильно ее сжимая.

Называется, собирался быть вежливым, подумал Майкл, которому не оставалось выбора, кроме как сжать в ответ. К счастью, годы занятий тяжелой атлетикой и работа, которой Майкл занимался, обеспечили внушительную силу в его ладонях.

К тому времени как Майкл ослабил захват, Кевин поморщился.

Он оглянулся на Кэрри, которая покачивалась и пыталась стоять прямо. Раздражение Майкла усилилось, но он на всякий случай подошел к ней ближе.

Если кто-то из этих мужчин думал, что сможет плохо относиться к Кэрри, когда Майкл был рядом, то они будут чертовски удивлены. Он мог бы играть с ними в эти мужские игры, но не в тот момент, когда за ними с тревогой наблюдала Кэрри.

– Кэрри, дорогая, ты выглядишь бледной. Нам, вероятно, нужно найти место в тени, где ты смогла бы присесть, – тихо сказал Майкл, положив ладонь на ее руку.

– Что с тобой, девочка? Ты слишком больна, чтобы стоять? – потребовал ответа Итан, неожиданно замечая выражение лица дочери. Она действительно выглядела так, словно в любой момент могла упасть. – Я твой отец, Карлин. И ты должна мне отвечать, когда я задаю тебе вопрос.

– Нет, не должна, – вмешался Майкл, обнимая Кэрри. – Вы над ней издеваетесь и пытаетесь ее расстроить, но в моем присутствии вы этого

больше не будете делать. Так что, хватит. Если хотите узнать, что не так, то задайте вопрос без этих я-твой-отец и раздражения. И говорите это нормальным тоном.

– Кем ты себя возомнил? Мы семья Карлин, – сказал Кевин, скрестив руки на груди и подходя к Майклу. Он был выше на несколько дюймов и не боялся наброситься на него, если понадобится.

– Кто я такой? – с вызовом сказал Майкл. – Я мужчина, который собирается жениться на твоей сестре, что теперь делает *меня* ее семьей.

Почувствовав, что Майкл начинает закипать от гнева, Кэрри чтобы привлечь внимание, положила ладонь на его руку. Последнее что ей хотелось, чтобы он чувствовал себя обязанным защищать ее от собственной семьи. Это не было частью их сделки.

– Майкл, все в порядке, – сказала она. – Меня это не беспокоит. Я привыкла к тому, что они говорят.

– Карлин, то, что он говорит, это правда? Если ты выходишь за этого мужчину замуж, то почему до сих пор ничего не сказала? Твоя мать говорила, что тебе не терпелось выйти замуж за какого-то Тома или как там его. Не то, чтобы у тебя получились какие-то отношения за пределами естественного порядка, – заявил Итан, протянув руку, чтобы погладить ее плечо, к которому не прикасался Майкл.

Когда Кэрри отодвинулась от него, прильнув к Майклу, Итан тяжело сглотнул.

– Ну, эти отношения я тоже не буду благословлять. Ты можешь выйти за этого мужчину, который для тебя практически незнакомец, но и этот брак у тебя получится не лучше, чем другие.

– В ваших словах слишком много осуждения, – сказал Майкл и, желая защитить, обнял Кэрри за талию и притянул к себе. – Сегодня она пришла, чтобы рассказать вам о нас. Почему бы вам не замолчать на некоторое время и не послушать ее объяснения?

– И кто теперь грубит? – едко сказал Кевин. – И вообще, пока не

женишься на моей сестре, держи руки при себе. Она тебе еще не жена, Ларсон.

Майкл взглянул на Кевина, от гнева на комментарии ее брата его лицо вспыхнуло. Увидев, как темнеет его лицо, Шейн бы уже запаниковал. А отец напомнил о необходимости принимать взвешенные решения.

Мысли о мужчинах его семьи помогли Майклу проглотить яд, который так хотелось выплеснуть на этих двоих.

– Кэрри самостоятельный человек, – осторожно сказал Майкл, усиленно стараясь сохранить ровный голос. – Но она определенно моя, чтобы ее защищать. Никогда в этом не сомневайтесь.

– Майкл, – с нажимом произнесла Кэрри, наконец, обретая голос и убирая его руки. – Забери меня домой. Привести тебя сюда было ошибкой.

– Кэрри, сначала тебе нужно немного посидеть или тебя стошнит в машине. Позволь отвести тебя к сестрам. Они смогут за тобой присмотреть, пока я закончу разговор с твоим отцом и братом, – сказал Майкл, нежно погладив ее по волосам.

– Нет. Конечно, нет. Я не оставлю тебе одного с папой и Кевином, – сказала Кэрри, в животе у нее унизительно заурчало, а глаза наполнились слезами.

– Я достаточно сильный, чтобы иметь дело с их мыслями о нас. И тебе не нужно драться вместо меня, – пытаюсь ее успокоить, подразнил Майкл, и слегка улыбнулся над ее беспокойством.

– И ты тоже не должен воевать вместо меня, – твердо сказала Кэрри, быстро проигрывая битву за то, чтобы не разреветься.

– Карлин, отец задал тебе вопрос. Почему тебя тошнит? В течение нескольких месяцев ты разговаривала только с мамой, – потребовал ответа Кевин.

– Почему ты все еще такой злой Кевин? – ответила Кэрри вопросом на вопрос.

– Я не злой. Просто я о тебе забочусь, – запротестовал Кевин.

– Нет. Ты не заботишься. Если бы ты искренне за меня волновался, то был бы более вежливым с Майклом. Нравится вам с папой или нет, но я собираюсь за него замуж, – сказала Кэрри, выходя из защитных объятий и дергая Майкла за руку. – Пошли со мной. Мы уходим. Я вообще не должна была тебя сюда приводить.

– Кэрри, может их просто нужно убедить, – тихо сказал Майкл и повернулся к ее отцу. – Мистер Аддисон, что заставит вас поверить в то, что я люблю вашу дочь?

Итан увидел бледность на лице его дочери, увидел, что ее рука прикрыла живот. Она выглядела как Мэгги в первый год их совместной жизни. Казалось, прошлое словно снова ожило.

А затем Итан понял, что происходит с его дочерью. И от этого его голова пошла кругом.

– Ты ждешь ребенка от этого мужчины? – спросил Итан. Его лицо стало мертвенно бледным от осознания того, что, не смотря на то, что он много лет учил их правильным вещам, еще один внук был зачат вне брака.

Кэрри перестала тянуть Майкла и замерла. Не было другого выхода, кроме как признаться в том, что через пару месяцев станет очевидным.

– Да. Я ношу ребенка Майкла и мы женимся. И я приехала, чтобы вам об этом рассказать, – сказала она, снова приподнимая подбородок.

Майкл повернулся, чтобы посмотреть, что ее отец собирается сказать или сделать. И поэтому удар в челюсть застал его врасплох. Это не сдвинуло его с места, но все равно было чертовски больно.

Затем все, казалось, происходило как в замедленном кино, когда его голова вернулась в прежнее положение, и он повернулся лицом к мужчине, который его ударил. Кевин тяжело дышал и сжимал руки в кулаки. Майкл приготовился ко второму удару и сказал себе, что не собирается убивать, когда врежет ему в ответ.

Сестры Кэрри закричали и как размытое пятно промчались мимо него. Он поднял руку, чтобы потереть челюсть, наблюдая, как они обе,

словно лайнбекеры, врезались в брата.

Майкл услышал, как позади него на веранде что-то с грохотом упало. Он медленно повернулся, чтобы взглянуть на Кэрри, которая, покачиваясь, в шоке прикрыла рот рукой.

А затем, шокированный Майкл увидел, как мимо больной дочери пробежала мать, чтобы поймать в объятия своего мужа.

Ну ничего себе, подумал Майкл, зачарованно наблюдая за невероятной сценой. Ему нужно увести отсюда Кэрри, пока она не упала на землю. Похоже, никого кроме него не волновало, что ее в любую минуту может стошнить.

Так что вместо того, чтобы наброситься на ударившего его мужчину, Майкл протянул руку, чтобы удержать Кэрри в вертикальном положении.

– Майкл, – сказала Кэрри, прижимаясь к нему головой.

– Я в порядке, – ответил он, понимая, что это было правдой.

Затем, Майкл, наконец, посмотрел на Кевина, которого сдерживали Дарла и Элисон и который выглядел так, словно сам был готов его убить. Когда Кевин почти вырвался на свободу, они усилили на нем хватку и прошептали в ухо неуклюжие угрозы.

Глаза Майкла сверкнули на солнце, когда он прищурился и посмотрел на Кевина Аддисона.

– Давай Кевин. Ударь меня снова, когда я этого ожидаю и я буду очень рад вбить тебе в голову немного здравого смысла, в то время как вся твоя семья будет за этим наблюдать, – предупредил Майкл.

– Не могу поверить, что Кевин тебя ударил, – простонала Кэрри, сжимая его рубашку. – Прости. Я так сожалею, что втянула тебя во все это.

– Почему? Это не твоя вина, что твой трусливый братец решил сегодня вести себя как задница, – сказал Майкл мягким голосом.

Когда Кэрри всхлипнула, он подхватил ее на руки, полностью намереваясь избавить их обоих от происходящего.

– Ладно, хватит с нас этого безумия. Мы уходим. И тебе больше не

нужно беспокоиться о том, что эти люди снова причинят тебе боль.

Майкл повернулся с Кэрри на руках, и ему захотелось рассмеяться, когда он увидел что Дарла и Элисон держат Кевина в крепком захвате. Рядом стояла бледная, плачущая женщина с ребенком на руках. С отвращением на лице, Кевин вновь попытался освободиться, но девчонки только стиснули зубы и сжали его крепче.

Определенно, это была сцена как из плохого кино, решил Майкл. Кевин был злодеем. Итан был жестким, бесчувственным человеком. Мэгги была женщиной раздираемой противоречиями.

Только Дарла и Элисон проявляли какое-то здравомыслие и смотрели, что они могли сделать, чтобы помочь Кэрри и ему. Майкл чертовски хорошо понимал, откуда у них появилась эта ярость, потому что держал в руках самую неистовую женщину. Именно поэтому его совершенно вывело из себя то, что ее семья так легко смогла ее уничтожить.

Вот дерьмо, подумал он. Предполагается, что семья должна помогать, а не создавать хаос в твоей жизни.

– Дарла, Элисон. Спасибо за помощь. В любое время рады видеть вас у нас, – сказал Майкл.

Затем он оглянулся и посмотрел на ее родителей.

– Вы двое – паршивые родители. Я не знаю, почему Кэрри беспокоит, что вы думаете о ней, обо мне или ребенке. Я люблю вашу дочь. И будьте уверены, я собираюсь относиться к ней лучше, чем вы сегодня. И это больше, чем вы заслуживаете знать о нашей ситуации.

Майкл повернулся и ушел с Кэрри на руках, не оглядываясь назад.

– Майкл прости, что я тебя в это втянула, – всхлипывая, расстроенным голосом сказала Кэрри.

– Если ты заплачешь, то я оставлю тебя на патио и вернусь, чтобы поколотить твоего брата, – сказал ей Майкл, шагая как можно быстрее в сторону дома и подальше от ее семьи.

– На самом деле я не плачу. Это просто стресс, – сказала она, сильно

шмыгая носом возле его плеча. – Теперь я могу идти сама, опусти меня на землю. Я слишком тяжелая, чтобы всю дорогу нести на руках.

Майкл остановился возле веранды, поставил Кэрри на ноги и стоял рядом, пока не удостоверился, что она не упадет в обморок. К тому времени он уже немного успокоился.

– Теперь, когда я спокойнее, давай попробуем еще раз. Если хочешь, посиди здесь, а я вернусь и посмотрю, смогу ли я уладить ситуацию с твоим отцом и братом. Может быть, новости просто застали их врасплох?

Кэрри покачала головой.

– Нет. Это бесполезно. Они не будут слушать никакие объяснения. Все, что их заботит – что подумают люди из церкви, когда выяснится, что я беременна и снова собираюсь замуж. С их точки зрения, я продолжаю делать ошибку за ошибкой. Иногда мне и самой так кажется, но я не могу вернуть все обратно, чтобы спасти их репутацию.

– Милая, просто, как и все мы, ты, как можешь, проживаешь свою жизнь. А этим мужчинам нужно научиться состраданию, – с яростью сказал Майкл. – Независимо от их мнения, у них все равно нет права разговаривать с тобой таким образом. Все заслуживают уважения. Им еще повезло, что их не слышал мой отец.

– Они больше не ранят мои чувства. Мне просто перед тобой неудобно. Мне нужно ненадолго зайти в туалет, а потом я буду готова поехать, – сказала она, убегая от него, когда он последовал за ней в дом.

Кэрри только вышла из туалета, когда вернулась ее мать и направилась прямо к ней.

– Карлин, ты в порядке? – спросила она. – Итан... твой отец... он сказал, что ты ждешь ребенка.

– Да. Я беременна, чуть больше двух месяцев, – сказала Кэрри, снова приподнимая подбородок и обнаруживая, что с каждым разом делать это было все трудней. Потому что она так устала от всех отбиваться. – Я приехала, чтобы рассказать вам всем о ребенке, и что мы с Майклом

собираемся пожениться. Я уже к нему переехала, потому что меня сильно тошнило. Он... он обо мне заботится.

– Карлин... пожалуйста, будь терпелива со своим отцом. Просто это тяжело принять. Ты же знаешь, что он с трудом принимает твой нетрадиционный образ жизни, – сказала Мэгги, примирительным голосом.

– Это не было так, будто я преследовала Майкла и забеременела, просто для того, чтобы сделать жизнь отца несчастной. Семья Майкла, только встретив, сразу же меня поддержала. Трудно не сравнивать то, как все приняли они, и то, как отец с Кевином изо всех сил стараются, чтобы я чувствовала себя виноватой за мою жизнь, – сказала Кэрри, грустным голосом. – Мам, я не собиралась забеременеть. Верите вы с папой в это или нет, но это правда.

– Кэрри, то, что произошло между нами, случилось потому, что мы испытываем друг к другу страсть, – твердо сказал Майкл, бросив на нее горячий взгляд. – В этом нет стыда. Это не ошибка. И ты знаешь, что я думаю о ребенке как о даре. Я имел это в виду, когда говорил.

Кэрри не могла остановить слез, они текли с такой силой, что падали на пол у ее ног. Майкл сказал ей об этом той ночью, когда она сообщила ему о ребенке. Тогда, она ему не поверила, но теперь не было никаких сомнений в его искренности. Все его поступки с тех пор, доказывали ей, что он искренне хотел малыша. И если было что-то хорошее в ее беременности, то для Кэрри было именно это. По крайней мере, отец ее ребенка, его хотел.

Маргарет с уважением посмотрела на мужчину, стоявшего возле ее дочери.

– Ну, как бы то ни было, у тебя есть мое благословение, Майкл Ларсон. Я тебе верю.

– Лучшее предложение за сегодняшний день, – сказал он, удивляя мать Кэрри быстрым объятием. – Миссис Аддисон, я люблю вашу дочь.

– Пожалуйста, зови меня Мэгги... и я тоже так считаю, – сказала

Мэгги, произнося короткую благодарственную молитву. А затем, еще одну, о том, что однажды ее дочь в это поверила. Она слишком хорошо знала, почему ее дочь плакала, вместо того, чтобы испытывать радость и гордость.

Кэрри снова покачнулась и, поймав ее, Майкл выругался.

– Мэгги, извините за ругань. Кэрри, нам нужно рассказать врачу о том, что ты падаешь в обмороки.

– Наверное, просто низкий сахар в крови. Когда я носила Кевина, у меня тоже так было. Карлин, выпей какую-нибудь газировку или апельсиновый сок. Это немного поможет, – сказала Мэгги, погладив руку Майкла, который так поддерживал ее дочь. – Через пару месяцев ты будешь в полном порядке.

Майкл кивнул и подхватил Кэрри на руки.

– Давай поедem домой, чтобы ты могла отдохнуть.

– Ты не должен нести меня до машины. Я сама могу идти, – посетовала Кэрри, но положила голову на его плечо.

Мэгги поспешила вслед за ними и открыла дверь машины, чтобы Майкл мог устроить Кэрри на переднем сидении.

– Спасибо, – сказал Майкл, выпрямляясь и снова обнимая мать Кэрри.

Мэгги стояла на подъездной дорожке, наблюдая, как ее старшая дочь уезжала. Впервые за много лет, она не беспокоилась за Кэрри. Легко было увидеть, что на этот раз ее дочь выходила за подходящего мужчину. Двое предыдущих, не выдержав, просто сломались. И было очевидно, что Майкл Ларсон заботился о Кэрри, не обращая внимания на то, что подумают другие люди.

Возможно, настало время, сделать это и ей самой, решила Мэгги, чувствуя старую, глубокую печаль, с которой она так долго жила, и просто подумать о том, чтобы открыто высказать свое мнение.

Да, подумала Мэгги. Настало время посмотреть в лицо тяжелой правде ей и мужчине, которого она все еще любила, несмотря на все через что ей как женщине пришлось из-за него пройти.

Когда машина Майкла полностью исчезла из вида, Маргарет Аддисон направилась обратно во двор, где ее муж и сын по-новому пересказывали случившееся, стараясь обрисовать свои поступки в выгодном свете.

– Итан, тебе нужно перестать быть лицемером, – сказала Мэгги, поднимая подбородок и глядя на мужчину, за которым была замужем всю свою жизнь. – Я была на седьмом месяце с Кевином, прежде чем ты на мне женился и заявил права на своего ребенка. Как ты можешь заставлять дочь стесняться отца своего ребенка, который так храбро ее защищает?

– Что? – спросил Кевин, покачивая на бедре все еще плакавшего сына, и посмотрел на родителей. – Вы не были женаты, когда меня зачали? Пап, это правда?

– Маргарет, это все в прошлом, – сказал Итан, шокированный тем, что после стольких лет молчания, она выложила перед детьми, такой отвратительный секрет.

Мэгги подняла подбородок и встретила с разочарованным взглядом мужа.

– История сегодня повторилась, Итан, за исключением того, что отец малыша Карлин не пытался притвориться, что это не его ребенок.

– Мэгги, почему ты говоришь об этом сейчас? Ты же сказала, что простила меня, – сказал он, и в его голосе чувствовалось глубочайшее разочарование.

Мэгги кивнула.

– И прощала в течение многих лет, Итан. Но вся боль сегодня вернулась, и она сказала мне, что, несмотря на Божью милость, на самом деле ты в глубине своего сердца не изменился. Я была твоей женой до того как на моем пальце появилось кольцо или листок бумаги о браке. Мы создали Кевина в любви или это не так?

Итан смотрел на землю у ног своей жены.

– Для меня ты всегда была единственной женщиной. И ты знаешь, что я сделал это из-за родителей, а не из-за тебя.

– Все, о чем я тебя сейчас спрашиваю, считаешь ли ты, что мы создали Кевина из любви друг к другу, которая тогда между нами была, – потребовала ответа Мэгги, прямо встречаясь с ним взглядом.

Ее ноги дрожали, а ладони вспотели, когда она стояла лицом к лицу с мужчиной, который причинил ей боль, но, в конце концов, на ней женился. Первые два года их брака, Итан с неохотой выполнял свои обязанности мужа и отца. Она простила его, но больше не собиралась притворяться, что это не было фактом. Заявление Майкла Ларсона о том, что ребенок был даром, было то, о чем Итан ни разу не сказал, ни об одном из их детей.

Она была благодарна за силу, что удерживала ее на ногах и позволяла, наконец, свободно высказаться.

– Хорошенько подумай, прежде чем ответить на мой вопрос Итан. Это намного важнее, чем ты осознаешь, – предупредила Мэгги.

– Маргарет, пожалуйста... мы все расстроены из-за Кэрри. Давай обсудим это позже, – твердо сказал Итан тоном, который всегда использовал, чтобы восстановить порядок в их хаотичной жизни. – Нет причины говорить о нашей частной жизни перед семьей Кевина или девочками.

– Хорошо. Будь по-твоему. Ты можешь обсудить это позже со стенами пустого дома. За все наши совместные годы, я ни разу не слышала, чтобы ты поддержал меня так, как только что сделал Майкл Ларсон по отношению к Карлин, – со слезами на глазах сказала Мэгги, качая головой. – Как преданная мать твоих детей, я заслуживаю ответа сейчас.

Все что мог Итан сделать, это просто смотреть на нее в шоке. Мэгги никогда не разговаривала с ним так категорически или столь резко... ну, в течение многих лет. Он посмотрел на Кевина, который смотрел на двор, отказываясь встретиться с ним взглядом. А вот Дарла с Элисон, очень

внимательно наблюдали.

– Не понимаю, что я сегодня сделал не так, – наконец сказал он. – У меня есть право высказать дочери все, что я думаю, разве не так?

– Майкл Ларсон любит твою дочь сильнее, чем она его, если я не ошибаюсь. Ему будет тяжело заботиться о женщине, у которой такое плохое мнение о мужской доброте. Возможно, тебе нужно какое-то время побыть одному, чтобы правда смогла убедить твое сердце, – сказала Мэгги, поворачиваясь и направляясь к дому.

Если Итан не видел, как его действия влияли на его страдающую дочь, подумала Мэгги, то неудивительно, что он никогда не понимал, что причинял боль мне.

– Погоди... Мэгги. Мы создали Кевина в любви. Конечно это так, – торопливо сказал Итан. – И я понимаю, что тогда не поступил правильно в отношении тебя. Я всегда сожалел о том, что так ошибался... ты это знаешь.

Мэгги не могла его бросить, подумал Итан. Он не мог поверить, что после стольких лет и всего через что они прошли, его жена могла просто уйти из его жизни. Для него на самом деле не существовало никакой другой женщины. Он выяснил это на собственном горьком опыте.

– Мэгги... мы всегда говорили, что не хотим, чтобы дети повторяли наши ошибки. Вот почему, мы были так строги с Кевином, когда он был в колледже. И это сработало, Мэгги. Кевин женился на хорошей женщине и настроен иметь хорошую семью.

– Насколько я понимаю, ни Кевин, ни Карлин не повторяли наших ошибок, – сказала Мэгги. – Они делают свои собственные, Итан. Хотя иногда они просто похожи на наши. Но я полностью убеждена, что нынешняя ситуация Карлин это не ошибка. Напротив, я думаю, что после двух неподходящих ей мужчин, она, наконец, делает что-то правильно. Этот ребенок – дар, который направил ее на истинный путь. И Майкл Ларсон любит ее настолько, что готов защищать ее даже от тебя.

Мэгги сделала несколько шагов ему навстречу. Ей хотелось, чтобы Итан любил своих детей без всяких условий, даже если он никогда не сможет любить их так же безоговорочно, как и она.

– Карлин нужен ее отец, Итан. Ей нужно, чтобы ты перестал быть суровым и стал к ней добр. Так что или ты найдешь это в своем сердце, пойдешь к ней сейчас и пообещаешь любовь и поддержку, или я уйду. Потому что в наших с тобой отношениях ты уже исчерпал свою квоту моего понимания. Мне теперь все равно кто об этом знает, и это включает наших детей.

Мэгги разошлась и теперь повернулась к сыну. Ни ее любовь, ни любовь жены не смогли сильно смягчить ее сына. Она позволила Итану запугать мальчика и теперь, Кевин возвращал то, чему его научили.

– Ты, Кевин, оказался еще более злобной версией своего отца. Мне жалко Кристалл, потому что ей приходится иметь дело с твоим нравом. С твоим отцом было тяжело жить, и иногда даже любви было недостаточно, чтобы сделать все терпимым. Но если ты хочешь сделать что-то правильно, то отправляйся за мужчиной, у которого хватило смелости не ударить тебя в ответ и извинись. И еще, ты задолжал извинение своей сестре.

– Ситуация Карлин – не моя вина, – защищаясь, сказал Кевин.

– Нет, не твоя. Но ты не сделал ее лучше, трусливо ударив отца ее ребенка, когда он этого не видел. Хотя ладно... не ходи. Но сегодня Кристалл увидела, какой ты на самом деле. Ты хочешь потерять и свою жену? Потому что в этом отношении, ты готов повторить путь своего отца. Даже хорошие женщины устают все время плакать. Я это знаю, потому что покончила с этим, – сказала Мэгги, тяжело взглянув на Кристалл, прежде чем повернуться и зашагать к дому.

На этот раз она не обернулась и не посмотрела на этих мужчин. Она устала быть хорошей по отношению к людям, которые причиняли ей боль, решила Мэгги. Так что она больше не собиралась такой быть.

Дарла и Элисон, отправились вслед за матерью, располагаясь по

бокам, когда она, всхлипывая, шла через двор. Когда она даже не взглянула на бардак, царивший на веранде, они остановились, чтобы навести порядок.

Дарла тихо посмеивалась, убирая осколки разбившихся очков и любимого чайника матери.

– Мама будет скучать по этому чайнику. Могу поспорить, она его достала, чтобы произвести впечатление на Майкла.

Элисон покачала головой и предложила смеющейся сестре говорить тише.

– Я не удивлена, что мама была беременна до того, как они с папой поженились. Тогда такое часто встречалось. Думаешь, мама на самом деле бросит отца?

– Кто знает? Я даже не представляла, что мама может так на него рассердиться, – искренне сказала Дарла, размышляя, почему не была от этого в ужасе. И предположила, от того, что в глубине души считала, эта ссора должна была произойти намного раньше. – Полагаю, я рада, что мама, наконец, проявила характер. Я раньше думала, что в нашей семье только у Кэрри есть мужество. Если бы Кэрри не была так больна, она бы высказала отцу в лицо еще больше. С трудом верится, что у нее будет малыш.

– Ну, я понимаю, почему папа из-за нее расстроен, но Кевин вел себя как скотина. Майкл слишком беспокоился о Кэрри, чтобы врезать ему в ответ. Ей повезло, что у нее есть парень, который не боится отца и Кевина.

– Да, повезло. Не хочешь посмотреть, насколько храбры наши парни? Я приведу своего на свадьбу Кэрри, если ты приведешь своего, – произнесла Дарла, снова рассмеявшись.

– Давай сначала посмотрим, станут ли извиняться папа с Кевином. Если они изменят свое мнение о Кэрри, возможно, я тоже наберусь храбрости, – прошептала Элисон.

Заканчивая убирать веранду, они смеялись и строили планы.

Глава 5

Когда они вернулись домой, Майкл, прежде чем отправился за газировкой, довел Кэрри до спальни и убедился, что она благополучно устроилась на подушках. Он был на все готов, чтобы не позволить Кэрри потерять сознание. Он приходил в ужас от мысли, что она могла быть на работе или где-то еще, как подрубленная внезапно упасть и никого не окажется рядом, чтобы ее подхватить.

Он вернулся с газировкой, по дороге забрав из ванной ее лекарство.

Кэрри проглотила таблетки и похлопала по кровати рядом с собой.

– Присядь на минутку, – тихо приказала она.

Майкл сел, но держался от нее на расстоянии.

– Кэрри, не беспокойся о том, чтобы снова извиняться за сегодняшнее. Меня это действительно не волнует. Мы удивили твоих родителей, и они плохо отреагировали. Если мы будем действовать так же безумно, как и они, то нам это не поможет.

– Майкл, они всегда такие. Правда сегодня, они были особенно ужасны и мой брат тебя даже ударил. Почему ты их оправдываешь? – спросила Кэрри.

– Ну, это лучше, чем верить, что твой отец и брат, мудаки, – честно сказал Майкл, пытаясь ее подразнить и терпя неудачу. – Я бы предпочел думать, что они просто неправильно смотрят на вещи, и могут в какой-то момент увидеть какая ты удивительная, что пытаешься все наладить.

– Ты проявляешь слишком много лояльности к женщине, которая сама довольно плохо к тебе относится, – сказала Кэрри, сама пытаясь извиниться, прежде чем растворится в слезах. – Никто не станет тебя винить, если разозлишься и на меня.

– Не... не хочу злиться на свою будущую жену. И, кроме того, у тебя есть намного больше смягчающих обстоятельств, чем у твоих отца и брата, – усмехнувшись, сказал Майкл.

Кэрри фыркнула.

– На самом деле, нет. Я могу быть такой же бесчувственной, как и они. С этими двумя мужчинами, я, возможно, не перемолвилась и парой учтивых слов, с тех пор как была в возрасте Элисон. Обычно, я заканчиваю тем, что начинаю с ними соревноваться в том, кто кого перекричит, пока мама или Кристалл не начнут плакать. Сегодня было чертовски тяжело просто стоять рядом и наблюдать, как ты с ними общаешься. Я была слишком больна, чтобы защищать тебя или себя. Прости.

Майкл заправил ей волосы за уши.

– Кэрри, они твоя семья... в чем-то они хороши, а что-то у них получается плохо, ты так не думаешь? Я очень долго злился на маму за то, что она бросила отца. И когда я видел, как папа страдает, то меня это расстраивало еще больше. Когда она приходила в гости, я был холоден и недружелюбен. Мне понадобился год, но я, наконец, увидел, что мои родители развелись, потому что они должны были это сделать. И что для них это действительно было тяжелым решением.

– Да, но члены твоей семьи не *дерутся* друг с другом, – сказала Кэрри.

– Еще как дерутся. Ты же сама их разнимала, не помнишь? – спросил Майкл, заработав от нее смешок. – Хотя согласен... это была единственная битва в новейшей истории. Моя мачеха очень любит распускать руки.

– Похоже, ты больше не злишься на своих родителей, – сказала ему Кэрри. – Ты на самом деле теперь нормально к ним относишься?

– Я собираюсь дать ответ в стиле доктора Шейна Ларсона. С одной стороны, как их ребенок, я принимаю решение родителей закончить свой брак. Но даже в моем возрасте, мне приходится над этим работать, потому что это все еще причиняет боль, – сказал Майкл. – И я над этим работаю, потому что я люблю их, а они меня.

– Когда я впервые столкнулась со всей твоей семьей, должна заметить, что между ними были довольно страстные разногласия, –

печально улыбаясь, сказала Кэрри. – Было немного страшно слушать, как все спорят, но определенно там была и любовь.

Майкл улыбнулся в ответ.

– Думаю, что твой отец тебя любит... на самом деле, я в этом уверен. Поэтому, имеет смысл продолжать пытаться изменить его мнение. С другой стороны, мне, возможно, придется повыбивать дерьмо из твоего братца, за то, что он меня ударил. Но если хочешь, я постараюсь это сделать, когда тебя не будет рядом.

Кэрри, наконец, рассмеялась, в основном потому, что Майкл именно это и имел в виду. – О, думаю, мне будет очень приятно наблюдать, как ты бьешь Кевина. Он... в некотором смысле, он хуже чем отец, потому что он готов физически драться с кем угодно, а не только с членами нашей семьи. До сих пор не могу поверить, что он тебя ударил. В общем, ты теперь понимаешь, почему я сделала все, чтобы мои сестры уехали и находились во многих часах езды от этого безумия.

– Ага. Помогая мне, они очень хорошо держали твоего брата. Я бы сказал, что ты оказала на них большое влияние, – смеясь, сказал Майкл. – Мне доводилось видеть, как на работе ты встревала между дерущимися мужчинами.

– Это другое. На работе я просто... – начала Кэрри, но потеряла ход мысли, когда заметила устремленный на нее его мрачный взгляд.

Это был такой способ Майкла сосредотачиваться на вещах, которые его интересовали в настоящий момент. Это была очень, очень привлекательная черта, когда все его внимание было сосредоточено только на ней, – призналась она себе.

– Детка, я до сих пор жду, когда ты закончишь мысль, – сказал Майкл, рассмеявшись, когда глаза Кэрри закрылись. – Это лекарство каждый раз задает тебе трепку.

– Да... так и есть. Майкл, просто хочу, чтобы ты знал... для меня ты ближе всех к рыцарю в сияющих доспехах, – сказала Кэрри.

– Не нужно мне льстить из благодарности, – сказал Майкл, проводя рукой по ее волосам. – Я счастлив убить для тебя несколько семейных драконов. Не потому что ты слабая... я знаю, какая ты на самом деле женщина. Просто, кто знает? Может однажды, ты вернешь одолжение и сразишь нескольких для меня. Можешь начать с Шейна.

Рассмеявшись, Кэрри из последних сил оттолкнула подушку, потянувшись за спину Майкла и схватила его за хвост. Она гладила его волосы, и, обхватив его другой рукой, попыталась приподняться.

– Можешь расстаться с этой мечтой. Твой брат в два раза больше меня. Иди сюда. Ты несколько дней пытался меня поцеловать. Думаю, что сейчас мне бы хотелось поцеловаться. Полагаю, мне это даже нужно, – сказала она, удерживаясь в вертикальном положении и прислоняясь к нему, она с облегчением почувствовала его тепло и силу. Они заставляли ее чувствовать себя сильнее.

Кэрри осторожно провела губами по губам Майкла, ее сердце забило так сильно, словно она участвовала в забеге. Было приятно прикоснуться к его губам. Было приятно чувствовать себя связанной с мужчиной, который сегодня ее защищал. Майкл был единственный известный ей мужчина, который не отступил или не сбежал, столкнувшись с ее отцом и братом.

Поэтому, хоть Майкл и не хотел ее благодарности, она все равно была благодарна.

Майкл одной рукой обхватил Кэрри и прижал к себе, а другой провел по спине, пока не обхватил ее затылок.

– У тебя самый благоговейный поцелуй, из всех, что мне довелось получать, – сказал Майкл, поддаваясь велению сердца. – Когда ты меня целуешь Кэрри Аддисон, я чувствую, как твоя душа взывает к моей.

– Благоговейный? Я думала, он будет горячий и опустошающий, – сказала Кэрри возле его губ. – Но полагаю, что сейчас я слишком устала, чтобы сделать это правильно.

Майкл рассмеялся.

– Милая, ты всегда делаешь это правильно, – сказал он.

Однако Майкл все-таки взял власть в свои руки, целуя Кэрри в ответ, целуя ее до тех пор, пока она не обернулась вокруг него как лоза. Он почувствовал, как она сняла резинку с его волос, схватила полные пригоршни и намотала пряди на ладони.

Когда Майкл неохотно отодвинул губы ото рта Кэрри, его трясло.

– Я хочу вас леди. Я всегда, всегда тебя хочу. Но мне кажется, что если мы сейчас это сделаем, то я воспользуюсь несправедливым преимуществом. Несмотря на то, что проскользнуть внутрь тебя не составит труда, одной благодарности для этого, недостаточно. Когда в следующий раз ты окажешься в моих объятиях, я хочу, чтобы ты хотела меня так же, как и я тебя. Я лучше подожду, чем испорчу такой момент.

Кэрри откинулась на все еще державшую ее затылок руку и с недоверием на него посмотрела.

– Майкл, почему ты это делаешь? У меня, наконец, снова появилось желание. Почему ты внезапно запер себя в моральной дилемме? – спросила она, почти ненавидя его, когда он рассмеялся над ее изумлением.

Но Майкл ничего не мог поделать. Так ему подсказывала интуиция, хотя он мог понять замешательство Кэрри.

– Ты постоянно указываешь, что у меня нет морального компаса в отношении женщин. Однако моя мораль однозначно указывает на необходимость быть с тобой полностью откровенным, – сказал Майкл Кэрри и вздохнул, увидев несчастное выражение ее лица. – Можно я скажу, что следую своему инстинкту, и прямо сейчас он говорит мне не делать этого?

– Прекрасно. Если ты не заинтересован в том, чтобы заняться со мной горячим благодарственным сексом, тогда убирайся и дай мне поспать, – раздраженно сказала Кэрри, когда Майкл осторожно опустил ее на подушки.

– Ну, когда ты проснешься, я по-прежнему буду здесь. Может быть позже? – спросил Майкл, его рот дернулся, когда Кэрри издала звук отвращения.

– К тому времени, мое настроение поблагодарить определенно пройдет, – твердо сказала Кэрри, слушая его смех.

Она слишком устала, чтобы обидеться на отказ Майкла. От лекарств она все время вырубалась, но это был компромисс за то, чтобы ее не рвало.

– Тогда я рискну, и когда будет подходящее время, постараюсь тебя уговорить, – сказал ей Майкл, зная, что будет наслаждаться каждой секундой уговоров.

Он подошел к шкафу, вытащил плед, и, вернувшись, накинул на нее.

– Уверен, что не хочешь со мной вздремнуть? – спросила она, натягивая покрывало до подбородка.

– Заманчиво... но не в этот раз. Я собираюсь обзвонить всю мою семью и сказать, какие они замечательные, – сказал ей Майкл. – Даже моему брату.

Кэрри рассмеялась над его поддразниванием.

– Да, у тебя милый братец. Шейн просто большой плюшевый мишка. Это же очевидно.

– Ты имела в виду, медведь гризли, – сказал Майкл, откидывая ее волосы назад, когда Кэрри начала засыпать. – Человек бреется только когда идет на свидание, иногда не делает даже этого.

Майкл все еще не был уверен, что такого он сказал по телефону, что содержало бы приглашение, но в четыре часа все его семейство собралось в доме на ужин. Хотя обычно, такое случалось вечером в пятницу.

Все четверо родителей находились в гостиной, а Шейн сидел с ним на кухне.

– Какого черта ты не ударил его в ответ? – спросил Шейн, все еще с трудом веря, что его вспыльчивый брат отказался отомстить за удар исподтишка.

– Кэрри почти потеряла сознание. Мне вместо этого пришлось ловить ее, – с сарказмом ответил Майкл, отсчитывая купюры на пиццу, которую в любую минуту уже должны были доставить. И прямо как по команде, зазвенел дверной звонок. – Видишь... даже несмотря на то, что я заказал четыре пиццы, они снова сделали доставку в течение тридцати минут. Вот почему, я пользуюсь их услугами, а не твоей пиццерии.

Майкл был самым лояльным в мире человеком по отношению к тем, кто был лоялен к нему, подумал Шейн, закатывая глаза, когда его брат просто рассмеялся и быстрым шагом пошел за едой.

Майкл открыл дверь и был совершенно потрясен, увидев стоявших у порога мать, отца и угрюмого брата Кэрри.

– Майкл? Итан и Кевин пришли, чтобы извиниться. Я могу несколько минут поговорить с Кэрри? – спросила Мэгги, в ожидании разрешения теребя руками свою сумку.

Майкл выпрямился, задаваясь вопросом, должен ли он позволить кому-то из них переступить порог его дома. Он посмотрел достаточное количество фильмов про вампиров, чтобы знать, они не смогут тебя ранить в собственном доме, если ты сам их не пригласил внутрь.

Он по очереди посмотрел на каждого, рассматривая свои варианты. Вероятно, мать пойдет, наконец, решил он. Кэрри ее не боялась, и, похоже, Майкл ей нравился.

– Мэгги, газировка помогла. Спасибо за идею. Кэрри в последней спальне, слева по коридору. Но если она спит, то не будите. А так же следите за ней, если она попытается слишком быстро сесть. Лекарство, которое она принимает, действует на нее очень сильно, – сказал Майкл. Мэгги кивнула и проскользнула мимо него.

Как только она завернула за угол фойе, Майкл снова обратился

внимание на мужчин, которые все еще стояли на улице.

– Если я приглашу вас внутрь, будете вести себя пристойно? – спросил Майкл. – В этом доме я не позволю вам плохо говорить со мной или Кэрри. Никаких оскорбительных вопросов. Никакого снисходительного тона. Для нее здесь безопасная зона и она не должна из-за вас переживать, потому что слишком больна, чтобы защищаться.

– Это тот парень, который тебя ударил? – спокойно спросил Шейн, подходя и вставая позади брата, чтобы через его голову посмотреть на двух мужчин.

Если их пугали волосы Майкла, подумал Шейн, то вероятно его внешность десятикратно усилила этот эффект. Он вполне мог себе представить, о чем они подумали, увидев его небритое лицо, не стриженные волосы, блестящее кольцо в брови. И тело, достаточно большое, чтобы поддержать любые действия, которые он решит предпринять. К счастью для них он остановился только на одной большой татуировке.

Он злобно улыбнулся, наслаждаясь тем, что заставил обоих мужчин нервно сглотнуть.

– Итан. Кевин. Это мой брат Шейн Ларсон. Шейн, это отец и брат Кэрри, – сказал Майкл, сдерживая улыбку. В кои-то веки, внешность Шейна, стала его преимуществом. Кто бы мог подумать. Мужчины выглядели испуганными и готовыми сбежать.

– Майкл, я только что увидел, как незнакомая женщина вошла в спальню Кэрри, – сказал Уилл, подходя к двери. – Ну, здравствуй... Кевин. И Итан тоже. Много времени прошло. Рад снова видеть вас обоих.

– Мистер Ларсон... О... Я должен был догадаться, – нервно сказал Кевин, качая головой и глядя в небо. Уильям Ларсон знал о нем слишком много. Он не мог поверить, что когда встретил Майкла, его имя сразу не показалось ему знакомым. – Майкл... Майкл Ларсон ваш сын?

Майкл повернулся и посмотрел на отца.

– Пап, ты знаком с семьей Кэрри?

– Ну... я знаю Кевина. Он был в специальной программе, когда учился в старшей школе. Итан привел его на собрание, таким образом, мы и встретились. Так получается, Кевин – брат Кэрри? – спросил Уилл.

Майкл кивнул и улыбнулся, когда заметил опасную вспышку во взгляде отца.

– Тот самый брат, что ударил тебя исподтишка? – попросил подтвердить Уилл, прищуривая глаза и бросая свой лучший учительский взгляд на Кевина, который покраснел и отвернулся. Мужчина, всегда имел внешность интеллигента с чисто выбритым лицом. Однако сейчас, у него была бритая голова и кольцо в ухе, что делало его таким же устрашающим, как и Шейна.

Майкл кивнул.

– Да. Кэрри почти упала в обморок. И я должен был либо ловить ее, либо ударить в ответ его. В тот момент, выбора особого не было.

Сила вины была гораздо более устрашающей, чем физическая сила, подумал Майкл, взглянув на покрасневшие лица Итана и Кевина. И он поблагодарил своих отца и мать за этот урок.

– В интересную семью ты собираешься влиться после женитьбы, сын. Нам нужно будет заказать еще две пиццы, если ты с этим разберешься, – сказал Уилл, глядя на Итана, который выглядел, словно хотел провалиться под землю. А затем на Кевина, который был красным от смущения.

– Кевин, больше не бей Майкла. Потому, что я научил своего сына не только как принимать удар, но и как давать сдачу. В следующий раз, как бы Майкл не переживал о твоей сестре, он не будет хорошим парнем.

– Да, сэр, – сказал Кевин, засовывая руки в карманы. – Я не собираюсь снова его бить, и сожалею о первом разе.

– Можно просто закончить с извинениями и двигаться дальше? – спросил Итан, нетерпение одолело его обещание самому себе говорить как можно меньше.

– Конечно. Я приму ваши извинения, если в день нашей свадьбы, вы в

церкви проводите Кэрри к венцу. Хочу, чтобы вы показали, что думаете о ней как о хорошей женщине принимающей правильное решение, – сказал Майкл. – Вот такие извинения я от вас хочу, Итан. Пока что можете притвориться. Позже, когда вы увидите, что я подходящий ей мужчина, мы поработаем над тем, чтобы сделать это реальным.

Итан обдумывал предложение с минуту, в то время как Майкл Ларсон пристально на него смотрел и ждал. Наконец он кивнул. Ничего поделаться больше было нельзя. Он пообещал Мэгги исправиться, и он действительно любил свою дочь, хотя все еще был в ней разочарован.

– Хорошо. Думаю, что договорились, – сказал он, протягивая руку. Несколько секунд Майкл недоверчиво на нее смотрел, но наконец, пожал.

Затем Майкл повернулся и встретился взглядом с Кевином.

– Я должен надрать тебе задницу, за тот удар исподтишка. И однажды это случится, независимо от того, насколько ты сейчас сожалеешь, – твердо сказал Майкл. – И каким бы устрашающим ни был Шейн, он никогда вместо меня не дерется. Он просто после драки накладывает бинты. Из всех мужчин моей семьи у меня меньше всего самоконтроля. Сегодня, я был готов вышибить тебе мозги, но сестра тебя спасла.

Кевин вздохнул.

– Я не плохой парень, – устало сказал он. – Можешь спросить своего отца.

– Я понял. Я тоже не такой... но могу быть плохим, если нужно позаботиться о твоей сестре, – сказал ему Майкл. – Больше меня не бей и не надейся, что это сойдет тебе с рук. И перестань быть таким злым по отношению к Кэрри. Она уже и так достаточно сильно тебя ненавидит.

– Это я тоже намерен исправить, – сказал Кевин, вздыхая и проводя рукой по волосам. – Понимаю, что нам с Карлин нужно все уладить... в смысле, с Кэрри.

Кевин увидел широкую улыбку Майкла, и ему захотелось улыбнуться в ответ. Нужно было отдать Ларсону должное, у парня был сильный

характер и чувство юмора.

– Знаю, знаю. И можешь перестать смотреть на меня недобрым взглядом. Кэрри ненавидит свое настоящее имя, и мама с папой единственные, кому позволено ее так звать, – сказал Кевин.

Майкл распахнул дверь и жестом пригласил мужчин внутрь.

– Честно говоря, до сегодняшнего дня я и не знал, что ее настоящее имя было Карлин. Она всё, даже документы, подписывает Кэрри Аддисон, – сказал Майкл, ведя их по коридору.

– Карлин было имя моей матери. И это хорошее имя, – слегка защищаясь, сказал Итан и зашел внутрь. – Это твой дом?

– Да. Он маленький, но полностью выплачен. Что, учитывая характер моей работы, очень неплохо. Я могу финансово позаботиться о вашей дочери, но на самом деле она в этом не нуждается. Она вполне успешная деловая женщина, – сказал ему Майкл.

Джессика вышла в коридор, удивив двух незнакомых мужчин, и подошла к Майклу. В своих сапогах, она была такой же высокой, как и мужчины.

– Кэрри снова тошнит, и она хочет тебя видеть.

– Значит, газировка была плохой идеей. Наверное, она ей не подходит и нам придется подыскать что-то другое, чтобы поднять ей сахар в крови, – резко сказал Майкл, покидая группу некомфортно чувствовавших себя людей.

– Полагаю, мне нужно представиться. Я будущая мачеха Майкла, Джессика Дэниелс. Давайте я провожу вас в гостиную. Шейн, позаботишься о пицце, когда ее доставят?

Шейн расплылся в улыбке.

– Конечно, *мам*.

Джессика бросила на него взгляд, обещавший позже серьезный разговор.

– Если хочешь прожить дольше и написать свою книгу, Шейн Ларсон,

то сегодня будешь хорошо себя вести. Не заставляй меня ябедничать твоей родной матери. Эллен сейчас в гостиной, и с каждым разом мы становимся все дружнее и дружнее. Я знаю, как ты на это надеялся.

Прежде чем ответить, Шейн повернул голову и прикусил губу. Если он рассмеется, Джессика его, наверное, стукнет.

– Прости. Я буду хорошим и заплачу за пиццу. Даю слово.

В то же самое время, будущий доктор Ларсон в нем думал о том, что от своей собственной семьи он собирает материала больше, чем смог бы получить за десять лет в любом исследовательском центре.

Глава 6

Когда Майкл вошел в спальню, мать Кэрри сидела на кровати.

– Ее тошнит, но она не позволила мне войти в ванную и помочь ей. Сказала, привести тебя.

– Все в порядке. Я знаю, что нужно делать. Мэгги, Итан и Кевин в гостинной. Почему бы вам не пойти и не познакомиться с остальными членами моей семьи? Они все там собрались. Я заказал пиццу. Буду рад, если вы останетесь с нами на ужин, – сказал Майкл.

Он увидел, как Мэгги в недоумении моргнула и, не говоря ни слова, поспешно вышла из комнаты.

Майкл постучал в дверь ванной и позвал Кэрри. Дверь немедленно открылась. Кэрри сидела на закрытой крышке унитаза, спрятав лицо в ладонях. Увидев ее в задумчивости, сидящей на унитазе, Майкл рассмеялся. Это было так на нее не похоже.

– Зайди, – немедленно сказала она, когда увидела, что это был он. Однако ей пришлось встать, чтобы позволить Майклу протиснуться в маленькое пространство, которое стало еще меньше от того, что они находились здесь вдвоем. – Почему здесь моя мать?

– Понятия не имею, – честно сказал Майкл. – Возможно, она приехала с твоими отцом и братом, для того чтобы я их не убил.

– *О Боже... они тоже здесь?* – спросила она, повышая голос, пока он от недоверия не превратился в писк. – Почему мое сумасшедшее семейство в твоём доме?

Майкл прошел и пристроился сбоку ванны, но ее край был слишком узким, чтобы он мог сидеть удобно. Он сдался и вместо этого прислонился к стене, рядом с вешалкой для полотенца и скрестил руки.

– Ну, твой отец пришел, чтобы извиниться за то, что расстроил тебя, и чтобы дать свое благословение. Я их принял от имени нас обоих... надеюсь, ты не возражаешь. Мы с Кевином решили объявить перемирие,

однако я оставил за собой право в будущем выбить из твоего братца дерьмо. Думаю, что твоя мать просто хотела убедиться, что ты в порядке, – ухмыляясь, сказал Майкл, когда Кэрри снова опустилась на унитаз.

– Прямо сейчас, все в гостинной. О... здесь так же и вся моя семья, хотя я до сих пор не уверен в том, как это случилось. Но думаю, что в общем и целом, это хорошо.

Кэрри посмотрела на него и моргнула, потому что это было нереально. Это просто было невозможно. Даже если они и знали, что она расстроена, никто из ее семьи раньше не приезжал, чтобы проверить как она. Она моргнула еще несколько раз и покачала головой пытаясь заставить свой мозг принять реальность.

– Так что прямо сейчас происходит? – спросила она.

– Мы ждем пиццу, – сказал Майкл, рассмеявшись над ее шоком.

Прошло немного времени, прежде чем Кэрри снова спрятала лицо в ладонях. Она с несчастным видом сидела на унитазе, и Майклу стало слишком смешно, чтобы ее жалеть.

– Такое поведение безумно даже для них. Как могло получиться, что мы все сначала ругались в доме моих родителей, а теперь как одна дружная семья едим пиццу, хотя не прошло и нескольких часов? Я всего лишь ненадолго вздремнула, – хныкая, сказала Кэрри. – Я не понимаю. Можешь еще раз объяснить, почему они здесь?

Майкл пожал плечами, его чувство юмора, наконец, включилось.

– Может я был настолько очаровательным, что им пришлось заехать и с нами помириться? Какое имеет значение, почему они пришли? Какими бы ни были их причины – они здесь, – сказал он. – Я это точно знаю, потому что именно я их и впустил в дом. Они все в гостинной.

– Ну а я не хочу, чтобы они здесь находились, – раздраженно сказала Кэрри, потирая лицо.

Майкл хихикнул. По крайней мере, на этот раз она прозвучала как своя старая, любящая покомандовать, версия.

– Ладно. Поскольку это мой дом, то мне и придется их выгнать. Но если я это сделаю, то тебе это дорого обойдется.

Кэрри с надеждой на него посмотрела. – Хорошо. Все что угодно. Я определенно снова с тобой пересплю, если ты вышвырнешь мою семью, и гарантируешь, что мне не придется их видеть или иметь с ними дел, – сказала она.

Ей легко было дать обещание с ним переспать. Потому, что она уже приняла то, насколько сильно ей хотелось заняться с Майклом сексом. Учитывая ситуацию глобально, это было плохой идеей, но Кэрри была не в состоянии отбиться от его знаков внимания и своего желания быть с ним. Так что с определенной точки зрения, это было неизбежно, особенно учитывая, что они жили вместе и все время, практически спотыкались друг о друга.

И к тому же, Кэрри решила, что она могла бы сделать лимонад из мешка лимонов горьких сожалений, в которые превратились за последние два месяца принятые ею в жизни решения.

И если получится уговорить Майкла выдворить ее родителей, то это станет действительно хорошим началом.

– Ну, так что? Договорились? – спросила она.

– Ого, – сказал Майкл, широко улыбаясь и отталкиваясь от стены ванной. – После стольких недель отсутствия чего бы то ни было, я за один день имею от тебя целых два предложения добровольного секса. Но, к сожалению, я должен игнорировать твою искреннюю мольбу. Я это ненавижу, однако нам нужно быть ответственными взрослыми людьми и продемонстрировать твоим родителям, что мы настоящая *пара*.

– Но мы не настоящая пара. И им незачем здесь находиться, – категорически сказала Кэрри, топая ногой.

Майклу снова пришлось бороться со смехом. Он никогда бы не подумал, что Кэрри могла закатить истерику, но она определенно выглядела милой, когда была обиженной и возмущенной.

Пока он изучал ее лицо, то не смог сдержаться и рассмеялся. Смех эхом отразился от стен ванной.

– Карлин, видишь это золотое кольцо на твоем пальце? Он называется *обручальным* кольцом не просто так. Так что, в глазах всего мира мы настоящая пара. А сейчас скажи мне, тебя тошнит или нет? – спросил Майкл, делая два шага к унитазу и глядя на нее сверху вниз.

– Нет... когда я проснулась, то, как обычно почувствовала себя лучше. Я соврала, чтобы уйти от матери, – призналась Кэрри, снова закрывая лицо ладонями. – И не называй меня Карлин.

Майкл снова рассмеялся, но постарался делать это как можно тише, чтобы его не слышали остальные в доме.

Было очень заманчиво прятаться с Кэрри в ванной до тех пор, пока они не сдадутся и не уйдут. Но он хорошо знал свою семью. Вскоре, если хотя бы один из них не появится в гостиной и не скажет, что Кэрри в порядке, то от беспокойства, кто-нибудь начнет колотить по двери.

– Карлин, ты слишком взрослая, чтобы лгать своим родителям, – сказал он, пытаясь не рассмеяться и терпя неудачу. Майклу нравилось ее имя, но он благоразумно об этом не сказал.

– Не называй меня этим ужасным именем. Ни сейчас. Никогда, – она вздохнула, и звук запрыгал в маленькой комнате, не имея выхода... прямо как она, подумала Кэрри.

– Думаешь, я должна рассказать семье о нашей договоренности? Сомневаюсь, что они подумают обо мне хуже, чем думают сейчас, – спросила она, с вызовом приподнимая подбородок.

Майкл раздраженно покачал головой, положив руки на бедра и продолжая смеяться.

Кэрри посмотрела на его измученное выражение лица, наполненное больше юмором, чем раздражением. Она не пыталась его расстроить. И определенно не понимала, что такого смешного находил в этой ситуации Майкл.

– А ты сама, что думаешь о нашей ситуации в настоящий момент? – рассудительно спросил Майкл, с трудом пытаясь успокоиться. Правда, и это выводило его из себя, была в том, что в один момент Кэрри могла броситься в его объятия, а в следующий швырнуть в него их брачный контракт.

Да пошла эта правда, решил он. Очевидно, что у них были о ней разные представления. Однако Кэрри слетала с катушек, пытаясь отрицать, что они были в отношениях.

Кэрри посмотрела вверх, когда в его голосе услышала ту же ярость, с которой он разговаривал с ее отцом.

– Почему ты на меня хмуришься? Майкл, что изменилось? Ничего не изменилось только потому, что моя семья делает вид, что согласна с нашим браком по расчету, – сказала она ему.

Майкл издал громкий звук похожий на звонок в игровых шоу, заставив Кэрри подскочить от удивления.

– Ответ неверный, – громко и самоуверенно сказал он. – Твой отец дает свое благословение. Так что я обошел тех двух парней, за которыми ты была замужем. И это *единственная* правда о нашей ситуации в настоящий момент.

– Я в это поверю, когда собственными ушами услышу от Итана Аддисона, – возразила Кэрри. Но увидев триумфальный блеск в глазах Майкла добавила, – даже если он и согласился это поддержать, наша ситуация от этого *не меняется*.

– Боже мой, ты такая упрямая, – сказала Майкл, полностью выходя из себя из-за ее отказа увидеть что-то хорошее в сегодняшней конфронтации.

Очевидно, что одними разговорами ее не убедить.

И прежде чем у него было время рационально подумать о том, что еще он мог сделать, Майкл внезапно поднял ее, поставил на ноги и крепко прижал к себе. Его рот безошибочно нашел ее. Его губы соответствовали ее губам как хорошо подобранная пара, подумал он. Никакой инженер не смог

бы сделать что-то, что совпадало бы более точно.

Майкл почувствовал тот же жар и неконтролируемую похоть, которые он всегда чувствовал, когда ее целовал. Но сейчас здесь было что-то большее. Это была новая связь, которая их сковывала. С тех пор как она переехала в его дом, она тихо и неуклонно росла. Потому что их раны исцелялись, и они начинали друг другу доверять.

Нравится ей это или нет, но Кэрри придется это признать, решил Майкл.

Однако были и другие способы выиграть ее согласие, не прибегая к словесной битве, в которой у него всегда были шансы с 50% вероятностью проиграть.

– Поцелуй меня, Кэрри *Карлин* Аддисон, – прошептал он ей в губы. – Сегодня, ты дважды предлагала мне себя. И я согласен на поцелуй, пока не смогу получить остальное.

– Пока ты не избавишься от моих родителей, все предложения отменяются, – сказала Кэрри, мотая головой из стороны в сторону до тех пор, пока Майкл не поймал ее лицо в свои ладони.

Его рот, безошибочно нашел ее губы и на этот раз она застонала. Под напором его желания и нужды, она была вынуждена приоткрыть рот позволяя вторгнуться его языку.

– Я изголодался по твоему вкусу, – прошептал Майкл, отстраняясь. Его язык отступил, только для того, чтобы найти путь назад.

Затем он повернулся и сел на унитаз, потянул ее вниз, так что она оседлала его колени, и прижал к груди. Когда он почувствовал, что она расслабилась, Майкл положил руку на ее рубашку сзади и поиграл с застежкой бюстгальтера, задаваясь вопросом, что она сделает, если он его снимет. Ему ужасно хотелось обхватить ладонями ее обнаженные груди, и почувствовать как она охваченная нуждой, прижимается к его рукам. Воспоминания о том, что она когда-то сделала, воспламенили его еще больше.

На самом деле, он хотел, чтобы Кэрри обнаженная ерзала под ним, как только он сможет ее раздеть. И сейчас, он по-настоящему сожалел, что перед этим ей отказал.

Накрыв ее рот своим, он поклялся себе, что никогда больше не будет таким благородным.

– Майкл, я не могу делать *это* на унитазе, – грустно сказала Кэрри и как только слова покинули ее уста, расхохоталась. – Почему ты раньше не сказал мне «да»?

– А почему ты не призналась, что вчера на кухне хотела меня? – спросил Майкл в ответ. – Может быть, мы оба хотим, чтобы это снова стало прекрасным моментом. Я определенно знаю, что хочу снова почувствовать твои руки в моих волосах. Хочу, чтобы ты хотела меня так же сильно. И когда же это произойдет, Кэрри? Потому что просто мысль о том, что ты ко мне прикасаешься, возбуждает меня еще сильнее. И у меня такое чувство, что я умру, если вскоре не окажусь внутри тебя.

Кэрри прижалась к нему лбом.

– Черт возьми, Майкл... я тоже чувствую, словно умираю.

– Хорошо... давай, по крайней мере, начнем с того, что будем хотя бы честны друг с другом. Мы хотим друг друга, но все запутанно и никто из нас пока не знает, как в этом разобраться, – подвел итог Майкл, хмурясь и пряча лицо на ее шее. – Быть взрослым – отстой. Я сказал об этом отцу, но он мне ничем не помог.

По какой-то причине, недовольство Майкла отцом заставило ее рассмеяться и вдруг понять, что не только одна она страдала.

Когда от сочувствия ее глаза наполнились слезами, Кэрри перестала сопротивляться и обняла Майкла руками. Это был первый раз, что она могла вспомнить, когда... ну, когда он ей просто нравился.

– Ты все же собираешься заставить меня поговорить с моей сумасшедшей семейкой, да? – спросила она. Ее глаза все еще горели, но она быстро поморгала, чтобы сдержать слезы.

– Нет, – искренне сказал Майкл, в ответ тоже обнимая ее и пытаясь утешить, насколько было возможно в данных обстоятельствах.

– У меня не хватит духу, заставить тебя что-либо делать. Хотя, если ты не пойдешь со мной, чтобы с ними встретиться, то мне придется прислать сюда моего брата Шейна. Который объяснит тебе, почему для тебя будет *намного* полезнее поговорить со своей семьей, чем прятаться в ванной, притворяясь больной. Будущий доктор Ларсон очень раздражает, но его ворчание все же очень эффективно, – сказал ей Майкл.

Кэрри фыркнула ему в плечо, еще минутку расслабленно к нему прижимаясь и притворяясь, что обдумывает его угрозу.

– Майкл, это шантаж.

Майкл кивнул, продолжая ее обнимать и наслаждаясь ощущениями того, что держал ее в своих руках. Вероятно, это был первый раз, когда они обнимались, и между ними не было эмоциональной стены.

– Да. Вероятно, это шантаж, но ему я полностью доверяю. Шейн мудрый и хороший человек, несмотря на то, что он никогда не стрижется или замораживается с бритьем.

Кэрри рассмеялась над абсурдностью его критики в адрес Шейна.

– Так, давай посмотрим, правильно ли я все поняла. Мой отец думает, что твои длинные волосы придают тебе слишком богемную внешность. А ты думаешь, что это твой брат со своими не стриженными, но намного более короткими волосами и постоянно небритым лицом олицетворяет богемный образ жизни?

Майкл нахмурился.

– Ну, на самом деле я думал не так, но да... думаю, что это правильно. Все должны следовать определенным стандартам, не так ли?

Кэрри закатила глаза и, неохотно соскользнув с колен Майкла, снова встала. Она мгновенно стала скучать по его теплу и вздохнула.

– А теперь мне жалко Шейна. Как, черт возьми, это случилось?

Майкл тоже встал.

– Я честно не знаю. Мне почти никогда его не жаль, потому что он слишком меня раздражает. Ну, что ты готова?

Кэрри покачала головой.

– Нет... Я никогда не буду готова, но лучше все равно не будет. Так, что просто давай с этим покончим.

– Вот это моя девочка, – сказал ей Майкл, положив руку ей на спину. – Погоди.

Он потянулся и спустил воду в унитазе. Затем он сделал это во второй и Кэрри в замешательстве на него посмотрела.

– Это наше прикрытие, – сказал он ей, радуясь, когда ее глаза сверкнули с юмором. – Когда в туалете спускают воду, то это слышно во всем доме. Не хочу, чтобы они снова расстроились, подумав, что ты солгала, притворяясь больной.

– Ложь, по их мнению, наименьший из моих грехов, – сказала Кэрри, проведя рукой сквозь волосы.

– Давай Карлин, тебе нужно думать более позитивно, – с наигранным чувством собственной важности сказал Майкл, вытащил ее из ванной и повел через спальню.

– Думаю, что определенно тебя убью, если продолжишь звать меня Карлин, – злобно сказала ему Кэрри, не очень обращая внимания, когда он громко рассмеялся на ее угрозу. Но, по крайней мере, когда Майкл произносил ненавистное имя, в его голосе была какая-то доброта. И было не так ужасно слышать это из его уст.

Майкл остановился у двери и снова набросился на нее с поцелуем.

– Завтра снова собираешься меня ненавидеть? – спросил он.

– Вероятно... потому что я переполненная гормонами беременная женщина. И, кроме того, мне придется на работе снова столкнуться с твоими бывшими подружками, – сказала ему Кэрри.

– Тогда, нужно сделать так, чтобы мне засчиталось твое хорошее настроение сегодня, – сказал Майкл, покружив ее и прижав к стене возле

двери. – Запомни, как сильно я тебя хочу.

У Кэрри было время, чтобы сделать всего один вздох, прежде чем Майкл так сильно к ней прижался, что не нужно было иметь никакого воображения, чтобы пережить тот последний раз, когда он был внутри нее. В этот момент она так сильно его хотела, что казалось правильным умолять Майкла взять ее.

– Майкл, – позвала она, чувствуя, как он трется об нее, и ужасно боясь через минуту-другую закричать, кончая, если он не остановится.

– Постарайся не гневаться на это желание между нами. Это все о чем я прошу, – умаял он, целуя ее до тех пор, пока они оба уже не были готовы сорвать друг с друга одежду. – Я очень, очень хочу сделать это позже, но уже раздевшись.

Когда Майкл отступил от нее, его губы выглядели такими же припухшими, какими она ощущала свои. Кэрри дрожала от похоти, но ей удалось кивнуть головой. Будет трудно разговаривать с родителями, зная какой у Майкла Ларсона на нее стояк.

И потом будет невозможным, не быть с ним сегодня ночью.

– Пошли, – наконец сказала Кэрри, принимая несколько окончательных решений, в то время как Майкл тянул ее к двери. – Буду решать проблемы по мере их поступления. В любом случае, я больше не могу всех ненавидеть, потому что меня от этого просто тошнит.

Глава 7

– Я бы помогла тебе убрать остатки пиццы, но мне нехорошо от ее запаха, – с сожалением сказала Кэрри, прислонившись к кухонной раковине и потягивая очередной стакан с холодной водой.

– Понял, – просто сказал Майкл. – Постараюсь как можно быстрее вынести коробки из дома.

Она молча наблюдала за тем, как он быстро собрал весь мусор. Затем исчез через боковую дверь, ведущую в гараж, и менее чем через минуту быстрым шагом вернулся назад.

– Все сделано, – сказал он.

Кэрри кивнула.

– Спасибо.

– Ну что, это было не так уж и плохо, да? – спросил Майкл.

– Да, таблетки действительно помогают. Думаю, что меня лишь слегка беспокоит запах, – сказала ему Кэрри.

Майкл рассмеялся.

– У меня такое чувство, что мы иногда разговариваем на разных языках. Я говорил о твоих родителях.

– О, – сказала Кэрри, сделала глубокий вдох и тяжело вздохнула. – Нет. Это было так, словно ты вежливо разговариваешь с незнакомыми людьми. Было неловко, но я бы не использовала слово «плохо».

– Было очень мило со стороны мамы и Джессики поддерживать разговор на безопасные темы, не находишь? – спросил Майкл.

Кэрри кивнула. Эллен и Джессика были великолепны. Чем дольше она за ними наблюдала, тем больше ей нравились эти женщины. И если бы она не видела, как они в пятницу ругались, то после сегодняшней встречи могла бы поклясться, что они были подругами.

– Ну что ж, мы познакомили наши семьи. У нас есть кольца, и ты подписала брачный контракт. Думаю, мы готовы назначить дату и начать

планировать свадьбу, – сказал Майкл, вытаскивая из холодильника пиво. – И когда ты будешь готова об этом поговорить, то у меня есть несколько идей.

Кэрри тяжело сглотнула.

– Мы можем сделать это где-нибудь по-быстрому.

– Нет, – твердо сказал Майкл. – Твой отец согласился отвести тебя к венцу, так что это нужно будет сделать в церкви. Это может быть либо их церковь, либо мы найдем другую. Позволь мужчине сделать это для тебя, Кэрри. Пусть он будет ответственным за это.

– Я не очень хорошо отношусь к родителям, чтобы венчаться в их церкви, – сказала Кэрри, потому что на самом деле вообще не хотела церковную церемонию. Однако ее родители с большей вероятностью примут Майкла и ребенка, если все пройдет в церкви. Не то чтобы кто-то из них будет много общаться с ребенком, но она не хотела, чтобы они плохо отзывались о Майкле, когда ребенок родится. Он такого не заслужил. Так что, по крайней мере, она отвлечет их гнев на себя.

– Я не буду привередничать. Если у тебя есть на примете церковь, мы можем использовать твою, – наконец сказала она.

– На самом деле у меня такой нет, – сказал Майкл. – Я иногда хожу в церковь, но не регулярно. И хотя считаю себя верующим, но я всегда был человеком, который практически не следует обычаям.

– Я не посещаю церковь с тех пор, как перестала приезжать домой к родителям. И сейчас я хожу и туда, и туда, только когда это необходимо. Хотя иногда, мне этого по-настоящему не хватает, – тихо сказала она, выглянула в кухонное окно, а затем, отвернувшись, начала загружать посудомоечную машину.

– Я понимаю, что для некоторых людей это соответствует их определенной потребности в структуре и обычаях. Я также думаю, что в церквях есть уникальная физическая энергия. И мне по-настоящему нравятся очень старые церкви с витражами, огромными органами и

громкими хорами, – сказал Майкл.

– Правда? Тебя воспитывали баптистом? – просила Кэрри, и подумала об одной из крупнейших церквей Лексингтона, в которой женщины носили красивые платья и шляпы, а мужчины были одеты в костюмы-тройки. Их музыка была прекрасна, а улыбки по воскресеньям поднимали настроение.

– Нет. Мама и папа были лютеранами, – сказал Майкл. – У тебя есть какие-то религиозные предпочтения или отвращение к какому-то вероисповеданию?

Кэрри фыркнула.

– Нет. Я думаю, что неважно, к какой религиозной общине ты принадлежишь. Моя семья старомодные пятидесятники. Они до сих пор верят, что женщины должны носить длинные юбки, не стричь волосы и не пользоваться косметикой. Никто из моих братьев и сестер не придерживается такого внешнего вида, но ради наших родителей, бунтуют против этих требований тайно. Так, что всем видно, насколько я не соблюдаю предписанное религией.

Майкл усмехнулся, думая об обычно коротких стрижках Кэрри и ее очень обтягивающих коротких юбках. Ее внешний вид хорошо ей подходил. И ему он тоже нравился.

– Тебе следует изменить свою точку зрения, Карлин. И это сделает многие вещи более приятными. Расскажи мне что-нибудь замечательное о своей семье и их духовной жизни.

– *Карлин* с тобой вообще ни о чем не разговаривает. А Кэрри могла бы, если ты назовешь ее по имени, которое ей нравится, – сказала она ему, заставив Майкла снова рассмеяться. – Так, значит подумать о чем-то, что мне нравится, да? Мои отец с матерью раньше устраивали конкурс – кто лучше поблагодарит. Это было весело.

– *Конкурс кто лучше поблагодарит?* Что это такое? – спросил Майкл, подойдя к столу, и вытащил стул, чтобы допить свое пиво и внимательно послушать.

– В основном они делали это за обеденным столом. Мой отец громко произносил имя матери, а затем решительно высказывал что-то, за что он был ей благодарен... это могло быть все что угодно. Затем мама в ответ, так же как и он, решительно говорила, за что она была ему благодарна. Они заканчивали тем, что кричали друг на друга с разных концов стола. Это было почти похоже на сражение. И пока это продолжалось, мы вчетвером так сильно смеялись, что не могли есть. Даже Кевин, – сказала Кэрри, бросая на Майкла взгляд, который говорил можешь-в-это-верить-или-не-верить. – Конечно, Дарла и Элисон тогда были очень маленькими. Я, наверное, была в средней школе, когда они это прекратили.

– Наши обычаи были в основном связаны с главным религиозным праздником. То, о чем ты рассказала, звучит неплохо – сказал Майкл. – И возможно, мы могли бы это как-нибудь попробовать.

– Конечно. *Майкл... я так благодарна, что моя семья покинула твой дом,* – громко сказала Кэрри, смеясь над тем, что Майкл широко улыбался и одновременно пытался пить пиво.

– Кэрри, я так благодарен, что прямо сейчас ты не больна, – смеясь, сказал Майкл.

– Майкл, я так благодарна, что впервые за несколько недель была в состоянии съесть пиццу, – сказала ему Кэрри, загружая последние тарелки в посудомоечную машину и закрывая ее дверцу.

– Кэрри, я так благодарен, что ты моешь тарелки, – сказал он, но понял, что это было слабой попыткой, когда она одарила его жалостливым взглядом за отсутствие воображения.

– Майкл, я так благодарна, что сегодня ты не ударил моего брата в ответ, когда он этого заслуживал, – сказала ему Кэрри. – Он придурок, но думаю, что он, наконец, начинает взрослеть.

– Кэрри, я так рад, что смог уговорить твоего отца проводить тебя к венцу, – с гордостью сказал он, решив, что раз она могла говорить о сегодняшнем дне, то и он тоже может.

– Майкл... – Кэрри сделала паузу, глядя прямо на Майкла, который теперь смотрел в потолок.

– Я думала, что отвести меня к венцу была идея моего отца, – нахмурившись, сказала Кэрри.

Майкл вздрогнул, когда понял, что проболтался и Кэрри его на этом поймала.

– Ну, идея была Итана, это он хотел извиниться и все исправить. А я просто сказал, в какой форме это нужно сделать.

Кэрри верила, что Майклом двигали благие намерения, но она все еще злилась от того, что раскаяние ее родителей не было настоящим. У нее ушла вся жизнь, чтобы не обращать внимания на то, что они думают о ее решениях. А теперь Майкл вмешивался и пытался изменить то, чего она никогда не могла удостоиться.

Кэрри стояла, сжимая в руке край раковины и полотенце, и чувствовала себя как ее мать, которая вступила в союз с мужчиной, который все контролировал. Она сомневалась, что Майкл сильно отличался от ее отца. Просто он преподносил это немного по-другому.

Она была так разгневана, что задумалась, сможет ли суд оправдать ее, если она убьет отца своего ребенка. Однако тогда ребенка придется отдать на усыновление. Так что неважно, насколько Майкл выводил ее из себя, она быстро пришла к выводу, что он будет хорошим родителем. Честно говоря, чем больше она общалась с семьей Майкла, тем больше радовалась тому, что именно они будут вовлечены в жизнь ее малыша.

– Не стоит из-за этого спорить. И я знала, что это было слишком хорошо, чтобы оказаться правдой, – сказала она, и вместо того чтобы выпустить свою ярость, Кэрри положила полотенце на держатель для чистых тарелок. – Итан Аддисон никогда так быстро не изменит своего мнения о человеке. Он также никогда не одобрял ничего из того, что я сделала. Так что не понимаю, как я могла купиться на его притворное сожаление.

Майкл вздохнул и отставил остатки пива. У отца с дочерью, было слишком мало общего, чтобы построить нормальные отношения. Кэрри считала, что отец вообще ее не любит, хотя у Майкла было чувство, что Итан очень о ней заботился.

– Твой отец тебя любит, Кэрри. Просто он совсем не умеет это показывать. Так что, когда он будет рядом с тобой во время нашей свадьбы, возможно, ты увидишь, что он за тебя переживает.

И может быть, Итан увидит, насколько я тебе подхожу, – подумал он.

Кэрри кивнула.

– Конечно. Без разницы. Майкл, я благодарна, что ты вел вместо меня переговоры, но в этом не было необходимости. Больше этого не делай.

Майкл вздохнул, встал и подошел к ней.

– Кэрри, я благодарен за то, что ты со мной и независимо ни от чего, ты выходишь за меня замуж, – искренне сказал он, продолжая их игру, но не так громко.

Кэрри опустила голову и на минуту задумалась. Сосредоточься на хорошем, сказала она себе, но обнаружила, что не может этого сделать.

– Майкл, я благодарна, что ты согласился дать мне свободу, когда ребенок родится, – сказала она ему. – Я больше не смогу вынести, если мою жизнь кто-то будет контролировать.

Майкл громко вздохнул, как обычно разочарованный ее ограниченным взглядом на его поступки.

– Твой отец хотел передо мной извиниться, но я сказал, что ему нужно извиняться перед тобой, – тихо сказал он, положил руки на ее плечи и провел ладонями по ее рукам. – Прости, если я перешел границу.

– Знаешь ли ты, каково это расти и быть не в состоянии кому-то угодить... никогда и ни в чем? – спросила она.

Майкл покачал головой.

– Нет. Наверное, не знаю. Оба мои родителя думали, что я очень хороший человек.

– Ну, мои родители думали, что я все делала неправильно, – сказала Кэрри. – Вся моя жизнь была серией попыток добиться одобрения, которое никогда полностью так и не получилось найти. Ни от моей семьи, ни от мужчин, с которыми я встречалась, ни даже от моих мужей. Единственное, что я делала правильно, была хорошим работником и сделала все, чтобы Дарла и Элисон оказались подальше от всех нас.

– Кэрри, – твердо сказал Майкл, он сильно переживал из-за того, что она была разочарована и совершенно не верила в то, что ее любят. – Если бы я мог вернуться назад, сделать все по-новому и наладить с тобой искренние отношения в колледже... я бы сделал это в мгновение ока, потому что тогда ты бы себя так не чувствовала.

– Майкл, в колледже ты был тем, кем был. Парнем, которого я захотела и с которым переспала, – сказала она ему, испытывая облегчение от того, что могла поделиться своими настоящими мыслями. – Ты не чахнул без меня, живя безбрачной жизнью, погрузившись в свое искусство. Это не в твоей природе. Так что с того, что это меня беспокоит? Мы те, кто мы есть.

– Это не означает, что я не хочу вернуть все назад. Не встречаться с твоими коллегами и не делать тех обидных вещей, которые я сделал. Я был в эмоциональном смятении, когда ты вышла замуж во второй раз и не за меня. Я просто вернулся к тому, что делал в колледже. Клянусь, я даже не помню других женщин, они были просто временной передышкой от желания быть с тобой. Они как размытое пятно, потому что я не был связан ни с одной из них. Единственная женщина... единственная связь, о которой я думаю, это связь с тобой.

Майкл тяжело вздохнул, когда она без эмоций на него посмотрела. Кэрри не закатывала глаза, но выглядела так, словно он даже отдаленно не смог ее убедить.

– Просто скажи, что тебе от меня сейчас нужно. И я с радостью тебе это дам, для того чтобы ты поверила, что я тебя люблю, – сказал он, просто

установ от того, что не говорил ей правду. – Потому, что я абсолютно, по уши в тебя влюблен. Уже много лет.

– Майкл, после двух неудачных замужеств, я больше не надеюсь на счастливую семейную жизнь. Меня любили, но всегда наступал момент, когда что-то ломалось. И, в конце концов, я замечала что-то, что заставляло меня думать, что я закончу тем, что буду жить с кем-то вроде моего отца или Кевина, – грустно сказала Кэрри. – И тогда я уходила. Бросала своих мужей. Не они от меня уходили.

– Так ты бросала мужей из-за меня? Мне бы хотелось, чтобы было именно так, – сказал Майкл, крепче обнимая ее, чтобы не дать от него отстраниться.

Кэрри рассмеялась над вопросом Майкла. Из-за него? В этом как раз и дело. И если бы это было не так, то ничего бы не вышло из того, что она сейчас жила с ним. Даже как временное решение.

– Нет... ничто из того что я сделала, не было твоей виной или непосредственно связано с тобой. Я выходила замуж за мужчин, к которым была равнодушна, чтобы иметь законные основания для сексуальной отдушины. И да, я надеялась, что они со временем помогут мне забыть нашу с тобой историю. Я действительно была к ним не равнодушна, Майкл, просто недостаточно для того, чтобы бороться за наши отношения, когда в них появлялись проблемы. Так что сейчас, я бы предпочла не навредить мужчине, который со мной пересечется в настоящем или будущем, – сказала она. – Я не плохой человек... просто тот, кто принял несколько плохих решений.

– Считай, что тебя пригласил в клуб, человек, который сам является его членом, – сказал Майкл.

Кэрри покачала головой.

– Нет... я пытаюсь тебе вот что сказать. Я старалась сделать из тебя плохого парня. Потому что для меня так было бы намного легче. Но я начинаю понимать, что тебе в нашей ситуации тоже тяжело. И мне не

хочется сделать ее еще хуже... правда не хочется. По крайней мере, я знаю, что выхожу за тебя замуж и этот брак не продлится вечно. Я могу жить настоящим и, когда придет время, смогу справиться с остальным, – сказала она. – На самом деле, для меня стало облегчением, не пытаться жить надеждой, что у нас что-то получится.

Кэрри взглянула на лицо Майкла и не удивилась, увидев, что он страдал так же, как и она.

– Правда может быть в том, что у меня в голове бардак, и я никогда не смогу иметь то, что можно назвать нормальными отношениями, – призналась она, абсолютно в этом уверенная. – Однако я не хочу ничего делать, что в будущем сможет помешать тебе иметь такие отношения. У нас будет нормальный развод... я обещаю.

– Чушь собачья, – резко сказал Майкл, ясно понимая страхи Кэрри, но не желая мириться с тем, что ничего нельзя изменить. – С твоей головой все в порядке. Ты одна из самых удивительных женщин, которых я знаю. Черт возьми, исцели свое сердце. Я для тебя единственный и это годами было правдой.

Кэрри покачала головой, не в состоянии ему даже ответить.

– Хорошо. Можешь мне не верить, но, по крайней мере, позволь мне выразить то, что я к тебе чувствую, – потребовал Майкл. – Будь со мной сегодня ночью. Это конечно не настоящий ответ, но может быть местом, чтобы начать видеть то, насколько нам вместе хорошо.

– Майкл, ты знаешь, что я тебя хочу, так что нет смысла об этом лгать, но секс никогда... – начала Кэрри, но слова куда-то исчезли, когда Майкл крепко прижал ее к своему телу. Она вдохнула, почувствовав запах его средства для бритья и обхватила его руками. Ей хотелось свернуться клубочком, в обещающих утешений, объятиях.

– Я не идеален, но я и не такой, как другие мужчины в твоей жизни, – сказал Майкл, наклоняясь и поднимая Кэрри на руки. Он признавал, это заставляло сделать его нетерпение. Но она просто была такой упрямой,

особенно в том, что касалось их двоих.

– Открой для меня свое сердце... совсем немного, – тихо сказал Майкл.

А затем он пошел по коридору, относя ее в свою комнату – которая сейчас была ее – и которая вскоре станет их общей, подумал он.

Глава 8

– Мы так и не закончили наше соревнование, – сказал Майкл, положив Кэрри на кровать, и лег рядом с ней. Все казалось таким правильным, словно он вернулся домой.

– Кэрри, я так тебе благодарен за то, что ты оставила нашего ребенка. А еще, я благодарен, что согласилась стать моей женой. Сегодня ночью, я бы хотел быть благодарным за большее, но я не могу воспользоваться твоей добротой. Мы уже и так много всего наделали, – искренне сказал он.

Кэрри изучала лицо Майкла, пытаясь найти признаки того, что иметь с ним близость станет просто еще одной ошибкой, которую она сделает. Однако в его взгляде не нашла ничего, кроме надежды. Кэрри хотела его, и это было секретом, который она хранила в глубине своего сердца. Так какое же решение в этой ситуации можно было принять? Ведь физически, она уже была его и носила внутри себя живое тому доказательство.

– Майкл, – хрипло сказала она, пытаясь не расплакаться. – Я не знаю, что мне с тобой делать.

– Я приму любое твое решение, – сказал он, погладив ее щеку и пригладив волосы назад. – Я тоже не знаю. В данный момент, я просто счастлив лежать рядом с тобой.

Ну что ж, подумала она, если это произойдет, если она снова собирается быть с ним, то на этот раз все должно быть просто взаимным стремлением к удовольствию. А не каким-то похищающим душу событием, после которого ей завтра придется его избегать.

Может быть, если на этот раз она будет честна с этим мужчиной, то это станет началом ее изменения.

– Майкл, я очень, очень, очень благодарна тебе за то, что ты не постриг волосы, – сказала она, протягивая руку и прикасаясь к его лицу.

А затем из ее глаз потекли слезы, потому что даже самая маленькая правда освободила много других эмоций, которые она испытывала к

Майклу, и которые она обычно жестко держала в узде. Независимо от того насколько хорошо она прятала боль от прошлого, беременность наводнила ее слишком большим количеством эстрогенов, чтобы оставаться нестигаемой.

– Шшш... – сказал Майкл, наклонившись вперед, чтобы поцеловать уголки ее глаз. – Не плачь, детка. Я знал, что ты чувствовала, даже когда ты не хотела этого признать. Просто, это ранит мои чувства, потому быть с тобой, стало лучшим сексуальным опытом всей моей жизни.

– Тебе не нужно мне льстить, – тихо сказала Кэрри. – Ты был со многими женщинами. У меня тоже было достаточно мужчин, чтобы знать, что большинство людей коллекционируют сексуальный опыт, как бейсбольные карточки. Они просто закрывают их где-то, пока не появится другой коллекционер и не захочет сравнить со своими.

– Ни одна другая женщина не была тобой, и это правда, – ответил Майкл, чувствуя разочарование от того, что не мог ее убедить. Он не мог отрицать, что у него была своя собственная коллекция, но сейчас он думал об этом как о поиске. И поиск закончился на ней.

Кэрри погладила его уже немного заросший подбородок.

– Независимо от того, является это правдой или нет, с моей стороны будет справедливым выразить тебе слова поддержки, в ответ на те, что ты сегодня мне сказал. Так что слушай Ларсон... независимо от того, сколько женщин у тебя было или насколько ты ими наслаждался, я принимаю это как факт, что ты проживал свою жизнь лучшим способом, который смог придумать. Так что я официально заявляю, что больше не собираюсь тебя за это винить, – сказала она.

– Приятно слышать, но этого недостаточно, Кэрри Аддисон. Я хочу, чтобы ты мне верила, когда я говорю, что люблю тебя. И я просто собираюсь дальше работать над нашими отношениями, пока ты не поверишь, – сказал Майкл, его это успокоилось, но не удовлетворилось.

– Майкл, я веду с людьми переговоры и этим зарабатываю себе на

жизнь. И это мое лучшее предложение, которое поможет нам прожить ближайшие несколько месяцев. Прими его, пока можешь, – сказала Кэрри, улыбаясь в темноте.

– Хорошо. Я приму его, потому что трудно все время чувствовать себя виноватым, в то время как я не хотел причинять тебе боль, – сказал Майкл.

Типичный мужчина, подумала Кэрри, но без злости. Майкл искренне был шокирован тем, что многие женщины на ее работе, с которыми он переспал, все еще надеялись вернуть его назад. Эрин наверняка не будет довольна их браком. Она много раз говорила Кэрри, что однажды они с Майклом снова будут вместе, потому что очень совместимы в постели.

Но, даже не смотря на то, что она чувствовала себя обиженной его рациональным объяснением своих поступков, шарм Майкла Ларсона все равно вызвал к ней. И хотя само по себе влечение не перевесило бы весы в его пользу, его преданность ей перед лицом ее семьи, сегодня заслужила ее уважение. Самое меньшее, что она могла сделать, чтобы продемонстрировать свою благодарность, это перестать наказывать его за прошлое, которое никто из них не мог изменить.

Самое меньшее, что она могла сделать для себя самой, это дать себе разрешение принять то, что он предлагал.

– Майкл Ларсон, вам настоящим предоставляется освобождение от моего негодования по поводу вашей распущенности в прошлом. Заявленное освобождение будет длиться в течение нашего соглашения. Я даже позволю внести поправки в брачное соглашение, чтобы у тебя был способ привлечь меня к юридической ответственности, если я нарушу обещание, – сказала Кэрри, пытаясь пошутить по этому поводу. – А теперь ты можешь меня соблазнить. Я знаю, тебе нравится все контролировать.

– Рад видеть, что ты снова становишься властной, какой обычно бываешь, – иронично сказал Майкл, останавливаясь и размышляя над тем, насколько далеко это освобождение было от прощения, о котором он думал, и что Кэрри на самом деле чувствовала. Ее слова не показались ему

искренними.

– Властной? Да, думаю, это справедливо. Когда Кевин сегодня тебя ударил, он разбудил во мне воительницу, – осторожно сказала Кэрри. – Прошло уже почти два месяца с тех пор, как утренняя тошнота «пнула меня под зад», но мне надоело жалеть саму себя.

– Нам всем время от времени нужен защитник и я рад сегодня быть твоим, – сказал Майкл. – Подумываю о том, чтобы в свою визитку добавить надпись *истребитель драконов*. Мне нравится, как это звучит.

Рассмеявшись вместе с ней, Майкл перекатился на Кэрри, забыв о ее хрупкости, когда она обхватила его ногами и притянула ближе к себе. Их тела были сделаны так, что сочетались друг с другом, так же как и их губы.

– Я скучал по тебе каждый день, что мы этого не делали, – сказал ей Майкл.

– Я тоже тебя хочу, Майкл, – сказала Кэрри. – Только не проси меня притворяться, что это нечто большее.

– Хорошо. Если я должен поверить в то, что ты не хочешь ничего кроме секса, тогда и ты должна поверить, что я не хочу ничего больше, чем навсегда быть погруженным внутрь тебя, – искренне сказал Майкл. – Хочешь увидеть мое доказательство? Оно довольно четко выражено.

Кэрри рассмеялась над его «тонким» намеком, но была вынуждена согласиться с описанием.

Майкл прижался к ней всем телом и почувствовал, как ее сердце забилося от волнения.

– Так что, воительница, теперь, когда ты чувствуешь себя лучше... скажи мне, что ты хочешь в постели, чтобы я мог тебе это дать, – потребовал он. Майкл обхватил ладонями ее груди и нежно массировал до тех пор, пока она не выгнулась ему навстречу и не застонала так, как он и хотел услышать. – У тебя есть десять секунд, чтобы выдвинуть свои требования, прежде чем я покажу тебе, что делает истребитель драконов после двух месяцев воздержания.

Чувствуя головокружение от желания, Кэрри потянулась за спину Майкла и стянула резинку с его волос до тех пор, пока они не рассыпались вокруг них как черный занавес.

– Тебя, – прошептала она, взяв в руку горсть черного шелка и закрывая от удовольствия глаза. – Я хочу тебя.

Кэрри гладила его волосы, в то время как Майкл нахмурившись, расстегивал пуговицы, крючки, кнопки и замки. Его беспокоило ее молчаливое согласие, и он все больше нервничал.

Когда Майкл сделал достаточно долгую паузу, чтобы заметить выражение лица Кэрри, он увидел на ее лице благоговение, в то время как она пропускала пальцы сквозь его волосы, Это заставило его шагнуть за грань рационального, спокойного поведения. У него задрожали руки, и он грубо потянул за разделявшую их ткань.

Затем Майкл остановился, осознавая, что если он позволит этому настроению управлять их актом любви, то он может ей навредить. Его кровь кипела, сердце колотилось, а эрекция требовала к себе такое внимание, что сдерживаться причиняло боль.

Он слишком отчаянно хотел Кэрри, чтобы быть нежным и это желание копилось в течение двух месяцев, пока он ждал, чтобы снова быть с ней.

Нет, подумал он. *Не так*. Он не будет заниматься с ней любовью таким образом.

Майкл крепко ее поцеловал и, скатившись, лег рядом.

– Дай мне минутку... или две. Прошло много времени и мне нужно успокоиться, – тихо сказал Майкл, с трудом глотая и закрывая глаза, чтобы у него не возникло соблазна взглянуть на ее полуобнаженное тело и потерять решительный настрой.

Кэрри повернула голову в его сторону, ее зеленовато-голубоватые глаза заблестели, когда она пристально посмотрела в дикие глаза лежавшего рядом с ней мужчины. Она стянула остатки своей одежды, а

затем потянулась и начала снимать вещи с Майкла.

– Я не хочу, чтобы ты был спокойным, – твердо сказала она, недовольство чувствовалось в ее тоне. – Если мы это делаем, то я хочу тебя... настоящего тебя. Черт возьми, Майкл. У меня руки трясутся. Сам закончи раздеваться. Потому что прямо сейчас, у меня не хватает терпения.

Кэрри убрала с него руки, сжала их в кулаки и откинулась назад.

Из-за того, что ее голос был таким же взволнованным, как и его, Майкл ничего не сказал в ответ. Наконец делая то, о чем попросила Кэрри, он снял остатки своей одежды и перекатился назад, лежа к ней лицом.

Протянув руку, Кэрри обнаружила доказательство того, насколько он был возбужден. Майкл и раньше был с ней таким. Казалось в постели, все его мышцы становились твердыми.

– Ты беспокоишься о том, что можешь причинить мне боль? – спросила она.

– Да, – сказал Майкл сквозь стиснутые зубы, но после столь долгих ожиданий, он не собирался останавливать Кэрри и не позволять ей к нему прикасаться.

– Ну, так перестань волноваться, – сказала Кэрри, поглаживая и слушая, как он стонет. – Ты не причинишь мне вред.

Из-за своего болезненного состояния, она просто тонула в жалости к самой себе, подумала Кэрри. И это было не тем, как она выживала, несмотря на трудности в жизни или в отношениях. Она не хотела этого в дальнейшем, чувство сожаления не станет частью личности, которую она из себя вылепила.

Забравшись на Майкла, Кэрри оседлала его бедра и рукой направила его внутрь себя. Полностью на него опустившись, она почувствовала облегчение и удовольствие настолько восхитительные, что было невозможно ими не наслаждаться. Она носила его ребенка. И это давало ей право претендовать на него в большей степени, чем кому-то другому.

Она остановилась, закрыла глаза и замурлыкала от удовлетворения

тем, что сидела на его твердой длине и ожидала, когда он сделает то, что хотел с ней сделать. Честность вышла наружу, и сдерживать ее было больше невозможно.

– Ты так хорошо чувствуешь себя внутри меня. Мне нравится, как мы с тобой совпадаем, – сказала она.

– Кэрри, – сказал Майкл, называя ее по имени, чтобы она понимала, что он осознает, с кем он был.

Постанывая, она покачивалась на нем, и Майкл наблюдал, как она достигает блаженства. *Да. Господи, да, позволь мне стать причиной твоего удовольствия*, подумал Майкл. Он сдвинул бедра, чтобы толкнуться в нее глубже, но остановился. Что-то было очень не правильно.

Либо так, либо это было очень, очень правильным.

– погоди... Кэрри. Остановись... мы забыли о предохранении, – задыхаясь, сказал Майкл.

Она скользила по нему, сидя верхом и это заставило его забыть о своих благих намерениях. Он схватил ее за бедра, чтобы остановить, но вместо этого использовал их, чтобы помочь ей оставаться в вертикальном положении.

– Майкл, я не припомню, чтобы ты был таким сдержанным в последний раз. О чем ты сейчас беспокоишься? Я уже от тебя беременна, – едко подразнила она, глядя на него и сопротивляясь его усилиям держать ее неподвижно.

Когда она не подчинилась ему и не остановилась, Майкл схватил Кэрри за бедра и на мгновение смог ее удержать. Но его нужда в ней стала дикой от того, что она ерзала и пыталась вырваться из его рук.

– Еще вчера ты вообще этого не хотела, – обвинил он ее сквозь зубы. – С чего это ты вдруг готова мне полностью отдаться?

– В прошлый раз меня соблазнило твое искусство. На этот раз... скажем так, я решила использовать свое право выбора... *мои эксклюзивные варианты* на следующие несколько месяцев. Если ты сможешь оставить

это эксклюзивным, то я буду твоя, – сказала ему Кэрри деловым тоном, продолжая приподниматься и опускаться, покачиваться вперед и постанывать от того, насколько хорошо под ней чувствовался Майкл.

Кэрри только что сказала, что он сможет ею обладать? Снова и снова в течение следующих нескольких месяцев?

Майкл приподнялся и принял сидячее положение, слегка отклонив Кэрри назад так, что он мог видеть ее лицо. И он увидел решительную, возбужденную женщину с решимостью во взгляде. От этого он затвердел еще сильнее, а она вздрогнула, когда он запульсировал внутри нее.

Моя, подумал он. Наконец-то.

– Наши отношения определенно эксклюзивные, – сказал Майкл, почти теряя контроль, когда она снова схватила его волосы. – Вы полностью меня удовлетворяете, леди. И я чертовски надеюсь, что когда-нибудь смогу вернуть вам эту любезность.

Майкл руками потянул ее бедра вниз, толкнулся внутрь нее, упиваясь тем, что между ними не было ничего, кроме обнаженной похоти.

Он поднял руку и тоже схватил ее волосы, потянул так сильно, что она вскрикнула. Майкл начал целовать от ключицы вверх по шее, пока, наконец, не накрыл ее рот своими губами.

– Прости, – сказал Майкл, прерывая поцелуй, ослабил хватку, однако снова ее усилил, когда Кэрри покачиваясь на нем, надавила на него и сильно потянула его волосы.

– Кэрри. Женщина, тыводишь меня с ума. Я пытаюсь не причинить тебе боль. Оставь мне хоть немного контроля, – потребовал он.

– Нет. Я уже бывала в такой ситуации и знаю, какой ты на самом деле. Перестань быть таким осторожным и продемонстрируй мне немного энтузиазма, – смеясь, приказала Кэрри, грубое требование, становилось более резким от ее возбуждения.

Она парила на краю освобождения, но Майкл ничего не делал, чтобы отправить ее через грань. Она сама могла доставить их сюда, просто

покачиваясь на нем, но его осторожность сводила ее с ума.

– *Энтузиазм?* Ты хочешь энтузиазм? Хорошо. Я покажу тебе энтузиазм, *Карлин*, – сказал он, смеясь и переворачивая их, пока Кэрри не оказалась прижатой под ним. Минуту Майкл не двигался, просто сильно прижимал, наслаждаясь жаром, исходящим от них обоих. – Клянусь, ты самая горячая женщина на земле. Внутри ты как доменная печь.

– У тебя есть что-то, что нужно расплавить? – спросила Кэрри ровным голосом, с вызовом глядя в темноте на его горевшие от возбуждения глаза.

– Чертовски верно, у меня есть, – прошептал Майкл. После его первого жесткого толчка, ее внутренние мышцы сжались вокруг него, почти не позволяя ему выйти и сделать это снова.

– Прекрати, – приказал он, остатки его самоконтроля полностью сорвались с поводка, когда она, торжествуя, хрипло рассмеялась.

В следующий раз, когда Майкл мог двигаться, он застонал, и снова грубо дернул назад голову Кэрри, держа ее за волосы, и в то же самое время толкнулся в нее как можно жестче.

Майкл позволил Кэрри рассыпаться вокруг него на части и когда услышал, как она позвала его по имени, за прикрытыми веками увидел звезды.

По иронии судьбы, первые волны ее освобождения, наконец, дали и ему свободу делать все, что он хотел. И он определенно не собирался отказываться от возможности по максимуму использовать ее покорность. Потому что слишком хорошо знал, что это долго не продлится.

– Да... давай посмотрим, как тебе понравится быть принимающей стороной того, что я хочу. Сейчас ты моя, – грубо сказал он. – Я главный и намерен сохранить это, по меньшей мере, следующие пятнадцать минут.

Майкл перекатил их обоих к краю кровати, так что голова Кэрри свисала с матраса, а остальное ее тело было в его власти. Он двигался на ней и внутри нее, не оставляя ее телу выбора, кроме как выгибаясь

принимать его толчки.

Единственной точкой опоры для нее был Майкл, однако он не позволял ей использовать себя для этой цели.

Вместо этого, он мучил одну из ее грудей своими губами, а затем переключился на другую, не отдавая предпочтения ни одной, ни другой. Просто в данный момент брал то, что мог, слушая, как она под ним стонет.

Прошло слишком много времени, чтобы благопристойно заниматься с ней любовью, подумал Майкл. Он дошел до того, что просто повиновался желанию заявить права на свою пару.

– С тех пор как мы в последний раз с тобой этим занимались, я не мог ни о чем думать, кроме как снова сделать это вместе с тобой, – резко сказал он ей, опуская лицо к ее горлу и припадая к коже горячими губами. – Мне нужно быть с тобой так же сильно, как и дышать.

– Майкл, – позвала Кэрри, пытаясь поднять голову, потому что она хотела увидеть его лицо, хотела увидеть, было ли это на самом деле тем, как это прозвучало из его уст.

Майкл потянулся вниз, чтобы рукой поддержать голову Кэрри, но продолжил брать ее, не нарушая ритма, наслаждаясь каждым моментом ее капитуляции, так же, как и каждым моментом, что обладал ею.

– Если бы у меня было больше энтузиазма в отношении тебя, я бы отправил нас обоих в больницу, чтобы провести операцию по нашему разделению, – сказал он ей, и крепко сжал, когда его, наконец, охватило его собственное освобождение.

Он услышал, как она застонала, когда начал изливаться внутри нее, и почувствовал нужду, о которой даже не подозревал. Если бы ребенка уже не было, то Майкл не сомневался, они бы создали малыша в огне, который сегодня ночью вспыхнул между ними.

Все верно, подумал Майкл, с благодарностью опустошая остальную часть себя в Кэрри. На этот раз было лучше, чем прежде, решил он, чувствуя, как она пульсирует в одном с ним ритме, как снова пересекает

черту и произносит его имя.

Когда он, наконец, закончил, а она неподвижно лежала под ним, Майкл умудрился положить их все еще соединенные тела полностью на кровать, так что голова Кэрри снова оказалась на матрасе. Он приподнялся на руках, пытаясь не давить на нее всем весом. Через минуту Кэрри убрала его руки и, сильно дернув, крепко обняла.

– Я не хочу навредить тебе или ребенку, – сказал Майкл, перемещаясь до тех пор, пока снова не смог опираться на руки, хотя она не позволила сделать слишком много.

Не объясняя своих действий, Кэрри просто держала его, очень крепко и очень решительно, до тех пор, пока Майкл почти не заплакал от того, насколько близко она прижимала его к сердцу. Прошло несколько минут, а они продолжали просто лежать соединенные друг с другом, крепко обнимаясь, не говоря ни слова.

Наконец Кэрри ослабила хватку, и Майкл сделал тоже самое.

– Малыш еще не достаточно большой, чтобы его раздавить и я тоже в порядке. Я тебе скажу, когда ты станешь слишком тяжелым, – сказала Кэрри, потянув горсть волос, за которые теперь держалась как за спасательный круг. – Мне нравится эта часть... то, что происходит после. Так что замри и дай мне этим насладиться.

– Хорошо, – смиренно сказал Майкл, и тихо рассмеялся, осторожно ее обнимая. Ему тоже нравилось то, что было после.... или, по крайней мере, ему нравилось делать это с ней.

Это было еще одним доказательством того, что они были предназначены друг для друга, подумал Майкл. Определенно тот тип женщины, о котором говорил его отец, Кэрри была женщиной, к которой Майкл страстно стремился и хотел возвращаться снова и снова.

– Теперь удовлетворена? – спросил он, целуя ее в губы.

– Пока что, – иронично ответила она, улыбнувшись, когда Майкл насмешливо фыркнул. – Ты слишком много разговариваешь во время секса,

но это прикольно, когда тебя сравнивают с доменной печью.

– Лучше привыкай к этому, потому что мне нравится с тобой разговаривать. И то, что я тебе сказал, не было лестью во время секса. Я действительно так думаю, – сказал ей Майкл, целуя ее лицо, продолжая на ней двигаться и заставляя ее вздыхать. – Наш ребенок определенно был создан огнем.

Не в силах этого отрицать и, не желая подтверждать, Кэрри только кивнула Майклу в ответ.

А затем она закрыла глаза, чтобы избежать воспоминаний, которые грозили разрушить ее нынешнее сексуальное удовлетворение.

Возможно, если Майкл смог забыть первый раз с ней, то и она могла бы забыть свой первый раз с ним. Сейчас, они хорошо друг другу подходили, просто их воспоминания не совпадали.

Она помнила колледж. Он вспоминал ночь, когда был зачат их ребенок.

Это была пропасть, и Кэрри не думала, что им удастся построить через нее мост, поскольку Майкл никогда не поймет, какую сильную боль он тогда ей причинил. И это означало, что сегодняшняя ночь, независимо от того какое удовлетворение она получила, ничего не изменит. Впрочем, на самом деле она этого и не ожидала, поэтому не будет расстраиваться, решила Кэрри. В любом случае, секс никогда, ничего не менял. Раньше, ничего не менял.

Тем не менее, лежа под Майклом, когда их тела все еще были соединены, Кэрри размышляла о том, как она вообще сможет отпустить его после рождения ребенка. Она никогда не чувствовала себя настолько удовлетворенной ни с одним другим мужчиной, и даже близко не похоже с обоими ее мужьями.

Не потому что выдающийся секс был достаточным основанием терпеть плохую эмоциональную ситуацию, но Кэрри должна была признать, что когда держала Майкла в своих объятиях, то не очень из-за

этого переживала. Просто это была еще одна ее слабость, с которой ей приходилось бороться.

Она знала, что завтра ее неуверенность вновь заглянет в гости. На работе она встретится с Эрин и другими женщинами. И это снова и снова станет похоже на ее дни в колледже.

Майкл принадлежал ей одной, только сегодня ночью.

В течение следующих нескольких месяцев, ей придется хорошо постараться и жить настоящим, если она собирается пользоваться благами того, что будет женой в библейском смысле этого слова.

Пока Майкл нежно ее целовал и шептал, какая она замечательная, Кэрри гладила его волосы и пыталась забыть о своих тревогах, засыпая в его руках.

Глава 9

– Майкл, я собираюсь на работу, – сказала Кэрри, похлопывая его по плечу, чтобы разбудить. – Ты можешь спать дальше. Просто хотела сообщить, что ухожу.

– Сегодня утром тебя тошнило? Я ничего не слышал, – сказал Майкл, перекатившись на спину, а затем моргая, сел.

Кэрри наблюдала, как простынь упала и скрутилась вокруг его талии, собираясь над контуром того, что было прямо под ней. Она с усилием перевела взгляд на его лицо.

Сегодня утром его волосы торчали во все стороны, и ему срочно нужно было побриться.

Но для нее он выглядел лучше, чем когда-либо.

Воспоминания о прошлой ночи возвращались, соблазняя. Так что ей срочно нужно было отсюда уходить. Однако покидать его не хотелось, и она тяжело вздохнула.

– Нет. Меня не рвало, хотя немного подташнивало. Я приняла таблетку и после этого немного поспала. Так что думаю, сегодня буду в порядке, – сказала она, потрясенная тем, что Майкл наклонился вперед и нежно ее обнял.

– Позвони, если тебя нужно будет отвести домой, и я за тобой заеду. Собираюсь сегодня целый день работать. Я буду шуметь на заднем дворе, но положу сотку в задний карман.

Кэрри кивнула.

– Хорошо. Поспи еще немного, сейчас только семь тридцать.

Майкл повиновался, откинувшись на подушки, но сейчас, когда он уже проснулся, оставаться в постели без нее не мог.

Она встала и вышла из спальни. На Кэрри была короткая юбка и кардиган со свитером одного цвета, и она выглядела свежей как девочка-подросток, идущая в школу. Майкл был этим удивлен, потому что знал, что

ей тридцать два года и она беременна его ребенком.

Это его так же порадовало.

И мысль о том, что Кэрри вернется к нему домой сегодня вечером, тоже была приятной.

Когда Майкл услышал, как ее машина выезжает с подъездной дорожки, он выполз из постели. Сегодня ему нужно было поработать, но ему также нужно было кое-что сделать для планирования свадьбы.

Затем у него появилась идея... отличная идея.

Он голым пошел на кухню и нашел свою сотку, которая лежала на столе, забытая там с прошлой ночи. Он поднял трубку, набрал номер и начал делать кофе.

– Доброе утро. Я тебя разбудил? Прости. Знаю, что еще рано, но я хотел попросить тебя о большом одолжении и дать время об этом подумать, – смеясь, сказал Майкл.

Он слушал маму, которая отчитывала его за то, что он был таким скрытным.

– Мам... если ты перестанешь суетиться и достаточно долго помолчишь, то я смогу задать вопрос. Не будешь ли ты заинтересована в том, чтобы помочь спланировать мою свадьбу? – спросил Майкл.

После десяти секунд абсолютной тишины, на него обрушилось цунами вопросов.

– Нет... Кэрри не хочет вовлекать свою мать. Я ничего не знаю о платьях. Послушай... если ты заинтересована, почему бы тебе не заглянуть ко мне? Она только что ушла на работу, а я делаю кофе. Мы составим список того, что нужно будет сделать и решим, кто, чем будет заниматься. Я хочу сегодня поработать, но это тоже важно. Да. Спасибо. Да и у меня по-прежнему есть сливки со вкусом лесных орехов, которые тебе нравятся. Да. Мам, я тоже тебя люблю. До скорой встречи, – сказал Майкл и отключил телефон.

Оставив кофе настаиваться, Майкл отправился обратно в спальню,

чтобы одеться до того, как мама появится.

По дороге, он прошел мимо самой маленькой из спален, и его мысли незамедлительно перешли к другим насущным делам, которые нужно было запланировать. Комнату необходимо покрасить и ему придется купить мебель.

Ему нужна еще помощь.

Снова открыв телефон, Майкл набрал другой номер.

– Доброе утро. Что сегодня делаешь? – Он вежливо выслушал объяснения отца. – Пап, как думаешь, вы с Джессикой сможете помочь мне покрасить детскую? Ага, я уже выбрал комнату. Она сегодня дома? Замечательно. Приходите. Я прямо сейчас делаю кофе. Мама тоже придет. Она собирается мне помочь со свадьбой. Хорошо. Спасибо. Увидимся.

Майкл со щелчком выключил телефон и направился в ванную, по дороге одеваясь. На краю раковины он увидел лекарство Кэрри и ругнулся. Она его забыла и примерно через шесть часов ей станет плохо, если не примет следующую дозу. Мысленно добавив в список дел на сегодня доставить ей лекарство, он отказался от идеи поработать.

Было слишком много других вещей, о которых нужно было позаботиться. Включая Кэрри.

После обеда, Кэрри сидела за столом с телефоном возле уха, когда в дверь постучала Эрин. Мысленно вздохнув, она жестом пригласила молодую женщину в комнату и указала на стул.

– С рекламой на радио и объявлениями на сайте Лексингтонского Центра, а также бегущей строкой на входе, – сказала Кэрри в телефон, – думаю, что придет, по крайней мере, несколько сотен человек. Имей в виду, что тебе нужны всего две продажи, чтобы покрыть расходы, и одна у нас уже есть. Следующая пойдет на наши зарплаты. Все остальные деньги

будут твоими. Лана, конечно, я думаю, что твои работы будут проданы! – смеясь, сказала Кэрри. – Слушай, ко мне кое-кто зашел. До вечера пятницы мы снова поговорим. Хорошо. Береги себя.

Кэрри повесила трубку, и устало улыбнулась Эрин.

– Еще только обед, а у меня такое чувство, что я отработала целый день.

Эрин нахмурилась и фыркнула. Затем ее взгляд переместился к впечатляющему кольцу на руке Кэрри. И она впервые по-настоящему поверила слухам.

– Ты снова помолвлена? – глухо спросила Эрин.

Кэрри кивнула.

– Да. Помолвлена.

– С Томом Уинтропом? – ехидно предположила Эрин, отлично понимая, что упомянула не того человека.

– Нет... У нас с Томом ничего хорошего не вышло. А как последнее время у тебя с личной жизнью? – спросила Кэрри, услышав раздражение в голосе Эрин. Она уже знала, потому что ей, наверное, сказала Белинда.

– Моя личная жизнь не очень. Сегодня утром я услышала, что предполагаемая подруга увела моего бойфренда и теперь с ним помолвлена, – сказала Эрин, стараясь казаться не такой обиженной, какой была на самом деле.

– Эрин, мы никогда не были особо близкими подругами, и ты не встречалась с Майклом несколько месяцев. Я предполагаю, что ты уже слышала, что мы женимся, так что скажи, что хотела сказать и перестань изводить меня своей фальшивой любезностью, – сказала Кэрри, и положила руку на живот, почувствовав тошноту.

Черт, подумала она. Из-за стресса она превращалась в такую тряпку.

– Ты знаешь, как я отношусь к Майклу Ларсону. Как ты можешь с ним встречаться у меня за спиной? – потребовала ответа Эрин.

– Я с ним не встречалась. Просто... пару месяцев назад я с ним

провела ночь, и мы поладили. На прошлой неделе он попросил меня выйти за него замуж, и я сказала «да». Это не преступление, – защищаясь, сказала Кэрри. – В прошлую пятницу я к нему переехала.

– Ну, ты можешь просто от него съехать, – сказала Эрин. – Мы обе знаем, что Майкл любит погулять, как и любой мужчина до тридцати пяти лет. Когда придет время остепениться, то он будет со мной. Мы с ним родственные души, Кэрри. А ты его ненавидишь, и так было всегда.

Кэрри вздохнула. Это был спор, который она не хотела вести с более молодой женщиной, которая никогда ее не поймет.

– Эрин...Я никогда тебе не рассказывала, но у нас с Майклом были недолгие отношения в колледже. И все это время я его ненавидела из-за этого. С самого начала между нами всегда что-то было, но я этого избегала, пока пару месяцев назад мы не встретились. Я не собиралась причинить боль тебе или кому-то еще. Было ужасно слышать как ты и другие делились подробностями о том, какой Майкл в постели, когда я узнала это раньше вас. Просто я достаточно осторожна и не рассказывала о проведенном с ним времени.

– Ты лжешь, – сказала Эрин дрожащими губами. – Если бы у Майкла были с тобой отношения, он бы так и сказал.

– Я не лгу. Майкл ничего не рассказывал, потому что он меня не помнил. Вот почему я злилась. Теперь я понимаю, как глупо было заикливаться на прошлом, которое нельзя изменить. Я не собиралась причинить тебе боль, так же, как и Майкл. Он просто... легкомысленный в отношении женщин. Но я согласилась выйти за него замуж и по моим собственным причинам собираюсь это сделать, – сказала Кэрри, заглянула в сумку, но не увидела лекарство.

Здорово, подумала она. Ее снова начнет тошнить и она ничего не могла с этим поделать.

– Ты его даже не любишь, – заявила Эрин, не веря тому, что сказала Кэрри. – Как ты можешь выйти замуж за мужчину, которого не любишь?

– Эрин, ты не знаешь меня достаточно хорошо, чтобы понимать мои чувства. Майкл мне не безразличен. И у нас... в данный момент мы нуждаемся друг в друге. Это все, что я хочу рассказать тебе о нашей договоренности, – сказала Кэрри.

– *Договоренность? Это так ты видишь свой брак?* – спросила Эрин.
– Я всегда думала, что ты безразличная, холодная стерва, потому что никогда и ни с кем не встречалась. А теперь я это знаю наверняка. Но однажды Майкл от тебя устанет и, перешагнув через тебя, направится к другой женщине.

– Бог ты мой, как грубо, – сказал Майкл, входя в офис Кэрри. – Эрин, твой голос слышно даже в коридоре.

Кэрри в шоке наблюдала, как Майкл с бутылкой воды в одной руке и таблетками в другой, подошел к ее столу.

– Ты утром оставила свои таблетки. Нам нужно купить специальную коробочку, с отделениями для таблеток, чтобы ты могла их с собой носить, – нахмурившись, сказал Майкл, вытряхнул дозу и протянул ей.

– Спасибо, – сказала Кэрри, не встречаясь с ним взглядом. – Я как раз их искала и поняла, что забыла.

– Мне кажется, что ты сейчас вместо меня истребляла драконов, – сказал ей Майкл ровным голосом. – Как успехи?

– Примерно, как я и ожидала, – напряженно сказала Кэрри. Она заметила, что Эрин побледнела, наблюдая за их интимным разговором и поддразниваниями. – Эрин не верит, что я знала тебя в колледже.

– Я знал Кэрри в колледже... да, и я с ней переспал, – сказал Майкл, глядя на Эрин.

Ему нравилась эта молодая женщина. С ней было весело, и она за него не цеплялась. Он думал, что она была с ним честна. Но теперь, когда понял, насколько в ней ошибался, его это начало беспокоить. Ему не следовало встречаться с ней больше одного раза.

– Как Кэрри смогла уговорить тебя на ней жениться, когда

большинству женщин, с которыми ты встречался, не удалось затащить тебя даже на второе свидание? – потребовала Эрин ответа.

Кэрри фыркнула и невесело рассмеялась. Майкл положил одну руку на спинку ее кресла, а другую на стол.

– Я попросил Кэрри выйти за меня замуж, потому что хочу, чтобы она была моей женой. И она ничего не сделала, чтобы меня уговорить. Если кто и принуждал, то это я ее уговаривал. Черт, мне даже пришлось составить добрачное соглашение, прежде чем с ней это обсуждать, – сказал Майкл, чувствуя, что жестокая честность, была единственным способом прояснить ситуацию. – Эрин, я любил Кэрри в течение многих лет. И теперь, когда мне удалось стать частью ее жизни, я делаю все возможное, чтобы в ней остаться. И да, я знаю, что она не полностью разделяет мои чувства, но она ни холодная, и ни стерва. Не пытайся между нами встать, потому что это не сработает.

– Ладно, Майкл. Хватит, – сказала Кэрри, положив руку на его запястье.

Он разозлился на Эрин, и Кэрри могла это понять. Но Эрин была опустошена, и Майклу было на это наплевать. Кэрри слишком хорошо знала, какую боль может причинить любовь к Майклу, когда он тебя не любил в ответ.

– Эрин многое нужно осмыслить, – сказала она ему. – И я понимаю, почему она удивлена. Никто здесь не считал нас друзьями.

– Не нужно меня жалеть Кэрри, – сказала Эрин и поднялась, пытаясь сохранить остатки достоинства.

Эрин была готова расплакаться, но прилагала все усилия, чтобы не сделать этого перед Майклом Ларсоном. Неожиданно она увидела его в совершенно другом свете. Она поняла, что он не просто был легкомысленным, у него было потребительское отношение к людям.

– Знаешь Майкл, я искренне надеюсь, что Кэрри никогда не полюбит тебя в ответ. Ты такой человек, который не заслуживает ее любви или

любви любой другой женщины, – печально сказала Эрин. – Тебе полезно будет узнать, что значит, когда тебя воспринимают как должное, а потом выбрасывают, когда поменяется настроение.

После того как Эрин ушла, Кэрри смела лекарство со стола в свою сумку.

– Один дракон побежден, осталось всего четыре или пять десятков, – насмешливо сказала она, потягивая воду, которую ей принес Майкл.

– Хочешь, чтобы я извинился прямо сейчас или поговорим об этом дома? – спросил Майкл, у него на подбородке задергалась мышца.

– Увидимся позже, – сказала Кэрри, грустно на него посмотрев. – Оставим это для нашего разговора во время ужина. Я постараюсь воздержаться от того, чтобы сказать – *я же говорила*.

Майкл подошел к двери, становился и обернулся.

– Ты думаешь, я обманывал Эрин? Потому что я не думаю, что делал это. Я ничего ей не обещал, когда мы были вместе. Ты единственная женщина, которой я что-то обещал, – сказал он.

Кэрри вздохнула и, откинувшись на спинку своего кресла, пристально посмотрела на мужчину, который продолжал вторгаться в ее жизнь и переворачивать все вверх дном. Трудно поверить в то, что он не осознавал какой эффект производил на женщин. Потому, что он был такой же яркий и будоражащий, как и произведения, которые он создавал.

– Неважно, во что я верю, Майкл. Не мое дело судить то, что было между тобой и Эрин, и я не хочу больше никаких подробностей. Я знаю, она надеялась, что ты к ней вернешься, когда тебе надоест встречаться и спать со всеми подряд. Она не первая женщина, которая возложила свои надежды не на того мужчину, – сказала Кэрри, стараясь говорить ровным голосом.

Майкл покачал головой.

– Я честно не был скучающим парнем, который просто удовольствия ради, спал со всеми подряд. Возможно, сейчас я и выгляжу как ублюдок, но

я этого не понимаю. Если парень любит женщину, то он об этом говорит... по крайней мере, меня так воспитали. Я всегда был осторожен и не брал на себя какие-то обязательства, если с кем-то просто встречался. Вот почему я четко выразил свои чувства в отношении тебя. Наши отношения не случайны и мои чувства к тебе другие.

– Ну, думаю, что женщины, как правило, больше чем мужчины живут надеждами и мечтами, – сказала Кэрри. – Не думаю, что сегодня ты повел себя как ублюдок, но считаю, что был немного жесток. Тем не менее, я так же думаю, что нечто менее жестокое, не было бы воспринято всерьез. Так что Эрин вероятно перестанет тебя преследовать. Можешь это добавить в свой список истребленных драконов. Пока ты не появился, у меня с ней это не очень получалось.

– Здорово. И на этой ноте я ухожу, – сказал Майкл. – Увидимся позже.

Он провел день, планируя свадьбу и подбирая цвета краски для детской комнаты. А теперь он чувствовал себя дерьмом за то, что даже не было его виной. Он просто пытался защитить право Кэрри быть в его жизни.

Шагая по коридору, Майкл горячо надеялся, что ему какое-то время не придется возвращаться на работу Кэрри. Когда Белинда с ним попрощалась, Майкл хмуро махнул ей рукой, но в основном проигнорировал. Он уже знал достаточно болтливых женщин и этого ему хватит до конца жизни.

Глава 10

В конце концов, тем же вечером во время ужина, они не стали говорить о стычке с Эрин. Майкл забросал ее свадебными планами и сообщил, что его мать Эллен, будет заниматься остальным.

Через день, Эллен нашла часовню в Ричмонде и уговорила священника Майкла провести церемонию.

Кэрри тяжело сглотнула, осознав, что теперь дата свадьбы назначена и через две короткие недели, она станет Кэрри Ларсон. Она пыталась медитировать в попытке найти спокойствие, но вместо этого обнаружила только ужас.

Когда она подумала об Эрин, мысль о том, чтобы выйти за Майкла замуж, заставила ее почувствовать себя плохо. Что было иррационально, потому что они женились только из-за ребенка. Было ли для нее важно, что он не чувствовал боли, которую испытывала эта женщина? Потому что она вроде как не планировала с ним жить всю оставшуюся жизнь.

Аппетит пропал, и Кэрри отказалась от последнего кусочка чизкейка. Паника в его взгляде заставила ее рассмеяться.

– Меня не тошнит, просто недостаточно голодна, – сказала Кэрри.

– Напряженный день, – сказал Майкл. – Хочешь, я прямо сейчас извинюсь за то, что тебе приходится иметь дело с Эрин?

– Нет. В этом нет нужды. Я поклялась, что не буду тебя укорять за женщин из твоего прошлого, – сказала Кэрри. – Я держу слово.

Майкл положил ладони на стол и пошевелил пальцами.

– Дай мне свою руку.

– Майкл, я в порядке, – сказала Кэрри, откидываясь назад в своем кресле.

– Руку... сейчас же, - твердо сказал он.

Кэрри вздохнула и, потянувшись через стол, положила ладонь в его руку.

– У меня нет запасного варианта, и я не хочу никакую другую женщину. Ты мне веришь? – спросил Майкл.

Кэрри снова вздохнула. Она определенно хотела в это верить.

– Я верю, что ты будешь уважать наше соглашение, – сказала ему Кэрри.

– Что, черт возьми, должно произойти, чтобы ты поверила, что для меня ты единственная? – спросил Майкл, потирая ее пальцы.

– Тебе сегодня было жаль Эрин? Ты понял, что она соткала о тебе мечту, основываясь на времени, что вы провели вместе? Ты понял, что она оплакивала потерю этой мечты и тебя? Ты выглядел так, словно тебя это вообще не волновало, – сказала Кэрри.

Майкл позволил ее пальцам выскользнуть из его рук.

– Мне не нравилось причинять ей боль, но я предпочел это, вместо того чтобы наблюдать как она причиняет боль тебе.

Кэрри откинулась на спинку стула, и посмотрела на задний двор, туда, где Майкл работал.

– Майкл, вероятно, я была первой женщиной, которой ты причинил боль, и да, частично это была моя вина, но... Боже, мне до сих пор больно. Даже если не учитывать аборт, который тогда превратил мою жизнь в ад, у меня все равно ушло бы много времени, чтобы пережить то, что ты меня выбросил, словно я не ничего не стоила. После того как я отдала тебе свою девственность.

Майкл устало вздохнул.

Кэрри покачала головой.

– Я не пытаюсь обидеть тебя за то, что случилось много лет назад. Черт, как ты этого не понимаешь? Я просто пытаюсь заставить тебя немного посочувствовать женщине, которую ты обидел, даже если у тебя, очевидно, нет никакой симпатии. Никто не хочет думать, что они неважны. С тем количеством женщин, что были в твоей жизни, ты неизбежно должен был переспать с кем-то, кто не был любительницей вечеринок, которой все

пофигу.

– И что я должен сделать? Извиниться перед Эрин? – спросил он.

– Нет, полагаю, что нет, – сказала Кэрри, смирившись с отсутствием у него понимания. – Не более чем ты должен объяснения мне или любой другой женщине в твоей жизни. Возможно, Эрин сегодня сама это на себя навлекла. Ты не встречался с ней несколько месяцев. Это просто... неважно. Я вижу, что ты не понимаешь.

– Нет. Скажи. Скажи, что ты думаешь. Не хочу, чтобы ты сдерживала свои настоящие мысли, – сказал Майкл, внутри него все бурлило от расстройства.

Кэрри закрыла глаза, пытаясь придумать, как ему сказать. Ведь ничто не может остановить торнадо от разрушения вещей на своем пути. Торнадо остается торнадо, пока само не решит перестать им быть.

Она открыла глаза и встретила с Майклом взглядом.

– Если ты можешь смотреть на Эрин и не сожалеть о том, что причинил боль женщине, которая тебя любит и не может быть с тобой, тогда ты никогда не поймешь, что сделал в отношении меня и почему сейчас, ты мне не нравишься. Когда в колледже я с тобой переспала Майкл, я тебя любила. И с тех пор никого как тебя не любила, потому что совершенно утратила все иллюзии. Даже случайные сексуальные отношения, для большинства женщин важны. И если они говорят по-другому, то они лгут. У женщины всегда есть причина, чтобы с мужчиной переспать.

Кэрри посмотрела на стол.

– Я не пытаюсь быть проповедником или моралистом. Просто честно делюсь с тобой тем, что я чувствую. По моему опыту, мужчины просто хотят верить в то, что женщины не придают значения сексуальным отношениям, потому что это освобождает их от ответственности. И я знаю, что когда ты был с Эрин, она тебе нравилась. Я видела вас вместе.

– Она мне нравилась, – сказал ей Майкл, с болью в голосе от того, что

Кэрри была такого невысокого мнения о его к ней чувствах. Он встал из-за стола. – Но люблю я тебя. И в этом разница. Я не могу тебе этого объяснить. Просто это так, как оно есть.

– Конечно, – сказала Кэрри голосом, напряженным от старой боли. – Ты говоришь, что у нас это по-другому. Но для таких мужчин как ты, Майкл Ларсон, в темноте, большинство женщин на одно лицо. Я своими глазами видела, что для тебя, та блондинка была так же хороша, как и любая другая. Конечно, я обнаружила, что это одинаково работает и для других мужчин. И может быть в меньшем масштабе, но я, наверное, стала такой же, как и ты. Два моих мужа были взаимозаменяемыми. Уверена, что и Том был бы тоже. Так что, кто я такая, чтобы об этом говорить, да?

– Если ты действительно так думаешь, тогда почему бросила своих мужей и закончила со мной, нося моего ребенка? – спросил он. – Наши отношения не случайные или непреднамеренные. Ты не просто другая Эрин, и я чертовски уверен, что я не Том, как-там-его-зовут.

Когда Кэрри не ответила, Майкл схватил ключи, висевшие на крючке возле двери и направился в прихожую. Ему нужно установить между ними какую-то дистанцию. И ему хоть ненадолго нужно сбежать от боли.

– Я ухожу, – крикнул он ей. – Не теряй сознание и не падай на пол, пока меня нет. Это увеличит мои страховые взносы на дом.

Когда за ним закрылась дверь, Кэрри положила голову на кухонный стол и заплакала, совершенно стыдясь того, что спорила с ним о его прошлом. О том, что обещала не делать.

Просто она больше ничего не могла поделать, кроме как отказаться от надежды, что однажды Майкл Ларсон скажет или сделает что-то, что поможет ей исцелить ее разбитое сердце.

Шейн проигнорировал дверной звонок первые пять раз. Когда человек, стоявший снаружи, нажал на него и начал звонить, не переставая,

он швырнул карандаш и оставил свою работу.

Человек, настойчиво звонивший в дверь, не слишком помешал, подумал он. Вы не можете нарисовать героиню, в которую не верите. И от раздражения его лицо стало хмурым.

– Чего? – заорал он, рывком открывая дверь. – О, Майкл. Повезло тебе, что ты не человек, который пытается мне что-то продать.

– Есть время поговорить? – спросил Майкл, проходя мимо брата в гостиную его квартиры. – Мне нужно, чтобы ты мне помог, пока я не причинил большего вреда матери моего будущего ребенка.

Шейн вздохнул.

– У меня самого проблемы с женщиной. Но мне нужен перерыв. Давай я принесу нам по бутылке пива.

– Ты кого-то встретил? – спросил Майкл, думая об их пари, но без обычного ликования.

– Только в моих мечтах, – сказал ему Шейн из-за двери холодильника. – Женщина остается безликой и безымянной. Я знаю, какой она должна быть, но не могу получить четкую картинку в голове.

– *Твой роман? Ты говоришь о своем романе?* Черт, Шейн. У меня реальные проблемы... а не воображаемые, – резко сказал Майкл.

– Я сейчас проигнорирую твою оговорку. Но больше так не делай. Кэрри на тебя безумно злится? – спросил Шейн, давая Майклу пиво и присаживаясь напротив него за журнальный столик. Он сделал длинный глоток и расслабился на диване, в то время как Майкл угрюмо уселся на стуле.

– Безумно злится очень мягко сказано. Она сегодня забыла лекарство, и я привез его к ней на работу. Я вошел в тот момент, когда Эрин пыталась разрушить ее планы выйти за меня замуж. Я вступился за нее, но оказался плохим парнем, потому что ранил чувства Эрин, – сказал Майкл. – Если где-то есть руководство для дерьма под названием отношения, хочу, чтобы кто-нибудь сказал, где достать копию.

Шейн улыбнулся, видя, как Майкл расстроен. Потому что рассмеяться было бы слишком невежливо.

– Эрин, это женщина, с которой ты периодически встречался в течение нескольких лет, правильно?

– Это никогда не было всерьез, – резко сказал Майкл.

– Эрин когда-нибудь отказывала тебе в свидании или сексе? Требовала от тебя что-то, что тебе не нравилось, и настаивала на этом? Когда-либо устанавливала границу, которую ты не должен был пересекать? – спросил Шейн.

– Нет. Черт, мы не достаточно хорошо друг друга знали, чтобы о чем-то спорить, – сказал Майкл.

– Тогда ты и Эрин, никогда официально не расставались. Ты сам установил правила для ваших с ней отношений, и она как могла, им следовала. Так что, я понимаю, почему Эрин расстроилась, обнаружив, что Кэрри заменила ее в вашей игре, – сказал Шейн.

– Эрин никогда не была в меня влюблена, – сказал Майкл. – Она никогда не говорила, что любит меня. И я никогда ей этого не говорил.

– Ты все время продолжал к ней возвращаться и ходил с ней на свидания. С другими ты этого не делал. И что она должна была подумать? Что ты просто ее использовал? – спросил Шейн, бросая на брата ты-не-можешь-быть-настолько-тупым взгляд. – Не думаю, что это сделает тебя плохим парнем, если ответ будет «да», но Майкл... женщины почти никогда не занимаются сексом без причины. И физическое облегчение не входит в их список приоритетов, как это бывает у мужчин.

– Ты сам несерьезно относишься к женщинам, – обвинил Майкл. – И чем тогда ты от меня отличаешься?

– Ничем. Но я и не говорил, что отличаюсь, однако, я ясно об этом им говорю и стараюсь не иметь длительных отношений с женщинами, которые мне по-настоящему не нравятся, – тихо сказал Шейн. – Вот почему несколько месяцев назад я перестал спать со всеми подряд. Я хочу

подругу... настоящую. А не просто теплое тело в постели. Поэтому мои гуляния по бабам, без особой причины заканчиваются раньше, чем твои.

– Если бы Кэрри просто стала со мной встречаться, когда три года назад я ее встретил, я бы никогда ни с кем не встречался. Я взглянул на нее один раз и все понял. Ты представить не можешь, что я почувствовал, когда она меня отвергла, – сказал Майкл.

– Нет, не могу, – сказал Шейн. – Но будь честным, Майкл. Кэрри не выставляла напоказ своих мужей у тебя на работе. Ты переспал почти с каждой женщиной из ее окружения, а она должна была оставаться с ними вежливой и профессиональной, пока это продолжалось. Если у Кэрри вообще были к тебе какие-то чувства, то одним этим ты уничтожил ее самоуважение. Ни одна женщина не хочет чувствовать так, словно она соревнуется со всем женским населением мира.

– *Блин, Шейн, она была замужем,* – крикнул Майкл, встал и начал расхаживать. – И что я должен был делать? Стать евнухом?

– Нет... но перестань лгать самому себе, чтобы тебе не приходилось чувствовать вину. Ты не встречался с этими женщинами, чтобы забыть Кэрри. Ты мог прошвырнуться по барам и выбрать любую женщину, заинтересованную в сексе. Майкл, будь честным с собой. Ты встречался с женщинами, которых знала Кэрри, чтобы ей отомстить. И вероятно это сработало, потому что ей до сих пор это причиняет боль. Так что теперь, твое мелочное поведение вернулось, чтобы цапнуть тебя за задницу. С моей точки зрения, похоже, что все это время вы оба друг друга терзали, – твердо сказал Шейн.

Он наблюдал, как Майкл выругался и начал ходить по комнате, как обезумевший тигр в клетке.

Шейн сделал еще один глоток и пристально посмотрел на своего упрямого, вспыльчивого брата, который выплескивал каждую эмоцию наружу, для всеобщего обозрения.

– Это помогло бы, если бы ты знал, почему Кэрри в самом начале тебя

отвергла. Из того, что ты мне рассказал, для этого вроде не было никакой причины. Каждый раз когда я видел вас вместе, было похоже, что ты ей интересен. Может быть Кэрри пугало, что ее влекло к тебе или еще что. Ты довольно напряженный, когда на что-то нацелился.

Размышления Шейна остановили ходьбу Майкла. Он повернулся к Шейну спиной и провел рукой по лицу. Он знал почему. Тогда он не знал, но сейчас знал причину. Просто он не хотел признаться в том, что именно он все начал, первым причинив ей боль. Однако часть него так и не признала то, что он наделал.

Ему, конечно, не понравилась идея, что он встречался с Эрин и другими женщинами, чтобы ранить чувства Кэрри, но тошнотворное ощущение в желудке было плохим знаком.

– Я переспал с Кэрри в колледже. Она сказала, что я лишил ее девственности, – сказал Майкл с мученическим выражением на лице и повернулся, чтобы посмотреть на Шейна. – Она сказала, что тогда, для нее это тоже не было случайным сексом, но думаю, что для меня было. Черт, я ее даже не помню. Тогда, у меня был пунктик насчет блондинок, и она напоминает мне об этом каждый раз, когда мы говорим о прошлом.

– Ты что-то мне рассказывал о своей истории в колледже, но не о том, что ты это сделал, – тихо сказал Шейн. – Майкл, сложно просить ее забыть, просто потому, что сейчас она от тебя беременна, и ты хочешь на ней жениться. Учитывая это и то, что ты встречался с женщинами с ее работы, будет практически невозможно заслужить ее доверие, и тем более, ее любовь. Ты точно не был ее романтическим героем.

Шейн сделал маленький глоток пива, наблюдая, как Майкл злится. Никто не хочет, видеть себя человеком, делающим неправильные вещи, даже непреднамеренно. Его страстный брат жил от кризиса до кризиса, никогда не видя общую картину происходящего, пока кто-нибудь ему на это не указывал. Обычно это был кто-то из их родителей. Шейн допил свое пиво, возмущаясь тем, что на этот раз сообщить Майклу плохие новости,

пришлось ему. Однако подумал, какого черта, он даст родителям передышку. Потому, что им самим сейчас нужно устраивать свои собственные жизни.

– Скажи мне Майкл. Кэрри действительно отличается от остальных женщин, с которыми ты встречался и бросал? – спросил он.

– Во-первых, я не знал, что ее бросил и, во-вторых... – Майкл остановился и покачал головой. – Я не рассказал тебе всю историю о наших отношениях, потому что сейчас меня тошнит от одной мысли об этом. Кэрри никому кроме меня не рассказывала.

Он вернулся к дивану и сел, положил лицо на руки и снова его потер. Его щетина царапала ладони. Сегодня весь день он был слишком занят и забыл побриться.

– Кэрри сказала, что она тогда забеременела и сделала аборт, но ни мне, ни кому-то другому ничего не рассказала. Шейн, я даже не помню, что был с ней. Как будто она рассказывает историю о женщине, с которой я не встречался. Единственная женщина, которую я знаю та, в которую я влюбился три года, когда она вошла в конференц-зал, чтобы со мной встретиться. Тебе не кажется, что у меня остались бы какие-то воспоминания, если я с ней переспал?

Шейн пожал плечами.

– Я даже не был пьян, когда спал с женщинами. Но Майкл, большинство из них определенно не помню. Для меня секс, в основном похож на заботу о насущной потребности, а затем, я об этом забываю, пока она снова о себе не напомнит. Неудачный опыт запоминается лучше, чем плохой. Я помню Энжелу, но только потому, что я должен был быть с ней осторожным. Половые отношения могут быть сложными. Уверен, ты это знаешь.

– Я не собирался причинять Кэрри боль в постели или использовать ее. Ни в колледже, ни сейчас, – сказал Майкл, думая, если ему поверит Шейн, то возможно и Кэрри.

– Ну, просто потому, что ты не собирался этого делать, не означает, что ты этого не делал. Если она говорит что сделал, значит сделал. Поэтому только Кэрри решать, сможет ли она тебе позволить загладить перед ней вину, – сказал Шейн. – И Майкл, тебе это может показаться психологическим бредом, но возможно по какой-то причине, ты блокируешь воспоминания о ней в колледже. Или, она что-то делает и таким образом тебя блокирует. Какое о ней было первое впечатление, когда ты ее встретил?

Майкл подумал о том, как Кэрри три года назад вошла в конференц-зал. Внешне она казалась совершенно спокойной, но когда он пожал ей руку, то почувствовал, что она дрожит. Он посмотрел ей в глаза и радостно утонул в их бирюзовых глубинах. Даже тогда, он уже почувствовал страстное желание. Он узнал свою половинку.

– Я понял, что она моя, – сказал Майкл хриплым голосом. – Увидел ее и просто понял. У меня нет этому логического объяснения. И когда она меня оттолкнула, я был опустошен.

Шейн изучал грустное лицо своего брата, и все внутри него сжалось от боли. Лицо Майкла было зеркальным отражением лица отца, когда мать с ним развелась. Когда любовь отдавали и не получали в ответ, то это причиняло боль. Их отцу повезло, что он встретил Джессику.

Если Майкл не сможет разобраться со своей ситуацией, то его эмоциональный брат никогда не сможет полностью исцелить эту боль. Но в то же время, Майклу также необходимо понять, что такую же боль он причинил Кэрри. А также вероятно и Эрин.

– Кажется странным, что ты в последнее время чувствуешь такую сильную связь с Кэрри, но не помнишь о прошлом, – сказал Шейн. – Если ты разберешься, почему так получилось, то возможно это прольет свет на остальное.

Майкл взял пиво и выпил.

– Возможно, если бы она была блондинкой, я бы... *о дерьмо*. Дерьмо.

Черт возьми. Вот почему. Вся ее семья блондины. И в колледже она была блондинкой. Шейн, вероятно, она красит волосы. Она не настоящая брюнетка.

Шейн кивнул и пожал плечами.

Майкл прервал свою тираду и в шоке посмотрел на Шейна.

– Зачем Кэрри все эти годы красила волосы?

– А что ты сделал с каждой блондинкой в своей жизни, включая ее? – спросил Шейн. – Тебе не нужна докторская степень по психологии, чтобы это выяснить, брат. Подумай об этом. Ты ведь не видел, чтобы отец после развода встречался с блондинками. Зрительные подсказки очень сильны. Возможно в отношении нас даже сильнее, из-за наших художественных наклонностей.

– Ты думаешь, что в колледже я любил и бросал блондинок потому, что злился на маму из-за ссор с отцом, и за то, что она причиняла ему боль? Шейн, это чушь собачья, – сказал Майкл.

– Нет... это прямо по учебнику Майкл, – пожав плечами сказал Шейн. – Теперь, когда я об этом думаю, все обретает смысл. Вот почему, я вероятно не помнил их имен, после того как с ними переспал. Я их хотел, но затем после этого... я их не хотел, типа *действительно* их не хотел. Раньше, до того как у мамы с папой начались проблемы, мне по-настоящему нравились все типы женщин. С тех пор, как отец снова начал встречаться, блондинки меня даже не интересуют. Черт. Это интересно. Прямо по учебнику, но интересно.

Майкл покачал головой, не желая поверить в то, что проблемы Кэрри, были его виной.

– Если она красит волосы, то я – не единственная причина. Она также отталкивает от себя и мужчин своей семьи. Вся ее семья блондины. И я определенно понимаю, почему она хочет отделить себя от них. Может это не во мне дело.

– Кто знает? Кэрри вероятно не знает. Мотивы могут быть сложными,

– сказал Шейн, выпив половину второй бутылки пива. – Наверняка выяснить красит ли Кэрри волосы, будет довольно легко. В следующий раз оставь включенным свет или поймай ее в душе и проверь. Я сомневаюсь, что она везде красит волосы. Большинство женщин этого не делают. Некоторые блондинки, с которыми я был, оказались не настоящими блондинками.

– Так кто запутался больше, я или Кэрри? – побежденный спросил Майкл.

– Вопрос неправильный, – сказал ему Шейн. – Тебе нужно спросить, достаточно ли вы оба хотите, чтобы эти отношения работали. Готовы ли вы приложить усилия, чтобы исцелиться и отпустить прошлое.

И это, подумал Майкл, определенно было большим вопросом. Он очень боялся, что ответ Кэрри был написан в нерушимом брачном договоре, с оговоркой о разводе.

– Я никогда не собирался причинять Кэрри боль, – печально сказал Майкл. – Черт, я вообще никого не хотел обидеть. Просто жил своей жизнью и делал то, что считал правильным.

– Конечно, ты не собирался никого обижать, – разумно сказал Шейн. – Ты отличный парень. И все люди периодически лажают. Но если это имеет для тебя ценность, все что ты можешь сделать, это работать над отношениями. В противном случае, вам обоим нужно все забыть и двигаться дальше.

Майкл встал. Он собирался домой. Он не мог ее отпустить, когда ему пришлось так долго ее ждать. Независимо от того хотела ли Кэрри их отношений, он их хотел.

– Спасибо за пиво и психоанализ. Но если ты напишешь об этом в своей книге, я тебя убью. Кэрри и так хочет, чтобы я отсудил у тебя за нее деньги, но я человек, который хочет получить результат сразу. Я тебя люблю, но на собственном горьком опыте узнал, что значит быть нескромным.

Шейн рассмеялся, когда Майкл направился к двери.

– Куда идешь? С тобой все в порядке?

– Нет, я не в порядке. Но я иду домой, где буду спать с правильной женщиной, по крайней мере, еще один раз, – сказал Майкл. – Я завтра подумаю о том, что ты сказал про блондинок. Но сегодня ночью я буду дома с брюнеткой. Предпочитаю, пока что сохранить свои иллюзии.

– Майкл... я верю, что ты поймешь, как это исправить. Но на всякий случай, я замолвлю за тебя словечко перед вселенной. Она ко мне прислушивается, – сказал Шейн, вставая и собирая пустые пивные бутылки.

– Спасибо. Надеюсь, ты найдешь женщину своей мечты, – сказал Майкл. – На самом деле... на этот раз я не шучу.

– Я и не думал, что ты пошутил. А теперь убирайся к черту из моей квартиры и отправляйся домой. Мне нужно работать, – сказал Шейн, провожая Майкла до двери и закрывая ее на замок.

Не успела дверь захлопнуться за спиной брата, как сотка Шейна начала звонить. Он посмотрел на экран и увидел имя своего друга.

– Джо, я здесь пытаюсь работать, – рявкнул Шейн в трубку, все еще думая о Майкле.

– Ты слишком много работаешь, – сказал Джо. – Выходи и покажи себя, Шейн.

– Не могу... чувак, у меня сроки поджимают, – сказал ему Шейн.

– Да не сегодня. Ты же знаешь, что по понедельникам ничего не происходит. Как насчет пятницы в «Бродвее»? – сказал Джо.

– До пятницы, еще уйма времени, но я посмотрю, что можно сделать. Ты с кем-то хочешь там познакомиться? – спросил Шейн.

– Да, но если она не покажется, я подумал, что мы можем взять по паре напитков и все равно немного развлечься, – сказал ему Джо.

Шейн посмотрел на потолок. Вероятно, это не повредит. Из-за того, что его роман продвигается так медленно, к пятнице он, наверное, уже

начнет кидаться на стены.

– Ладно, к черту все. Я иду, – со вздохом сказал Шейн. – А теперь оставь меня в покое, чтобы я смог хоть что-нибудь сделать.

– Чувак. Последнее время, ты сам на себя не похож. Тебе нужно перепихнуться. Я ведь тебя предупреждал, что без этого тебя ждут ужасные последствия, – смеясь, сказал Джо. – Твои творческие способности высохнут, как и все остальное. Хорошо проведешь время, и все снова плавно потечет.

– Откуда тебе знать? Ты почти никогда ни в чем не участвуешь, – ответил Шейн. – Это со мной все время заигрывают. А ты тот, кого всегда троллят.

– И на этой кислой ноте, я оставляю тебя в твоём аду воздержания. Увидимся в пятницу. Приезжай сам. Мне может понадобится моя машина, – смеясь, сказал Джо. – Пока.

Шейн повесил трубку и вздохнул.

Было девять тридцать, когда Майкл вошел в дом и сразу же заметил, что было совершенно тихо. Заглянув в кухню, он не обнаружил никаких признаков активности. Тарелки были вымыты, и все лежало на своих местах. Часы на кофеварке подтвердили время.

Майкл не обнаружил зажженного света ни в гостиной, ни в коридоре, по которому шел.

В доме площадью 140 квадратных метров, не так уж много мест, где можно было спрятаться. Но он знал, что Кэрри где-то в доме, потому что ее машина все еще стояла на подъездной дорожке.

Проходя мимо комнаты, которую он собирался сделать детской, Майкл увидел несколько мазков краски в свете старого ночника. Он нашел его и подключил, чтобы проверить. Джессика подбирала цвета. Сегодня

вечером, он планировал показать это Кэрри, но их спор ему помешал.

Он остановился, когда заметил, что дверь главной спальни была приоткрыта. Майклу хотелось верить, что это приглашение, потому что ему нужно было поверить, что так и было.

Затем через дверь он услышал, как Кэрри всхлипывает, уткнувшись в подушку. Если бы он уже не сожалел, что перед этим убежал из дома, это сделал бы ее плачь.

– Можешь войти, – резко сказала Кэрри, продолжая всхлипывать. – Ты довольно тяжело наступаешь, я слышала, когда ты пришел домой.

Майкл подошел к кровати и посмотрел на Кэрри, которая лежала, свернувшись калачиком, спиной к нему. – Я пошел к Шейну, и мы выпили пива.

– Ты не должен мне ничего объяснять. Я не слежу за мужчинами, с которыми живу, – сказала Кэрри, с таким же раздражением, как и у него. – Ложишься или собираешься всю ночь здесь стоять и в темноте на меня смотреть?

– Генерал, у вас есть какое-то скрытое оружие? – спросил Майкл, снимая рубашку через голову.

Кэрри засмеялась и снова всхлипнула.

– Есть только один способ выяснить.

Майкл расстегнул брюки и с удовольствием позволил остаткам одежды кучкой упасть на пол возле кровати.

– Лекарство приняла? – спросил он, снимая резинку с волос и бросая ее на книгу, рядом с ее привычным стаканом воды на тумбочке.

Сегодня ночью, ему показалось очень интимным то, что их личные вещи смешались. И он подумал, размышляла ли Кэрри о таких вещах. Его сильно волновала каждая деталь, потому что он собирался лечь в постель с женщиной и не был уверен, что ему будут рады. Для него такая ситуация была в новинку.

– Да, я приняла свое проклятое лекарство, – сказала Кэрри,

раздражаясь сильнее, потому что первые приятные слова Майкла после их ссоры, касались ее слабости и ее это по-прежнему возмущало. – Перестань меня этим попрекать. Я не собиралась про них забыть.

Майкл рассмеялся над ее недовольством, и это помогло ему набраться храбрости. Он забрался в постель, прижавшись к ее теплему телу своим холодным. На ней была короткая пижама, почти такая же шелковистая, как и ее кожа. Он просунул одну руку ей под голову, а другую положил так, что она опустилась на то место, где внутри нее рос ребенок.

Она откинулась назад и вздохнула, но даже в темноте он видел, как по ее лицу текли горячие слезы. Все внутри него сжалось, и он крепко ее обнял.

Она плакала из-за него, подумал он, наблюдая, как слезы скатываются по ее щекам на уже мокрую подушку. Она вытирала их платочком, однако не добилась большого прогресса в том, чтобы сохранить постельное белье сухим.

Черт. Он должен был остаться и выслушать ее, как бы ему этого не хотелось. Он не должен был сердиться каждые две секунды, когда ей и так приходилось со многим разбираться. Но он просто не мог ничего с собой поделать.

Вспоминая свой разговор с Шейном, Майкл уткнулся лицом в волосы Кэрри и, пытаясь ее успокоить, начал мягко ее покачивать.

– Я не знаю, как устранить эту боль между нами, но я никогда больше не смогу хорошо относиться к себе самому, если мы не сможем найти какой-нибудь компромисс. Даже если ты... даже если тебе придется однажды уйти, я не хочу продолжать причинять тебе боль или обижаться на твое обо мне мнение, пока ты здесь.

От его слов она заплакала еще сильнее. Майкл шептал ее имя, целуя ее лицо.

Каждый раз, когда Майкл был добрым, Кэрри хотелось верить, что он был таким же хорошим, каким и казался. Каждый раз, когда он ее обнимал,

становилось все труднее и труднее защищаться от боли, которую он мог причинить тому, что осталось от ее сердца.

– Майкл, я тоже не хочу причинять тебе боль, но я не могу заставить прошлое просто исчезнуть, потому что ты, по-видимому, решил о нем забыть. Я пережила то, что случилось между нами в колледже, и это стало большой частью личности, в которую я превратилась. Но беременность, эта вторая беременность, не дает мне забыть о первой, – тихо сказала Кэрри. Так тихо, что она даже не была уверена, что Майкл ее услышал.

– Я могу это понять, – сказал Майкл, но произнести слова сопереживания оказалось трудней, чем он представлял.

Кэрри всхлипнула и крепче обняла его руку.

– Сегодня меня беспокоила не Эрин. Невозможно по-настоящему переживать из-за женщин, что были в твоей жизни, когда с тобой я, а не они. И думаю, фраза *если ты чем-то владеешь, то другим трудно у тебя это отобрать* – глупость. Я не переживаю, что мне нужно истреблять твоих драконов. Но не думаю, что когда-нибудь смогу забыть то, что случилось в колледже.

Он обнял ее и поцеловал, дрожа от необходимости сдерживаться.

– Тогда ругайся со мной, если это то, что тебе нужно для обретения покоя. Наказывай меня словами ненависти, пока ты не изгонишь боль, которую я причинил. Клянусь, я буду об этом помнить, когда в следующий раз мы будем спорить. Просто попробуй поверить, что я не хотел тебя обидеть и просто... просто, не отступай от своих слов про нашу женитьбу.

– Ты должен знать меня уже достаточно хорошо, чтобы понимать, я не откажусь от своих слов, пока это не станет вопросом жизни или смерти, – сказала Кэрри, смеясь и шмыгая носом. – Я жестче, чем наши споры и действительно хочу, чтобы у тебя были законные права на твоего ребенка.

Но не на твоего, грустно подумал Майкл. Я хочу этого и для тебя. Но как же мне этого добиться?

– Хорошо, – сказал Майкл, отбрасывая разочарование и напоминая

себе быть благодарным.

Он дрожащей ладонью погладил ее живот.

– Мне жаль, что мы так много ругаемся. Я понимаю, что в основном это моя вина, но откажусь от своих слов, если ты об этом кому-нибудь расскажешь.

Кэрри засмеялась и прижала к себе его руку, чувствуя, как его объятие стало крепче. И этого было почти достаточно, чтобы отогнать воспоминания.

– Скажи своему папе и Джессике использовать в детской голубой цвет. Если этот ребенок хоть немного похож на своих родителей, то малышу понадобятся успокаивающие цвета в комнате, – сказала Кэрри, засыпая от усталости.

Майкл почувствовал, что его глаза наполняются слезами и закрыл их. Кэрри была обижена и разочарована, однако остановилась, чтобы заглянуть в детскую комнату. Он и не надеялся, что она выберет цвет краски.

Он поцеловал ее волосы, висок, а затем подвинул ее голову к себе под подбородок.

– Хорошо, – сказал он дрогнувшим голосом. – Значит успокаивающий небесно-голубой. Возможно, нам нужно покрасить в этот цвет весь дом.

Все еще находясь в объятиях Майкла, Кэрри снова засмеялась, хлюпая носом в подушку, пока эмоциональное истощение не погрузило ее в сон.

Майкл обнимал ее больше часа, пока не убедился, что Кэрри никуда не денется. В это время он пытался посмотреть на их ситуацию глазами Кэрри. Даже если он не мог представить, как она раньше с этим справлялась, не трудно было понять, что она чувствовала сейчас, испытывая разочарование и не имея возможность контролировать текущую беременность.

Чувствуя, что и к нему, наконец, пришел сон, он убрал руку и опустил голову Кэрри на подушку. Затем улегся поудобнее рядом с ней, просто

благодарный за то, что она была рядом.

На следующее утро Майкл проснулся один в очень тихом доме. Прошло много времени с тех пор, когда он в последний раз был один, и это казалось странным.

Он зашел в главную спальню, чтобы проверить была ли там Кэрри и не нуждалась ли в нем. Но ее там не было. Бутылочка с лекарством стояла на столешнице, однако Майкл заметил, часть таблеток отсутствовала.

Так что сегодня спасать ее было не нужно.

Однако от этой мысли он не почувствовал себя лучше. Напротив, ему стало невероятно грустно. Ну, от этого и потому, что после того как они провели вместе ночь, он не смог ее обнять или поцеловать на прощание.

И она явно не хотела, чтобы он это сделал.

Один Бог только знал, с чем Кэрри пришлось разбираться в тот день на работе. Впервые, Майкл искренне пожелал иметь возможность изменить, по крайней мере, ту ситуацию. Возможно, он не думал, что сделал что-то неправильно, но иметь дело с ситуацией подобной той с Эрин... ну, это стало трудным уроком, который он выучил. Ему вообще не следовало встречаться с таким количеством женщин, которые были с ней связаны. Сейчас ему было стыдно, но, к сожалению, он ничего не мог исправить.

Майкл мыл руки в раковине, когда увидел крошечную записку, которую Кэрри прикрепила в нижнем правом углу зеркала. Она была такой маленькой, что он почти ее не заметил. Очевидно, она предназначалась только для ее глаз.

Он ее прочитал, а затем прочитал еще раз. У него разболелась голова, когда он понял, что это было и что это означало. Это была просто пара строк из библии о прощении кого-то семьдесят раз и еще семь. Майкл

непристойно выругался, а затем рассмеялся над иронией его вульгарности. Ее намерения для него были чертовски унижительны.

Несмотря на ее безразличие к родителям, она обратилась к запрограммированной в ней духовности, чтобы найти ответы. И он смог убедиться, что она действительно пытается отпустить свое прошлое. *Семьдесят раз и еще семь*, подумал он. *А сколько раз я обидел ее? Четыре сотни и девяносто?* Господи, он надеялся, что нет. И обнаружил, что молится, чтобы было не так уж часто.

Он решил, что записка, положила конец их спорам о прошлом. Но как сказал Шейн, хотел он ее обидеть или нет, Майкл, тем не менее, это сделал. Он был далеко не безупречен. И этому не было никакого оправдания, когда Кэрри все время плакала из-за того что случилось в колледже. Впервые, он смог представить как Кэрри смотрит на него после того как они были вместе, и обнаруживает его с кем-то другим. Если бы он увидел ее целующей Тома, после того как они переспали, он бы был опустошен.

Возможно, он тогда разбил ей сердце. Но он определенно этого не хотел.

И вместо того, чтобы почувствовать возмущение из-за ее маленькой напоминки, Майкл только еще сильнее влюбился в Кэрри за то, что она пыталась сдержать слово, несмотря на то, что на самом деле не могла забыть того, что случилось.

Тем не менее, все в Майкле продолжало настаивать, что если Кэрри когда-нибудь забудет о прошлом, то они смогут любить друг друга до скончания времен. Однако он не может ее исцелить. Она сама должна захотеть быть с ним так же сильно, как он хочет быть с ней.

Шейн был прав и в этом тоже. Все что Майкл мог сделать, держать ее в объятиях по ночам, любить ее изо всех сил и надеяться, что в конечном итоге она решит, что жизнь с ним стоит эмоциональных усилий.

Майкл очень хотел перед ней извиниться, но понятия не имел как. И это незнание приводило к беспомощности, с которой он никогда не мог

справиться.

Последний раз он чувствовал себя беспомощным в отношении Кэрри, когда она только что вышла во второй раз замуж. Он провел ее вторую брачную ночь с Эрин, пьяный и злой на то, что был с не той женщиной. Все что он делал с Эрин, не имело для него никакого значения. Ни та ночь, ни другие, которые он с ней проводил. И с этой точки зрения он вел себя как ублюдок по отношению к Эрин.

Одна страсть и никаких настоящих эмоций, подумал Майкл. Такой была его жизнь, когда он хотел Кэрри и не мог ее получить.

Истина заключалась в том, что просто поцелуй Кэрри приносил больше удовлетворения, чем что-то более страстное и интимное с любой другой женщиной. Для него она была самым главным партнером. Но они периодически ранили друг друга только потому, что он плохо отнесся к ней в колледже, подумал Майкл. И на этот раз рассердился на себя, а не на Кэрри.

Может быть, на этот раз он, наконец, понял, потому что внезапно увидел их отношения с Кэрри как выстроенные в ряд домино. Когда он сбил одну фишку, все остальные начали валиться, не в состоянии остановиться, пока что-то извне не остановит их поступательное движение.

Их малыш... их второй ребенок, признал он... два месяца назад прервал это движение.

Если бы Кэрри от него не забеременела, сейчас она была бы замужем за Томом, а он бы был... что? Майкл был вынужден признать, что вероятно снова спал бы с Эрин или с какой-нибудь другой женщиной.

Спасибо Богу за ребенка, подумал он, практически задрожав от облегчения, что той ночью, что они провели вместе, ему повезло, и презерватив порвался. Потому что из-за малыша и обещания Кэрри его сохранить, у него, по крайней мере, сейчас был шанс.

Он задался вопросом, рассказать ли ей о теории Шейна, и будет ли от этого лучше или хуже. Хуже всего для Майкла будет, если она так

расстроится, что вернется в свою квартиру. Он уже не мог представить, как спать, если ее не будет рядом. Одной мысли, что он может ее теперь потерять, было достаточно, чтобы свести его с ума.

И как бы он не старался, его сексуальная удаля не заставит ее с ним остаться. Она так же не была настолько впечатлена его образом жизни, чтобы пожелать его разделить.

Нет. Майкл понял, на данный момент, для того, чтобы сохранить женщину, которую он любил, он мог рассчитывать только на их соглашение. И он снова находится в одном чертовом домино от того, чтобы потерять Кэрри.

Понимая, насколько мрачной была его ситуация на самом деле и как далек он был от любовных отношений, которые хотел, Майкл опустил на крышку унитаза. Так же как делала Кэрри, когда была раздражена. Ирония того, что он копировал ее действия, заставила его рассмеяться. Они оба были инициаторы и зачинатели. Они решали проблемы. Но, похоже, не могли решить свои.

Какой парой нытиков они стали, подумал Майкл. Но когда его ироничный смех прекратился, Майкл снова выругался, положил лицо на руки и позволил себе заплакать. Потому, что не мог винить никого, кроме себя за его нынешнее затруднительное положение. Преднамеренно или нет, он, наконец, признал, что первым нанес разрушительный эмоциональный удар и начал все это.

После того, как Майкл выплакался, он ополоснул лицо и направился на задний двор, чтобы заняться тем, что всегда делал, когда в его жизни случался хаос.

Он превращал свою беспомощность и боль в произведение искусства.

Глава 11

Кэрри допоздна задержалась на работе и вернулась в дом Майкла только в девять вечера. Она вошла и увидела, что свет на кухне включен, а Майкл работает на заднем дворе. На столе перед ним лежала скульптура длиной в три фута. На Майкле были очки для сварки, и он паяльной лампой усиливал соединения в тех местах, где металлические детали пересекались.

Кэрри раздвинула дверь и вышла наружу.

– Мне нравится, – сказала она вместо приветствия. – Что это?

Майкл отключил сварочный аппарат.

– А на что это похоже?

У Кэрри был ответ, но она не хотела говорить.

– Слишком рано для внешней интерпретации.

Майкл снял очки и резко рассмеялся.

– Черт возьми, просто скажи. Не нужно плясать вокруг, стараясь не ранить мое артистическое эго. Я не Лана или Тайлер, которых нужно обхаживать и расхваливать их работы. Мое художественное мужское достоинство достаточно твердое, чтобы справиться с жаром твоего мнения.

– Хорошая метафора, – рассмеявшись, сказала Кэрри и покраснела, не в состоянии избежать воспоминания о том, как Майкл сказал, что внутри она как доменная печь. – Но я растеряла свои мысли, когда ты использовал слова мужское достоинство и твердое в одном предложении. У меня бурлят гормоны, а ты сейчас выглядишь очень хорошо. Проснувшись сегодня утром, я тебя захотела, но мне нужно было идти на работу.

– Это лучше чем начало моего дня. Я проснулся, а тебя уже не было. И я целый день о тебе беспокоился, – честно сказал Майкл.

Едва сопротивляясь желанию схватить ее, он заставил себя не торопиться и быть счастливым, просто ввязавшись с ней в словесную перепалку.

– В основном, я была в порядке. Лекарство до сих пор работает, хотя думаю, что мне нужно поесть. Я около пяти перекусила, но сейчас уже умираю от голода, – сказала Кэрри.

– Как насчет пиццы через тридцать минут? – спросил Майкл.

– Пойдет. Пожалуйста, овощи на моей стороне. От одной мысли о мясе мне становится нехорошо, – нахмурившись, сказала Кэрри. – Это какое-то безумие, когда ты чего-то сильно хочешь, а потом не хочешь. Последнее время для меня еда, как поездка на американских горках.

Майкл вытащил из кармана свою сотку и заказал пиццу, а Кэрри подошла поближе, чтобы осмотреть работу. Соединения полностью остыли, но он заметил, что она не пыталась к ней прикоснуться.

– Так что ты видишь? – спросил он, засовывая телефон обратно в карман.

Кэрри отступила назад и опустила взгляд, не в силах смотреть на Майкла, когда обдумывала то, что хотела ему сказать.

– Это похоже на поток слез, – наконец сказала она, поворачиваясь к нему лицом. Кэрри заметила в его взгляде вспышку удивления и поняла, что угадала правильно.

– Именно так и есть, – сказал Майкл, пристально глядя на единственную женщину, нет единственного человека, который понимал его искусство. Его будущая мачеха, была вторым человеком, который был к этому близок.

– Они... они мои? – спросила Кэрри, с трудом набравшись храбрости, чтобы задать вопрос. – Я сейчас плачу, потому что не могу ничего с собой поделаться, Майкл. Я плачу из-за всего. Думаю... все говорят, что это из-за беременности.

– Они не твои, – тихо сказал Майкл. – Сегодня утром, я увидел твою напоналку на стекле в ванной, сел на унитаз и плакал о том, как я в отношении тебя облажался. Она научила меня смирению и позволила увидеть доказательство того, что ты по-настоящему пытаешься найти

способ простить меня за прошлое.

Кэрри опустила взгляд, не желая, чтобы он увидел как много надежды дали ей его слова.

Он снова посмотрел на свою работу.

– Слезы мои. Я назвал эту скульптуру *«Наконец понимание»*.

Кэрри сочувствовала ему каждой своей клеткой. Он мог этого не осознавать, но его скульптура была и о ней тоже.

– Майкл, мне действительно жаль, что тебе тоже больно. Я не хотела причинять тебе боль, – сказала она.

Это был адский день. Ей пришлось работать вместе с Эрин над выставкой Ланы, которая была запланирована на пятницу. Напряженность между ними была ужасной. И в довершение ко всему, ее босс наблюдал за тем, как Эрин весь день вела себя как хищник, почувствовавший запах раненого животного. Она спорила с осветителями о схемах и должна была найти оборудование, которое ее помощница – еще одна старая подружка Майкла – не смогла найти.

Последнее что ей было нужно, это думать о Майкле, сидевшем дома и испытывающем болезненные прозрения. Это была не ее проблема. Тогда почему мысли о Майкле, размышлявшем об их ситуации и плакавшем из-за этого, заставляли ее саму тоже заплакать?

Майкл увидел, как Кэрри заморгала, пытаясь не расплакаться, и засмеялся. Не потому, что он был недобрым человеком. Просто он был потрясен тем, что заставлял ее так часто плакать.

– Не расстраивайся из-за меня, или мы оба снова начнем плакать, – сказал он ей, приподнял свою футболку, чтобы промокнуть ее глаза и заставил рассмеяться, продемонстрировав ей свой голый живот. – Не хочу, чтобы доставщик пиццы задавался вопросом, почему мы оба плачем.

– О Боже, нет, мы не хотим, чтобы доставщик пиццы плохо о нас подумал, – согласилась Кэрри, сарказм превратил ее улыбку в ухмылку. – Твои соседи могут начать задавать вопросы.

Ее сарказм его порадовал. Это означало, что она чувствовала себя достаточно комфортно, чтобы быть самой собой.

Майкл опустил футболку, подошел к ней вплотную, и обрушился на ее губы поцелуем, в котором нуждался целый день. Он стал горячим так быстро, что у них обоих возникли проблемы с тем, чтобы друг от друга оторваться.

– Ты сегодня хорошо себя чувствовала? – спросил он, процеловав дорожку до уха, и снова зарылся лицом в ее волосы. Ему следовало спросить ее о прошлой ночи, поговорить с ней, но... черт, все что он хотел, просто быть с ней. Он мог не беспокоиться обо всем остальном, если она была рядом.

– Ты спрашиваешь, хорошо ли я себя чувствую, чтобы заняться сексом? – спросила Кэрри возле его ключицы, почувствовав запах его пота и головокружение от охватившего ее вожделения.

– Да. Рад, что понимаешь мой тонкий намек. Я спрашивал именно об этом, – сказал он, снова рассмеявшись.

Кэрри провела руками снизу вверх по его спине. И потянув за волосы, пристально посмотрела ему в глаза.

– Да. Я чувствую себя хорошо.

Майкл наклонился к ее губам и услышал, как зазвонил дверной звонок.

– Пиццу доставили, – сказал он возле ее губ, и легонько провел по ним кончиком языка.

– Хорошо. Умираю от голода, – сказала Кэрри, приподнимаясь на носочках, чтобы со страстью встретить его дразнящие губы.

Майкл застонал и поднял Кэрри, прижимая ее к своему телу так, чтобы она могла почувствовать каким голодным он тоже был.

Никто из них не говорил о пицце.

Затем он неохотно поставил ее назад и потянулся за кошельком. Он вытащил все купюры и положил ей в руку. Он знал, что там было пара

сотен долларов, за пищу нужно было заплатить двадцать. Улыбнулся, когда она взглянула на кучу купюр и рассмеялась.

– Лучше мне не открывать дверь с вызванной Кэрри Аддисон эрекцией, – сказал ей Майкл. – Заберешь ее?

Кэрри сжала купюры в ладони, фыркнула и вернулась к двери на задний двор.

– Хорошо. Но не вини меня, если я в конечном итоге наброшусь на парня, который предложит меня накормить. Я очень в настроении за это поблагодарить.

– Он будет покойником, еще до того как спустит свои штаны, – сказал ей Майкл, думая с каким удовольствием он позже заставит ее заплатить за небольшой приступ ревности. – А что если это женщина?

– У меня уже хорошо получается истреблять драконов. Могу сегодня уничтожить еще одного. Будишь флиртовать с женщиной доставившей пиццы, и она умрет, – сказала Кэрри, проходя через дверь.

Майкл с широкой улыбкой на лице начал собирать свои инструменты.

Позже, Майкл стащил ночник из детской, так что когда Кэрри, наконец, была голой, он мог хорошо рассмотреть ее обнаженное тело.

Истина, которую он открыл, его даже не замедлила. Он затащил ее к себе на колени и проскользнул внутрь нее.

Позже... он подумает об этом гораздо позже, решил Майкл.

Он двигался как поток воды, неуклонно скользящий по стене фонтана, его руки гладили каждый дюйм ее кожи. Он мягко толкнулся внутрь нее, когда она начала покачиваться на его коленях.

Кэрри захватила его язык и втянула себе в рот, заставив Майкла застонать, и бешено схватить ее, когда она посасывала его синхронно с движением своих бедер. Эта женщина открыла такие его стороны, о

которых до нее он даже не подозревал.

Их путешествие первым закончилось для нее, и Майкл яростно ее целовал, когда она рассыпалась на части. Он с обожанием гладил ее руками, и когда она произнесла его имя, он снова стал внутри нее твердым и крепким.

Затем, когда она успокоилась, Кэрри снова произнесла его имя. На этот раз она смотрела ему в глаза и так сильно сжала его внутри себя, что у него не было выбора, кроме как сдаться.

– *Мой*, – повторила она, намерение всплыло и объявило о себе, когда Майкл проникал внутрь нее как можно глубже.

Майкл увидел, как Кэрри закрыла глаза, в тот момент, когда его распахнулись в шоке.

– Да, – подтвердил он, яростно прошептав ей. – Именно так оно и есть.

– Хорошо, – сказала она ему, крепко обернувшись вокруг него и поглаживая его волосы, чтобы успокоиться.

– Могу я тоже это сказать? – спросил он таким тоном, словно не спрашивал разрешения, а ставил ее в известность.

– Да, – прошептала она, ее сердце нервно гроыхало внутри. Но было только справедливо, дать ему понять, что она собиралась быть верной.

Майкл перекатил их из сидячего положения и оказался сверху, все еще оставаясь внутри нее. Он посмотрел на ее лицо и улыбнулся.

– Что если мне понадобится сказать еще что-нибудь? – спросил он, почувствовав, как она инстинктивно напряглась, приготовившись сопротивляться.

Кэрри лежала под ним, и у нее внезапно появилась огромная симпатия к каждой букашке, наколотой детьми на булавку в исследовательских целях. И Майкл, обладая такой булавкой и имея явное преимущество, приколол ее к матрасу. Выбраться из-под него не было ни малейшего шанса.

– Что тебе нужно сказать? – спросила она, с явным вождением в голосе. Кэрри распознала свое защитное поведение, и ей не понравилось то, что Майкл заставил ее эмоционально запаниковать.

– Ты уже знаешь, как я к тебе отношусь. Меня злит, что ты не хочешь об этом услышать. Однако это говорит только моя гордость. Сегодня ночью мы не ругаемся, так что опустите свое боевое знамя, генерал, – сказал Майкл, смеясь над ее пылающим взглядом.

Мужчина мог прочесть ее слишком легко, и Кэрри яростно отреагировала, прежде чем смогла себя остановить.

Злой, жалающий шлепок по голой заднице заставил Майкла вскрикнуть от боли и рассмеяться еще сильнее. – Черт побери. После того как ребенок родится, ты за это заплатишь. Тогда будет мой черед.

– Прекрати меня изводить, – сказала ему Кэрри. – Ты знаешь, что я такая же вспыльчивая, как и ты.

– Боже, ты меня возбуждаешь, когда злишься. Почувствуй это, – сказал он, толкаясь внутрь нее и заставляя выгнуться. – Да, вот так. Я уже становлюсь твердым внутри тебя. Не прошло еще и пяти чертовых минут. Мне понадобится серьезная терапия, чтобы удерживать от того, чтобы разжигать в тебе такой огонь, при каждом удобном случае.

– Покойникам не нужна терапия, – мрачно сказала ему Кэрри, однако застонала Майклу в ухо, когда он пошевелился внутри нее.

– Ты меня не убьешь. Тебе это очень нравится. Покойники такого сделать не могут, – сказал он, смеясь, и используя влагу от предыдущего раза, чтобы ее помучить.

Если он продолжит в том же духе, то им придется поменять простыни, подумал Майкл. Просто идея испортить простыни вместе с Кэрри, возбудила его так, что она начала бороться с железным человеком, в которого он превратился.

Когда он был с ней, его время восстановления бросало вызов биологии. Однако его это возбуждало.

Майкл перекатил их соединенные тела на другую сторону кровати, улыбаясь и надеясь хоть немного сохранить простыни.

– Если ты продолжишь все время нас двигать, нам понадобится душ и новые простыни, – лукаво сказала ему Кэрри, и покраснела, когда Майкл рассмеялся над ее честностью.

– Послушай себя. Я уже совсем собрался сказать ужасно романтические слова и заявить о своей преданности, – сказал ей Майкл, его живот двигался по ней, каждый раз, когда он в нее погружался. – А теперь, я могу думать только о том, насколько это хорошо, какая ты влажная, и как я счастлив, что довел тебя до такого состояний. Думаю, что парням присуще быть пошлыми.

– Нет... это присуще Майклу Ларсону, – поправила Кэрри, ее голос был менее едкий, чем она надеялась, потому что внутри нее снова стало нарастать удовольствие.

Майкл был слишком доволен видом блаженства на лице Кэрри, чтобы обидеться на напоминание о ее других любовниках.

– Определенно следует что-нибудь сказать о старом добром жарком сексе, – сказал он ей, усмехнувшись, когда она фыркнула.

– Типа он влажный и грязный? – спросила Кэрри, опираясь на плечи Майкла, когда он изменил угол и заставил ее закатить глаза. – Иногда меня шокирует, насколько ты в этом хорош.

– Я хорош не потому, что это мой талант, а потому что я работаю с прекрасным материалом. Посмотри на меня, – потребовал Майкл, жестко скользя на ней, когда она встретилась с ним взглядом. – Хорошо, потому что это мы с тобой. Великолепно... великолепно это магия.

– Великолепно? – спросила она, не понимая.

Майкл просунул руку под Кэрри и приподнял ее бедра, жестко вошел в нее и, наклонив голову, начал сосать ближайший затвердевший сосок.

– Майкл, – позвала она, чувствуя, как замерцала ее кульминация, а затем, когда он переместился к другой груди, взорвалась вспышкой звезд в

ее глазах.

После начала оргазма, единственные звуки, что она издавала, были стоны освобождения. Кэрри чувствовала внутри такой жар, что ей казалось, она может самовоспламениться, если Майкл вскоре не прекратит двигаться.

А затем, когда Майкл достиг собственной кульминации и взревел возле ее груди, все ее тело вздрогнуло. Когда он, наконец, опустил в ее объятия, она задрожала от благодарности и за оргазм, который он ей подарил, и за то, что все закончилось, прежде чем он ее вымотал.

Его волосы упали на их вспотевшие тела, когда он почти полностью опустил вниз, согнув руки, чтобы не придавить ее грудью.

Не в силах противостоять тому, как он выглядел, Кэрри отвела его волосы и, глядя в глаза, погладила его лицо.

– Кэрри, ты так сильно мне нравишься. Ты нравишься мне сильнее, чем кто-либо, из всех кого я знал, – целуя, сказал ей Майкл. – Я готов сделать все что угодно, чтобы понравиться тебе в ответ.

Это было настолько искреннее заявление, что оно поколебало Кэрри сильнее, чем могло бы сделать признание в любви, от которого она его отговорила.

Кэрри прикоснулась к его лицу другой рукой. Майкл повернул голову и поцеловал ближайшую ладонь.

– Ты тоже мне нравишься, – призналась Кэрри, понимая, что эти слова были правдой. – Тебе не нужно ничего делать, кроме как быть самим собой.

– Я тебе нравлюсь за это? – спросил Майкл, двигая бедрами и задаваясь вопросом, было ли важным то, что возможно ее с ним удерживал только секс.

Кэрри рассмеялась.

– Нет. Перестань напрашиваться на комплименты своему мужскому достоинству. Я думала, что тебя не нужно хвалить.

– Я говорил о моем артистическом эго. Остальная часть меня любит

поглаживания, – усмехнувшись, сказал Майкл.

Кэрри искренне рассмеялась, позволяя себе насладиться редким моментом без эмоциональной боли.

– Майкл, ты носишь свою артистическую душу снаружи. Ты проживаешь жизнь со страстью и с тобой никогда не будет просто. Тем не менее, мне нравится насколько ты стараешься жить честно, хотя у тебя не всегда это получается, – сказала она со смехом, играя его влажными волосами. – Некоторые люди живут, наблюдая за жизнью со стороны. Другие живут, реагируя на жизнь. Ты живешь, чувствуя жизнь. Это видно в твоих работах. Ты не просто мне нравишься. Я также тебя уважаю за то, что ты верен себе.

Майкл поцеловал ее волосы и ее лицо, и везде, куда его губы могли добраться, не отрываясь от нее.

– Ты тоже верна себе. И это заставило меня сегодня утром заплакать, – тихо сказал Майкл. – Я понял, что тебе нужно делать то, что считаешь для себя правильным, и что я тебе это позволю. Это чертовски трудно иметь возможность только наблюдать. Так что я изо всех сил стараюсь быть неотразимым в постели, на случай, если это все в чем смогу преуспеть.

– Ну, изо всех сил у тебя получается довольно легко, – иронично сказала Кэрри, слушая, как Майкл рассмеялся в ее волосы. – Тебя озарило, когда ты работал над своей скульптурой?

– Нет. Шейн сказал мне, что я веду себя как ублюдок, и что мне нужно разобраться со своим дерьмом, – сказал ей Майкл, надеясь снова заставить ее рассмеяться, и обрадовался, когда ему это удалось.

– Они что, на самом деле собираются дать твоему брату лицензию и позволят работать с реальными клиентами? – насмешливо сказала она.

Майкл рассмеялся.

– Возможно, я немного красочно перефразировал его совет.

Кэрри снова засмеялась, чувствуя себя ближе к Майклу, когда они надсмехались над Шейном.

– Ради блага его клиентов, надеюсь, что это так. Она повернула голову, пытаясь увидеть часы. – Который час?

– Немного больше одиннадцати, – сказал ей Майкл. – А что?

– Это означает, что есть время принять душ. Если я не посплю свои семь часов, то буду чувствовать себя совершенно больной, – сказала Кэрри. – Дай мне встать.

Майкл неохотно из нее выскользнул.

– Хочешь компанию?

– Конечно, – широко улыбаясь, сказала она. – Приходи, как только поменяешь простыни, которые сегодня вечером ты так решительно испачкал.

Майкл улыбнулся.

– Как насчет того, что я брошу сверху сухое одеяло, а простыни поменяю завтра?

– Только если я не буду всю ночь валяться в гигантском влажном пятне, – возразила Кэрри.

– Прости. Этого обещать не могу, – сказал Майкл, надеясь, что она не увидит его улыбку в тускло освещенной комнате. И одним взмахом убрал простынь с кровати.

Кэрри оглянулась, бросая «какого черта» взгляд, от чего Майкл стал смеяться еще сильнее.

– Если ты на меня скатишься и посреди ночи что-нибудь потребуешь, то я отвечу на зов твоих бушующих гормонов, – твердо сказал Майкл.

– Спасибо. Ты только что мне напомнил, об одной вещи, которую я ненавижу в большинстве мужчин, – уходя, сказала Кэрри.

– Что именно? – крикнул Майкл, доставая из ящика одеяло и раскладывая его по всей кровати.

– Они немного больше чем животные, когда дело доходит до секса, – сказала Кэрри, включая душ и быстро под него вставая.

Она не хотела, чтобы Майкл увидел, как она безудержно над ним

смеется, в то время как он завывает и рычит, застилая кровать.

Глава 12

Несколько дней на работе прошли без происшествий, но пятница оказалась одним из тех дней, когда Кэрри понадобилось все ее терпение.

Художница Лана Доулинг, работы которой они рекламировали, бродила по участку помещения рядом с Рапп Арена, отданному под ее выставку. Было очевидно, что женщина безумно нервничала из-за вечера, и это означало, что Кэрри нужно было ее успокаивать и утешать, хотя ей самой это удавалось с трудом.

Техники, занимавшиеся освещением, опоздали, так что теперь судорожно пытались все закончить к трем часам.

И к довершению всего стресса, Кэрри сейчас тесно работала с «драконом – бывшей подружкой номер два», которую недавно повысили до младшего координатора и отправили на ее шоу для обучения.

Даже в хороший день, необходимости работать с одной из бывших любовниц Майкла было бы достаточно, чтобы заставить ее закричать, решила Кэрри. В плохой день, ей просто хотелось сбежать.

– Лана, почему бы тебе не прогуляться по магазинам наверху, побыть в одиночестве и немного успокоиться. До обеда работы не привезут, но к тому времени ты должна быть готова на сто процентов. Следующие несколько часов просто неприглядная сторона шоу, – сказала Кэрри, смягчая свой приказ улыбкой.

– Ты уверена, что все будет сделано? – спросила Лана.

– Абсолютно, – улыбаясь, сказала Кэрри. – Здесь всегда немного хаос, но все встанет на свои места. Мне приходится беспокоиться о тебе, и сейчас, когда нужно проверить кучу вещей, меня это отвлекает. Но мне не хочется, чтобы у тебя случился нервный срыв, когда позже ты должна быть в центре внимания.

– Ладно. Я понимаю, что тебе мешаю. Пойду, пройду, – сказала

Лана, протягивая руку, чтобы похлопать Кэрри по руке.

– Хорошо, – сказала Кэрри, в ответ, погладив Лану по ладони. – Сделай длинный перерыв, и когда вернешься, то сможешь увидеть прогресс.

Лана кивнула, вздохнула и ушла бродить по территории торгового центра.

– Эй, Кэрри, – сказал Джон, останавливаясь возле нее. – Удели мне минутку, а потом сможешь вернуться к своим делам.

– Конечно, – ответила Кэрри, прижимая к себе папку-планшет и готовясь выслушать своего босса.

– Ты действительно помолвлена с Майклом Ларсоном? – спросил он.

– Да, – сказала Кэрри, вздохнула и выпрямилась, когда поняла, что это был личный вопрос, и он не касался работы. – Через две недели мы поженимся.

– Я и не знал, что у вас такого типа отношения – осторожно сказал Джон.

– Они продолжаются только пару месяцев, – сказала Кэрри. – Мы обручились всего две недели назад. Все случилось немного быстро.

– Лана и Тайлер знают? – спросил он, задаваясь вопросом, как два других художника отнеслись к этой информации.

– Нет. Я еще никому не говорила. А почему ты об этом спрашиваешь? – спросила она.

– Это называется конфликт интересов. Я не говорю, что у нас он здесь случился, но мы к этому довольно близки. Так что если Лана или Тайлер будут об этом волноваться, нам придется поговорить, – сказал ей Джон.

– Я не понимаю твоего беспокойства, – сказала Кэрри, удивленно глядя на своего босса.

– Если люди подумают, что выставку своего будущего мужа ты планируешь лучше, чем для других клиентов, они могут воспринять это не очень хорошо, – сказал Джон, пожимая плечами. – Возможно, нам следует

поговорить о том, чтобы передать работы Майкла другому планировщику.

И тогда до Кэрри дошло. Она поняла, кто посеял эти сомнения в голове Джона и почему, он так пристально за ней наблюдал.

– Позволь предположить. Обо мне и Майкле тебе рассказала Эрин. Могу поспорить, что она так же предложила отдать выставки Майкла ей.

– Ну, на самом деле не важно, кто поднял этот вопрос, – начал Джон, но Кэрри прервала его, покачав головой.

– Нет, – мрачно сказала Кэрри, – я знаю, что ты встречался с Эрин и это твое дело. Однако Майкл и Эрин встречались несколько лет, и это уже мое дело. Если ты передашь ей его выставки, то я приложу все силы, чтобы о твоих с ней отношениях стало всем известно. Я старший планировщик и заслуживаю твоей профессиональной лояльности, независимо от того с кем в компании ты переспал.

Лицо Джона покраснело. Он забыл, насколько решительной и откровенной может быть его старший планировщик. Хотя за эти годы научился ее не раздражать. Он не хотел, чтобы она увольнялась, потому что Кэрри приносила компании больше денег, чем любой другой его сотрудник. Он просто не хотел, чтобы клиенты были недовольны.

– Я не пытаюсь тебя расстроить, Кэрри. Это всего лишь одна из сторон бизнеса, о которых необходимо позаботиться, прежде чем это станет проблемой. Если не Эрин, кому бы ты хотела передать выставки Майкла? – спросил Джон.

– Отдай их Джорджу, – твердо сказала Кэрри. – Я научу его, как проводить художественные мероприятия, если Майкл захочет выставляться. Джорджу они не понравятся, но это даст ему опыт. Еще две работы Майкла и его контракт закончится. На одну уже есть покупатель, который пока не принял решения. Так что Джорджу останется продать последнюю. После этого, Майкл сможет выбрать нового планировщика.

– Слушай... Извини. Вероятно, мне следовало подождать и поговорить с тобой об этом на следующей неделе в офисе. Я просто не

подумал, что ты как сильно отреагируешь. Ты всегда ведешь себя рассудительно, когда дело доходит до офисной политики, – сказал Джон. – Давай встретимся на следующей неделе и полностью это обсудим. Возможно, мы можем отложить смену планировщика, пока Майкл не возобновит свой контракт.

– Хорошо. Как пожелаешь. А теперь, извини, мне нужно закончить этот адский день. Будь хорошим боссом и убери с моих глаз Эрин, если не хочешь сцену на выставке Ланы. Если она что-нибудь мне скажет, я за свою реакцию не отвечаю. С меня хватит ее мелодрамы на этой неделе.

Кэрри начала уходить, но передумала. Она устала истреблять драконов и наблюдать за тем, как они возвращаются и снова на нее нападают.

– Тебе также нужно сказать моему ассистенту, которая тоже раньше спала с моим будущим мужем, что она вскоре умрет насильственной смертью, если не начнет делать свою чертову работу, – сказала Кэрри. – Лана и ее работы заслуживают намного большего, чем то, что она получает от этой компании. Однако я не могу все сделать сама. Найди мне каких-нибудь женщин, которые не спали с Майклом.

– Хорошо. Конечно. Я... я обо всем позабочусь, – сказал Джон, осознавая, что Эрин была не настолько честна об этой ситуации, как он думал. Она сказала, что Кэрри не любит Майкла, но Джон видел, что это было неправдой.

Черт бы побрал Ларсона за то, что он переспал со всеми в его компании, подумал Джон, затем вздрогнул от собственного лицемерия. Он тоже много лет флиртовал с Кэрри, но она никогда серьезно не рассматривала возможность встречаться со своим боссом. Однако до сих пор и у Ларсона ничего с ней не было. Поэтому когда она поддержала Майкла, это стало сюрпризом.

Однако невозможно изменить историю, подумал Джон. Вы можете иметь дело только с настоящим. И по большому счету, он был благодарен

Кэрри за преданность своей работе и за то, что она продолжала справляться со своей задачей.

Джон был согласен с Кэрри, что Лана и ее работа заслуживала их всяческих усилий. Она не должна была стать заменителем косточки между рычащими собаками. Он не сомневался, что если Майкл Ларсон появится на выставке, то это будет больше чем просто сцена, теперь, когда Кэрри так сильно злилась на него и Эрин. У женщины был дьявольский нрав, но это был ее единственный недостаток.

Вытащив свою сотку, Джон сделал несколько звонков, чтобы вызвать несколько человек на замену и помочь Кэрри. А затем подошел к Эрин и еще паре человек и сообщил, что сегодня они больше не нужны.

Глава 13

Когда после обеда вернулась Лана, Кэрри успокоилась. Она все еще злилась, но была удовлетворена тем, что закончила истребление двух драконов. Так что теперь они действительно были мертвы и исчезли с ее глаз. Была бы ее воля, она бы никогда больше с ними не работала. И вот почему их разговор с Джоном заставил ее принять решение, которое уже давно нужно было принять.

Она собиралась в понедельник уволиться и не могла поверить, сколько душевного спокойствия обещали просто мысли бросить работу. Быть может, она просто сбегала, но перспектива ее воодушевляла. Возможно, это было просто понимание того, что она слишком долго сражалась на поле битвы, которое они с Майклом выбрали. И даже если прошлое осталось в прошлом, она, тем не менее, устала противостоять женщинам, с которыми он переспал. Она устала работать в месте, которое вызывало у нее такое эмоциональное огорчение.

Вместо двухнедельного уведомления, она собиралась отработать четыре месяца. Это будет почти в конце беременности и позволит ей выполнить свои обязательства на работе. Оставшееся время она будет готовиться к рождению ребенка и планировать, как ей жить дальше.

Несколько неожиданных комиссионных в течение года помогли ей отложить деньги, и это даст ей время выбирать. Возможно, она будет искать работу в какой-нибудь художественной галерее. А может быть после того как ребенок родится и Майкл получит полную опеку, она переедет в Боулинг Грин, и поживет рядом с Дарлой и Элисон.

В любом случае, Кэрри была чертовски уверена, что через четыре месяца ей больше не придется истреблять драконов Майкла Ларсона.

И в следующий раз, когда у нее появятся отношения с мужчиной, она будет искать парня, который будет принадлежать только ей.

– Эй, – сказала Лана, оглядываясь и улыбаясь. – Ты была права.

Теперь все выглядит великолепно.

Кэрри улыбнулась.

– Вот так это работает. Произведение появляется из хаоса... уверена, ты это понимаешь.

Лана кивнула, рассматривая руки Кэрри, когда та расстилала ткань на столах, на которых будут выставлены ее картины.

– Вау. Кэрри, какое красивое кольцо. Кто-то действительно тебя любит, – смеясь, сказала Лана. – Что за парень?

Кэрри остановилась, и посмотрела вверх, встречаясь с Ланой взглядом.

– Майкл Ларсон.

Ее удивило, когда Лана просто улыбнулась.

– Меня это совсем не удивляет. Прежде чем я подписала контракт с Джоном, я сходила на выставку, которую вы для него устроили, – сказала она. – Весь вечер Майкл следил за каждым твоим движением. Сначала я подумала, что он беспокоился о работе, которую ты делала, но затем увидела его взгляд на твоих ногах. Я у него спросила, стоила ли ты своих комиссионных. А он ответил, что ты стоила всего и я подумала, что это было немного мелодраматично. Но полагаю он уже тогда был от тебя без ума.

– Мы сблизились только пару месяцев назад, – сказала Кэрри, возвращаясь к своей работе и пытаясь не сожалеть о том, что тогда отвергла Майкла.

– Это мужчина так не торопился или ты? – спросила Лана. – То, о чем я говорю, произошло пару лет назад.

– Вероятно в то время, я была замужем, – сказала Кэрри. – Когда я не была замужем, Майкл хотел со мной встречаться, но я продолжала его отталкивать. Тогда, я ему не доверяла.

– А сейчас доверяешь? – спросила Лана, подходя, чтобы помочь с тканью.

Кэрри рассмеялась.

– Думаю, что «да» в некоторых вещах. Однако, он слишком популярен у женщин, чтобы иметь с ним серьезные отношения.

– Но такие парни, как правило, лучшие, правильно? Обычно существует веская причина, по которой они популярны, – дразня, сказала Лана.

Кэрри кивнула.

– Да. Полагаю, это может быть правдой. В случае с Майклом, мне не пришлось далеко заглядывать, чтобы обнаружить его привлекательность.

Кэрри посмотрела на смеявшуюся женщину и не смогла удержаться от того, чтобы задать ей вопрос, на которых хотела узнать ответ. Джон посадил семена сомнений, однако она была полна решимости не позволить им дать корни и вырасти. Кэрри решила, что если она была предвзятой по отношению к своим клиентам, то ей было необходимо это знать, чтобы исправить ситуацию.

– Лана, можно задать тебе вопрос? Мне нужно, чтобы ты была честна.

Лана нахмурилась.

– Конечно... думаю, да. Что ты хотела узнать?

– Заставляют ли тебя мои отношения с Майклом подумать, что я плохо выполняю работу для тебя? – спросила Кэрри.

Лана выглядела шокированной, а затем огляделась вокруг.

– Ты шутишь? Нет. Это смешно. В первую очередь, я все еще не могу усвоить факт, что мои работы стоят того, чтобы с ними возиться. У тебя есть способность заставить художника почувствовать, что его работы имеют ценность. И я определенно могу понять, почему Майкл в тебя влюбился. Если бы я была лесбиянкой, то влюбилась бы в тебя, только чтобы ты смотрела мне в глаза и все время говорила, какая я замечательная.

– Ты замечательная, и это лучший комплимент, который я получала за многие годы, – улыбаясь, сказала Кэрри. – Если бы я была лесбиянкой, я вероятно сказала бы тебе – да. Но, к сожалению, я похоже влюбилась в

худшего парня, созданного Богом.

Лана захихикала, а затем вздохнула, когда в дверях появилась ее работа, обрамленная блестящей рамой.

Кэрри широко улыбнулась.

– Ну наконец, хоть что-то сегодня идет как надо. Они выглядят потрясающе.

Она подошла к носильщикам, которые работали на ее компанию, и улыбаясь, поприветствовала их.

– Совместите табличку на картине с табличкой на подставке. Установите трехмерные подписи на крючки боковых панелей. Попробуйте повесить на каждый одну большую и две маленькие.

Лана лучезарно улыбаясь, смотрела на картины и на Кэрри.

– Вот почему мне нравится с тобой работать. Ты смотришь на мои работы так же, как и я. Удивляюсь, что ты сама не стала художницей.

– Никогда не было даже желания, – искренне сказала Кэрри, – но я проводила с художниками много времени в колледже. У меня... думаю, я бы назвала это пониманием их самовыражения. Я никогда не устаю наблюдать за тем, как работает Майкл. У него мастерская на заднем дворе. Поэтому, я могу сидеть на кухонном стуле и смотреть, как он работает за дверью.

– Боже, надеюсь, однажды кто-нибудь так же сильно полюбит и меня. Майклу повезло, что ты так о нем думаешь, – сказала ей Лана.

Когда до нее дошло сказанное Ланой, улыбка Кэрри сошла на нет. Она закрыла глаза, чтобы не удержать мгновенно появившиеся слезы, которые принесло осознание того, что она его любит.

– О... я дура. Какая же я дура, – сказала Кэрри, потирая лоб. – О чем я только думала?

– Ты в порядке? – спросила Лана.

Кэрри кивнула.

– Да. Извини. Я...я... кажется, я кое-что забыла. И мне нужно сходить

в туалет.

– Ради Бога, иди, конечно, – смеясь сказала Лана. – Я могу помочь им развесить картины.

Ничего не ответив, Кэрри просто кивнула. Она повернулась и направилась к ближайшей уборной. Оказавшись внутри, она подошла к зеркалу и почувствовала, что испытывает эмоциональную боль, когда увидела правду, написанную на своем лице.

Она была влюблена в Майкла Ларсона, возможно всегда была, вероятно, никогда так и не смогла его забыть. И несмотря на то, что она сделала, для нее это по-прежнему, ничего не меняло.

И через несколько секунд, за прозрением последовала физическая тошнота.

Кэрри рвало в кабинке туалета, когда она увидела под дверью пару поношенных, дорогих ковбойских сапог.

– Кэрри? – раздался глубокий женский голос.

– Джессика? – сказала Кэрри в ответ, остановившись, только для того, чтобы опорожнить то, что еще оставалось в желудке.

– О, милая, – сказала Джессика. – Тебе что-нибудь принести?

– Большую пачку мокрых бумажных полотенец, – сказала Кэрри. – Мне лучше. Думаю, худшее уже позади.

Джессика возвращалась к кабинке, когда Кэрри, споткнувшись, из нее вышла. Джессика обняла ее и протянула мокрые полотенца.

– Давай отведу тебя к дивану, который я видела возле входа.

Кэрри благодарно кивнула за помощь.

– Тяжелый день? – спросила Джессика.

– Да. Занималась истреблением драконов, – сказала Кэрри, зная, что Джессика не поймет или не спросит.

– Неприятности на работе, – сказала Джессика, с облегчением услышав, как молодая женщина насмешливо фыркнула. – Я думала, Майкл сказал, что с тошнотой стало полегче.

– Так и было, – сказала Кэрри, голосом полным иронии, – до настоящего момента. Это первый раз, когда меня тошнило на этой неделе.

Влюблена до тошноты, призналась она. Больная на голову, потому что так и не смогла забыть парня, с которым переспало больше женщин, чем с любым другим знакомым мужчиной.

– Радуюсь, что у меня только один ребенок, – сказала Джессика, качая головой.

– Ты пришла на выставку? – спросила Кэрри.

Джессика кивнула.

– В основном из-за тебя, потому что нас пригласил Майкл. Однако, еще и потому, что Лана была одной из моих первых студенток. Я немного следила за ее художественной карьерой. И похоже, это будет замечательное шоу. Надеюсь, она продаст все.

– Лана очень талантливая, – сказала Кэрри. – Так же как и ты. Я посмотрела твою первую работу, и Майкл показал мне «Голубой дым». Когда-нибудь думала о том, чтобы выставлять свои произведения в галерее? Можно напечатать фотографии твоих работ из серии «Насилие». Они будут продаваться, если только ты не считаешь, что это слишком страшно.

– Нет... я знаю, что есть спрос на разного рода самовыражение, – сказала Джессика спокойным и уверенным голосом. – Просто у меня нет времени заниматься творчеством, пока я не выйду на пенсию. Сегодня, я пришла сюда прямо из школы. Мы с Уиллом собираемся поужинать в «Виктория сквер». Есть время к нам присоединиться?

Кэрри покачала головой.

– Нет... но спасибо. Закусочная в торговом центре, это все на что у меня есть время и мне не хочется быть далеко от выставки.

– Ладно. Может до того как мы уйдем, нам удастся что-нибудь тебе купить, – сказала ей Джессика.

– Прямо сейчас, я бы убила за колу со льдом, – просто сказала Кэрри.

– Она очень помогает. И возможно, я смогу принять еще одну таблетку, до того, как художественная выставка превратится для меня в непрекращающуюся рвоту.

Джессика рассмеялась.

– Знаю, это сводит с ума, но в конечном итоге тошнота пройдет. Через это проходит большинство матерей.

– Я об этом слышала. Есть точная дата, когда чудесным образом почувствую себя лучше? Мне понадобится помощь психотерапевта, чтобы избавиться от всего негодования по поводу того, как я болела из-за этого ребенка, – тихо призналась Кэрри.

– Могу порекомендовать отличного терапевта. Она в мгновение ока избавит тебя от этого негодования, – смеясь сказала Джессика.

– У тебя есть терапевт? – спросила Кэрри, удивленная тем, что Джессика так легко об этом говорит.

– Дорогая, я посещаю психотерапевта уже почти тридцать лет. Как ты думаешь мне удалось все пережить? – сказала Джессика. – Нет ничего плохого в том, чтобы получить помощь, когда ты в ней нуждаешься. Сказать ее имя и номер телефона?

Кэрри подумала обо всем, что пережила в последнее время.

– Вылечиться займет много времени?

– Только если ты упрямо будешь сопротивляться тому, чтобы исправить свои проблемы, – искренне сказала Джессика. – Не смотри на мой опыт как на норму. Я очень упрямая и у меня плохой характер.

Кэрри рассмеялась, потому что так можно было сказать и про нее.

– Боже, я сама не всегда была уравновешенной и податливой. Так что, чтобы все исправить понадобится больше пятидесяти лет.

Джессика засмеялась.

– Что бы ты ни делала, не разговаривай с Шейном. Нет, он замечательный, но в итоге ты получишь главу в его книге.

– Мне все равно, – смеясь сказала Кэрри, вставая с дивана. – Я просто

подам на него в суд и воспользуюсь выигранными деньгами для того, чтобы открыть собственную галерею.

– Что ж, это интересно. Я никогда не думала о том, чтобы его засудить. Могу разделить затраты на адвоката, в обмен на половину художественной галереи, – сказала Джессика.

– Договорились, – сказала Кэрри. – Я тоже самое предложила Майклу, но он настаивает, что убить его брата единственное решение. Думаю, это пустая трата возможной прибыли.

Джессика смеялась, пока они шли к выходу. Они обнаружили Шейна прислонившегося к стене возле двери в туалет, с газировкой со льдом в руке.

– Эй, леди, страдающая от тошноты, и кто теперь твой герой? Я кое-что для тебя купил, – сказал он, передавая напиток Кэрри, которая вздохнула, и с благодарностью приняв начала его пить. Ее желудок немедленно успокоился.

– Вау... как хорошо, – сказала Кэрри, а стоявшая рядом с ней Джессика тихо захихикала. – Прости Джессика, вот и конец нашей галерее. Шейн, откуда ты узнал, что меня тошнило?

– Майкл догадался из того, как кто-то тебя описал. Он помогает ей подготовить выставку. Думаю, что он ее знает, – сказал Шейн.

Кэрри кивнула.

– Он ее знает. Они оба мои клиенты. Но если их это из-за чего-нибудь столкнуться, то это будет последнее что мне нужно, чтобы закончить этот безумный день.

Они вместе вернулись в выставочный зал. Майкл перестал разговаривать с Ланой и направился прямо к Кэрри.

– Слишком много стресса. Но теперь я в порядке, – сказала Кэрри, положив руку ему на грудь, чтобы он ее не обнял.

Потому что если он ее обнимет, она расплачется. Если она заплачет, то выболтает ему всю правду.

– Спасибо, что послал Шейна с газировкой.

Майкл сделал шаг назад и, чтобы не протянуть к ней руки, засунул их в карманы.

Подошла Лана и посмотрела на Кэрри.

– Это не было из-за стресса. Ты питаешься стрессом, как монстр из научно-фантастического фильма. У тебя же нет серьезного заболевания?

– Я.... – Кэрри взглянула на Майкла, который ждал, что она скажет.

А пошло все, решила Кэрри. Все равно, через пару месяцев это будет уже очевидно.

– Я беременна, – сказала она, поворачиваясь от Майкла к Лане.

Лана хлопнула в ладоши и обняла смутившуюся Кэрри.

– Не удивительно, что ты так плохо выглядишь. Ты сможешь продержаться сегодня вечером? Думаю, мы с Майклом повесим оставшуюся часть работ.

Кэрри выбралась из ее объятий.

– Да. Теперь мне намного лучше. Тошнота накатывает волнами, и очередная волна прошла. Позвольте мне проверить все остальное и решить, готовы ли мы начать. Я еще не видела человека, который будет принимать деньги за вход. Так что если хочешь, для тебя подходящее время отправиться на ужин.

– Ужин? Мне от еды станет плохо, но для того чтобы расслабиться, мне нужна двойная порция чего-нибудь чрезвычайно алкогольного, – сказала Лана, прижимая руку к своему беспокойному желудку. – Через несколько минут придет моя сестра.

Кэрри кивнула и посмотрела на Майкла.

– Не хочешь составить мне компанию, пока я занимаюсь делами, появившимися в последний момент? Или ты собирался поужинать с папой и Джессикой?

– Я подумал, что позже могу сбегать и прихватить что-нибудь поесть, если ты захочешь, – просто сказал Майкл, все еще удивляясь, что она

рассказала Лане правду, да еще и в его присутствии.

– Звучит неплохо. Могу я тебе попросить принести таблетку из моей сумки? Она в ящике под столом кассира. Я ее спрятала на самом дне. – Кэрри еще не закончила говорить, а Майкл уже пошел выполнять ее просьбу.

– Я думала, что ты говорила с ним трудно жить. Он такой милый. Он всегда такой сговорчивый? – спросила Лана.

Кэрри засмеялась. *Сговорчивый?* Это не то слово, которое она использовала бы, чтобы описать Майкла Ларсона.

– Нет. Просто он готовый поддержать, будущий отец. Он будет самым лучшим папой в мире. Если бы ты знала его отца, то поняла бы почему. Очевидно, Уильям Ларсон был прекрасной моделью для подражания, – сказала Кэрри.

– Интересная семья. А его брат с кем-нибудь встречается? – спросила Лана, тихо рассмеявшись, когда Кэрри приподняла бровь.

– В отношении женщин, Шейн еще хуже, чем Майкл. Возможно, тебе захочется поискать кого-нибудь менее эксцентричного. Художники *не простые* мужчины, – сказала Кэрри, фыркая, увидев разочарование Ланы. – Хорошо, если ты хочешь встречаться с признанным плейбоем, я представлю тебя Шейну, когда ты вернешься с ужина.

Майкл вернулся с лекарством и отдал его Кэрри.

– Я собираюсь несколько минут поговорить с отцом. – Он ушел в тот момент, когда вошел его отец и направился прямо к Джессике.

Кэрри подумала, что Уилл в сапогах похожих на сапоги Джессики, выглядел таким же большим и широким, как и Шейн. Они были такой яркой парой, что люди не могли на них не заглядываться.

Она засмеялась, увидев, что Шейн, стоявший с ними, был похож на сексуального, лохматого пса, который принадлежал семье.

Майкл подошел к группе. Одетый в костюм, с волосами собранными в длинный хвост, он выглядел как французский поэт. Майкл везде выделялся

из толпы.

– Может быть Майкл и сложный человек, но он выглядит так, будто он стоит всех усилий, – сказала Лана. – Не в обиду будет сказано.

Кэрри удивленно посмотрела на Лану. Она так засмотрелась на Майкла и его семью, что забыла о своей клиентке, которая все еще была там.

– Трудно иметь что-то против человека, который говорит правду, – сказала Кэрри, проведя рукой по волосам.

– А вот и моя сестра. Все, убегаю. Вернусь в семь. – Лана снова обняла Кэрри. – Большое спасибо за всю работу. Здорово видеть все это здесь, и будет так же неплохо, если получится что-то продать. Ощущаю себя настоящим художником, и это потрясающее чувство.

Кэрри кивнула.

– Хорошо. Это лучшее чувство. Должны прийти заинтересованные люди, и мы что-нибудь продадим. Приятного ужина, и возвращайся попозже, как это модно у художников.

Лана смутилась.

– Опоздай на пятнадцать минут, – усмехнулась Кэрри. – Так будет казаться, что тебя не волнуют продажи. Поверь мне, это работает.

Лана подняла большие пальцы вверх и ушла.

Кэрри посмотрела на семью Майкла. Никто из ее семьи никогда не присутствовал на ее показах. И тем не менее, здесь была вся семья Майкла. Ну, за исключением Эллен, однако так было всегда и они с этим смирились.

Она не просила никого из членов его семь прийти сегодня вечером. Должно быть, Майкл обмолвился об этом и они просто пришли.

Это было похоже на появление Шейна с напитком в тот момент, когда она в этом нуждалась.

Помогать друг другу, а теперь и ей, было так же естественно, как и все что они делали. Кэрри подумала о том, каково это будет знать, что время от времени они будут здесь ради нее. И у нее снова потекли слезы.

Майкл увидел ее лицо и вернулся. Возможно, она не хотела его любить, но он заставлял ее почувствовать, что о ней беспокоятся. На этот раз, она не пыталась его остановить и помешать обнять. И просто спряталась в его объятиях.

– Гормоны, – сказала она, хлюпая носом рядом с его чистой рубашкой, и чувствуя, как он над ней посмеивается.

– Ну, не трать свои гормоны здесь, – горячо прошептал Майкл. – Сохрани их для дома. Я поменял на кровати простыни.

Смех прервал опасения Кэрри и это было так, словно солнце выглянуло из-за туч. У них было схожее чувство юмора и от того, что они оба были немного извращенцы, она только сильнее рассмеялась.

– Помоги мне Боже. Ты по-настоящему начинаешь мне нравиться Майкл Ларсон, – сказала она ему, и слезы моментально высохли.

– Хорошо, – сказал Майкл, крепко сжал ее и отпустил. Было чудесно это услышать. – Что будешь есть?

– Сэндвич из не очень острого цыпленка-гриль, какой сможешь найти и еще одну колу с большим количеством льда, – сказала Кэрри.

Когда он наклонился, чтобы ее поцеловать, она ему это позволила. Первое проявление любви, которое она позволила ему на публике. Их губы подошли друг другу идеально, и поцелуй получился одновременно горячим и целомудренным.

Кэрри наблюдала, как Майкл уходит в фуд-корт и размышляла о том, что ей нужно сделать, чтобы поверить в то, что этот мужчина действительно может быть ее. А потом подумала, что если она на самом деле думала о нем, как о своем мужчине, сможет ли она когда-нибудь думать о том, что он *полностью* ее.

Учитывая тянущее ощущение в животе и множество воспоминаний о том, что она видела Майкла с другими женщинами, Кэрри не думала, что у нее есть хоть какой-то шанс это осуществить в этой жизни. Она не верила в верность мужчин с тех пор как слышала спор родителей об изменах

своего отца, когда училась в старших классах.

Если ее отец, самый праведный человек какого она знала, может изменять, то это может делать любой мужчина. Майкл? Он даже не пытался сопротивляться заложенной в мужчинах неверности.

Однако она не была бы самой собой, если бы не попыталась исправить то, что было сломано, когда существовало возможное решение. Ее взгляд переместился на Уилла и Джессику. Она встретила с Джессикой глазами и махнула ей рукой.

– Думаю, что хотела бы узнать имя твоего терапевта и услышать обещание, что ты не расскажешь об этом Майклу, – сказала ей Кэрри.

Джессика залезла в передний карман и вытащила потертый кошелек, который здесь хранила.

– Я немного веду себя как мужчина, – сказала она смеющейся Кэрри.
– К счастью, Уилл любит меня такой, какая я есть. Ненавижу таскать сумки. Вот.

Она дала Кэрри сильно помятую визитку.

– У меня есть ее номер в телефоне. Она замечательная и очень, очень отзывчивая. Думаю, что она тебе понравится.

– Спасибо, – сказала Кэрри, засовывая визитку в бюстгальтер. – До моей сумки сейчас трудно добраться.

– Я храню вещи в местах, которые заставили бы тебя покраснеть. Каждый вечер я выкладываю из своего нижнего белья разные вещи. О... кстати, небесно-голубой цвет в детской получился просто замечательным. Уилл сегодня закончил покраску. Он отправил мне фото со своего нового телефона. Думаю, тебе понравится, – сказала Джессика, наклоняясь, чтобы ее обнять. – Береги себя, милая.

Кэрри согрели добрые слова женщины, потом Джессика отстранилась и вернулась к своей новой семье.

А Кэрри снова обратила внимание на то, что нужно было сделать.

Глава 14

Музыка в клубе была не более чем раздражающими ударами барабанов, которые атаковали творческий ум Шейна. Особенно после того, как он перед этим посетил с Майклом и Кэрри спокойную художественную выставку.

Фактически, он все еще мог там оставаться и сходить поужинать с симпатичной художницей, если бы его душа хотела женской компании. К сожалению, его разум по-прежнему пытался сосредоточиться на его безымянной, безликой героине.

Шейн тяжело вздохнул, сожалея, что не сказал нет мужчине, который шел с ним рядом.

Джозеф Ян Мак Элдауни был единственным человеком из знакомых Шейна, который превратил дорогое инженерное образование в плохо оплачиваемую подрядную компанию, просто решив, что ему не нравится работать на других людей.

По иронии судьбы, Джо так же был единственным человеком не из его семьи, который мог заставить его делать вещи, которые он не хотел делать.

– Почему я позволил тебе снова втянуть меня в это безумие? – спросил Шейн, хмуро глядя на своего высокого, рыжеволосого и нахального бывшего соседа по комнате, который на втором году обучения вместе с ним перевелся из Университета Кентукки в Джон Хопкинс.

– Потому, что ты достаточно меня любишь, чтобы быть моим запасным вариантом и у нас будет *мужская* вечеринка, если Алисия не покажется? – предположил он. – Или, возможно Шейн ты начинаешь поворачиваться в другом направлении. Ты ни разу не посмотрел вокруг с тех пор как мы прошли через дверь.

Шейн насмешливо фыркнул.

– Воздержание не означает гомосексуальность, умник, – сказал он

ему. – Но если и означает, то я чертовски уверен, что ты не мой тип.

– Слава Богу за это. Потому что я определенно в том направлении не поворачиваюсь. А, вот и она. Так что, доктор Ларсон, прямо сейчас времени для анализа нет. Пока, чувак. Купи мне пива. Я скоро вернусь и найду тебя. Мне нужно заложить фундамент, – сказал Джо, уходя.

Шейн снова фыркнул и увидел возле стены на другой стороне оживленного бара пустой столик. Было половина десятого, рано по стандартам бара, но Шейн по-прежнему хотел быть дома и работать над книгой.

Добравшись до стола, он заказал два пива и дополнительную горсть салфеток, как только подошел официант. Обычно, он заказывал три пива, но решил, что получит свои два напитка, потому что ему придется выпить пиво Джо. Потому, как этим вечером он вряд ли снова его увидит.

Шейн вытащил из кармана чернильную ручку и первую салфетку из стопки. Он нарисовал ее волосы и верхнюю часть тела, но как это случилось уже целую неделю, его ручка зависла над ее лицом и остановилась, не зная где начать первую линию.

– Кто ты? – спросил он, глядя на силуэт.

Силуэт не ответил.

– Нет. Не просто «нет», а категорическое «нет». Никаких костюмов, – сказала Риза Каллахан, разглядывая тщательно одетого мужчину, который прислонился к барной стойке и разговаривал с друзьями. Почувствовав ее взгляд, он обернулся, дружелюбно осмотрел и ободряюще улыбнулся.

– Почему нет? Он твой тип *и* только что улыбнулся, ты его явно заинтересовала, подруга. Держу пари, он через минуту примет твое предложение, – сказала Джиллиан Уильямс, с удивлением глядя на свою подругу.

Риза обратила внимание на мужчину и подумала о том, что сказала ее лучшая подруга со времен школы. До недавних пор она была блестящим специалистом, и правдой было то, что ее привлекали такие же интеллектуалы. Она даже была близка к тому, чтобы выйти за такого замуж. Но он бросил ее вскоре после того, как ей пришлось принять самое главное и тяжелое решение в своей жизни.

На самом деле, она не могла его винить за то, что он не захотел быть частью этого. Иногда ей самой не хотелось жить так, как она жила, и это было причиной, почему сегодня вечером она оказалась здесь. Наконец она давала себе самой что-то, в чем нуждалась долгое время.

– *Мистер выпускник частной школы* больше не мой тип. Он слишком похож на Брента, о *котором* сегодня вечером я не хочу думать, – сказала Риза. – Я хочу молодого и энергичного. От которого нет никакого шанса получить завтра телефонный звонок.

Шоколадные глаза Джиллиан приземлились на стол у дальней стены.

– Безусловно, молодого здесь найти можно, но насколько он должен отличаться?

– *Уже?* Ты меня удивляешь. Укажи на него, – сказала Риза, узнавая охотничий блеск в глазах Джиллиан, когда ее взгляд остановился на потенциальной добыче.

Никто не мог дразнить мужчин лучше, чем Джиллиан, хотя красавице с янтарной кожей никогда не приходилось делать этого для себя самой. Она просто делала это для подруг, благослови ее небеса за это, подумала Риза.

– Дальняя стена. На нем рваные джинсы, кольцо в брови и татуировка от плеча до локтя. Из-за отсутствия стрижки трудно сказать, но полагаю, лет двадцать пять – тридцать. Футболка выглядит красиво натянутой, и, что лучше всего, кажется он один. Джиллиан отхлебнула свой напиток и оценивающе посмотрела на свою подругу. Мужчина был совершенно не тип Ризы.

Риза поворачивала голову, пока ее кошачьи зеленые глаза не

опустились на человека, о котором шла речь. По ее нервным окончаниям пробежала легкая вибрация. *Идеально*, со смехом подумала она. Он немного ее даже напугал.

Он определенно был не тем парнем, с которым ей хотелось бы поближе познакомиться. Вероятно, ему с ней было бы безумно скучно, но в любом случае душевная беседа не была в ее списке приоритетов на сегодняшний вечер.

Итак, получится ли у нее затащить его в постель.

– Он прекрасно подойдет. На самом деле не может быть варианта лучше. Мне никогда не нравились настолько высокие мужчины, но прямо сейчас этот выглядит вполне подходящим. Я отчаявшаяся женщина, у которой мало времени. Если я потерплю неудачу, то подкачу к тому лощеному парню в костюме. Спасибо Джилл... ты самая лучшая, – сказала Риза, обнимая подругу.

– *Серьезно?* Ты действительно собираешься домогаться этого парня? Девушка, я просто тебя подразнила и пыталась напугать. На самом деле ты не хочешь настолько другого, – со смехом сказала Джиллиан. – Мистер костюм все еще на тебя поглядывает. Почему бы тебе не дать ему шанс? По крайней мере, поговори сначала с ним, прежде чем пасть так низко и удовлетвориться парнем с тату.

Риза фыркнула.

– Нет. Больше никаких интеллигентов. Мне сегодня пришлось выслушать очередную лекцию от заикленного на спорте директора школы Зака о том, что его лучший спортсмен все еще в депрессии, чтобы играть в баскетбол. Конвей сделал все, чтобы я почувствовала себя так, будто это моя вина, что Зак не может забыть о том, что его родители погибли шесть месяцев назад. И у этого идиота хватило наглости *снова* попросить меня с ним поужинать. *Этот* парень, – сказала она, кивнув головой в сторону незнакомца с татуировкой, – выглядит для меня не больше чем возможность хорошо провести время. И это именно *то*, что мне сегодня

хочется.

Кто-то похлопал Джиллиан по плечу, прерывая ее смех.

Риза подняла глаза и улыбнулась высокому, симпатичному мужчине, готовому приударить за ее подругой.

– Рада, что ты сначала нашла парня для меня. Пожелай удачи, – сказала Риза, награждая подругу прощальной улыбкой.

– Подруга, тебе *повезет*, если у этого мальчика будет место, куда тебя отвести. И послушай меня, не забудь предохраняться, – снова рассмеявшись, сказала Джиллиан.

– Всегда, – сказала Риза, направляясь к столику.

Шейн Ларсон поднял глаза и посмотрел, находился ли его друг Джо все еще в этом заведении. Интрижка явно продолжалась, но Шейн не представлял, куда в процессе исчез его друг.

Зачем я вообще здесь? Шейн нахмурился глядя в свое пиво и выругал Джо. Он должен был быть дома, пить свое пиво, а не сидеть в шумном баре уныло чиркая на коктейльных салфетках.

Шейн с раздражением огляделся. Джо все еще отсутствовал, так что он взял второе пиво и вернулся к тому, что делал. Когда у него закончатся салфетки, он уйдет... не зависимо от того, появится Джо или нет.

– Привет. Могу я купить тебе свежего пива?

Шейн посмотрел на стоявшую возле его стола, улыбающуюся женщину. Она была хорошо одета, но не очень соблазнительно, так, что ничего, кроме ее груди, выглядывающих из блузки, не привлекло его внимания.

Хотя она не могла знать, но это всегда было проблемой, когда знакомишься с людьми в барах. Просто не было времени узнать человека. Не было времени просто побыть друзьями, чтобы потом это естественным

образом переросло в отношения.

От этих мыслей он вздохнул и растерянно на нее посмотрел.

Черт возьми. Он был слишком молодым, чтобы напоминать своего отца. Было достаточно плохо уже то, что он начал все больше и больше думать как он.

– Конечно, – сказал Шейн. Его внутреннее любопытство хотело узнать, почему женщина, которая выглядела такой нормальной, захотела подъехать к парню, который выглядел как Шейн сегодня вечером. Он специально надел свою худшую одежду, чтобы отпугнуть как можно больше женщин. И нацепил каждый кусочек металла, какой у него был. Махнув рукой на кресло, стоявшее напротив, Шейн почти рассмеялся, когда женщина улыбнулась, словно выиграла в лотерее. Он не мог понять, почему она была такой довольной.

Когда она повернулась и пошла вокруг стола, Шейну открылся вид ее симпатично заполненных джинсов, это его заинтересовало настолько, что он сам удивился. Его тело напряглось как по стойке смирно, когда она изящно скользнула на высокий барный стул. Она зацепилась своими восьмисантиметровыми каблуками за поддерживающую перекладину на стуле, потому что ее носки даже не доставали до основания стола, куда обычно ставили ноги большинство людей. Без этих шпилек, женщина не могла быть очень высокой.

Не то, чтобы шпильки не подчеркивали ее симпатичный зад.

Он рассмеялся своим мыслям, думая, почему его так сильно заводила попытка вычислить ее рост. Все его исследования и самоанализ, не помогли выяснить, что такого чертовски привлекательного он находил в маленьких женщинах.

– Так... ты здесь один? – улыбаясь, спросила она.

– Уже нет, – с улыбкой ответил Шейн, зная свою роль в игре, потому что много раз практиковался в ней за последние четыре года. – Как тебя зовут?

Он увидел, как в ее взгляде мелькнула боль и еще что-то, и мгновенно понял, что она собирается ему соврать. Докторская диссертация в области психологии, которую он заканчивал, была больше чем просто возможность иметь отличную работу, которая ему еще и нравилась. Это так же было полезно, когда его интуиция встречались с загадкой, подобно той, что сейчас сидела напротив него.

Женщина не хотела, чтобы Шейн знал кто она, что означало, что она что-то скрывает...как, например мужа, или она его боялась, или и то, и другое. Тем не менее, не смотря на свои опасения, она все равно пыталась его подцепить. Отнеся это в категорию «исследовать», Шейн решил, что не может ничего поделать с тем, что ему было интересно выяснить причины.

– Меня зовут Энн, – сказала Риза, заставляя свой взгляд смягчиться и расслабиться. Это частично было правдой. Ее среднее имя было Энн. – Как насчет тебя?

– Шейн Ларсон, – сказал он, называя ей свое полное имя, потому что у него не было причин скрывать кто он. – Надеюсь, ты не против, но я должен спросить... почему ты выбрала меня? Ты выглядишь как женщина, которую больше бы заинтересовали те парни, которые выстроились возле бара.

Риза пожала плечами, пожалев, что не позаимствовала у племянницы рванные джинсы и несколько топов. Парень не задавал бы ей столько вопросов, если бы она нашла время обдумать, во что одеться. Определенно нужно иметь это в виду, когда в следующем месяце придет сюда снова, решила Риза.

– Раньше, я бы подошла к парню в костюме, который начал мне улыбаться, как только я вошла в дверь. Но ты выглядишь так, что с тобой будет намного веселее, – сказала она, довольная тем, что ее голос был ровным и уверенным.

Ага, а еще у него были шоколадно карие глаза, почти такие же темные как у Джиллиан, очень глубокие и темные для такого блондина. И у него

была способность так внимательно слушать, что это казалось нереальным.

– Ты больше надеялась развлечься или познакомиться? – спросил Шейн, переходя к главному.

Она немного его привлекала, и он был очень заинтригован, но ему не хотелось быть просто чьей-то победой. Или хуже... он не хотел просто быть ставкой в пари заключенном в баре с подругой, с которой она перед этим разговаривала.

Риза вздохнула. Ее потенциальный молодой любовник, оказался намного более разборчивым, чем ей показалось на первый взгляд. *Вот и суди после этого человека по татуировкам и пирсингу*, подумала она, мысленно закатывая глаза, потому что не хотела его отталкивать, действительно это сделав.

Шейн увидел в ее глазах правду, но удивился, когда «Энн» на самом деле вздохнула. По выражению ее лица, он мог сказать, что она собиралась честно ответить. Он мог поспорить, что она была от природы честной. И от этого ему еще сильнее стало интересно, почему она так была обеспокоена тем, чтобы скрыть свою личность.

– Моя жизнь слишком сложна, для чего-то, кроме того, чтобы прямо сейчас просто развлечься, – тихо сказала она. – Если ты не заинтересован, то я пойму. Я не замужем, ни с кем не связана, и даже не встречаюсь. Мне просто нужно на несколько часов забыть про остальную часть своей жизни. И как я сказала, если ты не заинтересован... я на самом деле пойму.

Шейн смотрел на нее, ища... он сам не знал, что, но его размышления прервала другая женщина, прочищающая горло рядом с ним.

– Привет, Шейн, – промурлыкала высокая, длинноногая блондинка. – Тебя какое-то время не было. Ищешь компанию на вечер?

Шейн взглянул на женщину, пытаясь вспомнить ее имя. Он с ней переспал? Посмотрел вниз на ее ноги и осмотрел снизу-вверх, пока не встретился с ее практически пустыми глазами. Она была привлекательной, но если он с ней и переспал, то у него не осталось никаких

воспоминаний... точно так же, как и обо всех остальных.

Но он, наконец, вспомнил о другой совсем непохожей на нее женщине, которая сидела за его столиком, и понял, что Энн, вероятно, заметила, как он разглядывал блондинку. Осмелившись, наконец, взглянуть на Энн и узнать ее реакцию, он обнаружил, что она просто язвительно улыбается, покачивая головой.

Не совсем разозлилась, но и не очень этим довольна. Шейн подумал, что она выглядела... ну, *разочарованной* что ли.

Когда она увидела, как Шейн Ларсон разглядывает ноги блондинки, Риза собрала свои вещи и решила уйти. Она не собиралась сидеть тут и ждать пока он рассматривает все свои возможности. Ну что ж, в конце концов, похоже, улыбчивому парню в костюме возле бара сегодня повезло, подумала Риза. Сегодня у нее выпал единственный свободный вечер за весь месяц. И она определенно отправится с кем-нибудь домой, чтобы заняться сексом.

Кроме того, ее не смутит, если она потерпит поражение в соперничестве с блондинкой. Полгода назад она пережила мать всех отказов, когда ее бросил жених, с которым она два года встречалась. Отказ Шейна Ларсона на ее радаре эмоциональной боли не вызовет даже крошечный всплеск.

Краем глаза Шейн заметил, что блондинка больше не удостоила взглядом его интригующую соседку по столу, как только решила, что та ей не соперница. Ирония была в том, что ее предположение было смехотворным, но Шейн решил позволить появиться на его лице нехорошей улыбке. Это вероятно подорвет само существование блондинки, если она узнает насколько настоящее физическое влечение он чувствовал к маленькой Энн.

Шейн молча сидел, углубившись в анализ ситуации, когда Энн сделала последний глоток пива, которое она принесла с собой и, поставив бутылку на стол, соскользнула со стула. Он вырвался из своих

размышлений и мгновенно почувствовал панику, поняв, что Энн собиралась уйти, прежде чем он сможет разгадать ее тайну.

Шейн не мог позволить этому случиться. С тех пор как она села рядом с ним, все его инстинкты стремились к Энн. Блондинка его вообще не соблазняла.

– Извини, но мы с Энн уже уходим, – твердо сказал Шейн блондинке, смягчая отказ улыбкой.

Шейн понимал, что ясно дал понять своей соседке по столу, что он собирался доставить удовольствие, которое она искала, хотя еще не был в этом полностью уверен. В основном он тянул время, чтобы ее понять.

– Тебе решать, – пожала плечами Риза, не силах поверить, что мужчина отказывается от длинноногой блондинки двадцати с лишним лет, ради нее, тридцатичетырехлетней коротышки. – Слушай, меня устроят оба варианта. Мистер Костюм у бара все еще улыбается. Ты не должен обо мне беспокоиться. Не нужно быть рыцарем.

Шейн фыркнул. Это что – вызов или предупреждение? Его тело решило первое, а разум второе.

– Это не рыцарство, это соперничество. Мистер Костюм должен был к тебе подъехать до того, как ты ко мне подкатила. Скажи мне свое настоящее имя, – потребовал Шейн, с полным решимости взглядом и голосом более грубым, чем собирался.

Риза рассмеялась над его требованием, в восторге от того, что блондинка ушла. То, что она победила блондинку, стало для нее праздником. Ее женское эго успокоилось, впервые с тех пор как она узнала, что ее бывший жених снова с кем-то встречается. Шести месяцев страданий из-за того, что она его потеряла, было достаточно.

– Энн мое настоящее имя. Поскольку мы обмениваемся вопросами, у тебя есть еще какой-то пирсинг, который я не вижу? – спросила Риза, намеренно меняя тему.

Шейн собрал свои рисунки на салфетках и, соскользнув со стула,

встал рядом со столом. Он посмотрел влево-вправо и вверх-вниз. Да, даже на восьмисантиметровых шпильках она по-прежнему была ниже него больше чем на тридцать сантиметров. За свою жизнь он был только с одной невысокой женщиной, но даже она была 170 см ростом. Она отвергла его, когда он отложил докторскую диссертацию, для того чтобы закончить свой первый комикс.

Какого черта, подумал Шейн и покачал головой, увидев веселье в дразнящем взгляде Энн. Ему нравился ее смех, а джинсы на ее попе призывали обратить внимание на его потребности. Он мог сказать, что Энн искренне хотела, чтобы он сказал ей «да», и что мистер Костюм был вторым выбором. Если его это нужно было погладить, то этого было бы достаточно, чтобы ему польстить. Потому, что понимал, сегодня вечером он выглядел не лучшим образом.

– Поцелуй меня и я покажу тебе другой пирсинг, – наконец хрипло сказал Шейн, с желанием во взгляде. Если Энн плохо целовалась, он придумает какую-нибудь чрезвычайную ситуацию и просто отвезет ее домой, решил он.

Риза положила руку на талию Шейна и встала на цыпочки, все еще не в состоянии дотянуться до его рта губами.

– Ларсон, сколько в тебе роста, черт возьми? Тебе придется мне помочь, если ты действительно хочешь этот поцелуй, – приказала она. – С той стороны помещения ты не казался таким высоким.

Ее властный приказ пробудил его нервные окончания. Он посмотрел вниз на ее смеющееся лицо и все вокруг замерло. Если вы обратите на нее внимание, то увидите, что она была очень привлекательной, решил Шейн, осознавая, что хотел бы смотреть в ее зеленые глаза несколько бесконечных часов.

Подумать только... из-за своего плохого настроения, он почти это пропустил.

Внезапно обрадовавшись, что женщина была такой настойчивой,

Шейн нагнулся и, схватив одной большой рукой за спину, приподнял ее бедра до тех пор, пока их губы не соприкоснулись. Жар и возбуждение ее смеющегося рта заставили его *по-настоящему* захотеть ее попробовать.

Простите мистер Костюм, вам не повезло, лукаво подумал Шейн и, приблизившись к ней, углубил поцелуй.

Ему пришлось бороться с желанием проглотить ее рот, это застало его врасплох и заставило задаться вопросом, почему он так сильно реагирует. Шейн сознательно целовал ее довольно целомудренно, просто для того, чтобы доказать себе, что он может это сделать. Однако это потребовало гораздо больше силы воли, чем ему приходилось проявлять за многие годы.

Черт, подумал Шейн. Все его чувства гудели, переполненные ею. Женщина была более горячей, чем выглядела на первый взгляд.

Риза почувствовала, как язык Шейн скользнул по ее зубам, и вслед за ним их края задела штанга (прим. перевод. Пирсинг языка). Ее язык скользнул и коснулся штанги, когда он слегка приоткрыл рот.

Мужчина определенно знал, как целоваться, подумала она, вздохнув, когда они отделились друг от друга. Способность Шейна Ларсона ее возбуждать, сделала вечер еще более привлекательным, чем он был, когда блондинка в ярости убежала.

– Ты интересный человек, – сказала Риза, одаривая Шейна искренней улыбкой.

– Штанга в языке новая, – сказал ей Шейн, наблюдая, как она вспыхнула от возбуждения, когда он об этом упомянул. Ее реакция понравилась ему больше, чем он ожидал. – Я хотел ее опробовать. Так что ты моя первая.

Правда, он не упомянул, что этому пирсингу было уже пять месяцев. Внезапно ему захотелось вытащить ее из этого шума и остаться с ней наедине. Шейн опустил ее, наконец, поставив ее ноги на пол.

– Мне повезло провести тест-драйв. Не могу дождаться, чтобы увидеть, что ты собираешься с этим делать, – сказала Риза. У нее

кружилась голова от надежды и нетерпения снова почувствовать себя сексуальной женщиной.

Его агрессивное мужское начало физически проявило себя в виде картинок того, что он собирался сделать с Энн. Они вспыхнули у него в голове как слайд шоу. Не всем женщинам нравилось, когда мужчина вел себя как мачо, так что Шейн научился контролировать свои побуждения и подстраивал их под ожидания своего партнера. Шейн увидел покрасневшее лицо Энн, и ему захотелось подхватить ее на руки и унести прочь. Но это было бы безумием и вероятно ее напугает.

Однако, похоже, он действительно ей нравился. Пока они шли через клуб, она гордо улыбалась, а он властно положил руку ей на спину. Просто на всякий случай, если мистер Костюм смотрел и думал вмешаться, решил Шейн, оправдывая свою потребность к ней прикоснуться.

Краем глаза Риза увидела, как Джиллиан ей помахала.

Ее лучшая подруга не обращала внимания на своего собеседника. Она была слишком занята тем, что смеялась над Ризой, покачивая головой.

Риза показала ей большие пальцы и вышла с Шейном за дверь.

Поскольку она приехала в клуб с Джиллиан, Риза без проблем могла поехать домой к Шейну на его древней Хонда Цивик. Машине было, по меньшей мере, лет десять, но внутри она была в очень хорошем состоянии. Однако то, как он умудрялся поместиться в ней при своем росте, оставалось загадкой. Ей еще ни разу не приходилось видеть, чтобы автомобильное кресло отодвигалось так далеко.

– Такому большому парню, как ты, нужна машина побольше, – сказала она с дразнящей улыбкой.

– А ты что водишь? – спросил он.

– Тойота Сиенна Мини-Вен, – сказала Риза, не стыдясь того, что ей

пришлось распрощаться со своей любимой Мазда Миата. Потому, что это был единственный достаточно большой автомобиль, подходящий для ее транспортных нужд. Однако она не стала ему об этом рассказывать.

– Без шуток? – спросил Шейн, рассмеявшись, представив себе эту картину. – У тебя ноги до педалей достают?

Это был только вопрос времени, успокоила себя Риза. Все мужчины, рано или поздно смеялись над ее ростом.

– У меня удлинненные педали, так что мне не приходится опираться на рулевое колесо. Но и без этого все было бы нормально. И да, я коротышка ростом 152 сантиметра. Тебя беспокоит, что мне не хватает роста? – спросила Риза.

Обидчивая, когда речь заходит о ее росте, подумал он, взглянув на нее в темноте салона, и задался вопросом, не из-за воспоминаний ли о высокой, длинноногой блондинке, она стала язвительной. В своем компактном автомобиле, он чувствовал запах ее духов и тепло исходящее от ее тела. Он потянулся и, скользнув по ее руке, взял ее ладонь.

– Ты, по меньшей мере, в пятьдесят раз привлекательней, чем та блондинка, имя которой я не помню, – правдиво сказал он.

– Спасибо, – рассмеявшись, сказала ему Риза. – Мне все равно имел ты это в виду или нет. Я просто благодарна, что ты так искренне это говоришь.

– *О, я именно это и имел в виду*, – твердо сказал Шейн. – Я почти всегда говорю то, что имею в виду. Такая честность у всех мужчин в моей семье.

Она толкнула, раскрывая его ладонь, и приложила к ней свою. Рядом с ним, ее выглядела как детская ладошка.

– Ты настоящий здоровяк, – немного нервно сказала Риза. – Ты везде такой большой?

– Полагаю, что так. При росте 193, у меня 47 размер обуви и я считаю это нормальным. Или ты спрашивала о каких-то других измерениях? –

невинно спросил Шейн, заметив, что она широко улыбнулась и отвернулась.

В темноте, было легче просто слушать его голос, забывая о татуировках и пирсинге, подумала Риза. Она перевернула его ладонь и двумя руками передвинула ее к внутренней стороне своего бедра. Ей понравилось, что он ответил, просунув свои длинные пальцы под ее ногу и обхватывая ее. Это ощущалось так хорошо, подумала она, и передвинулась, чтобы усилить контакт. Давно к ней никто не прикасался так интимно.

Риза вздохнула, сильнее расслабляясь от интимности темного автомобиля и приятной компании мужчины, находившегося рядом. У него был завораживающий голос, и было легко забыть, что он незнакомец. Она сурово напредила себе о кольце в брови, татуировке и о том, что, наверное, было плохой идеей, почувствовать себя слишком комфортно.

А потом она посмотрела на его профиль и улыбнулась. Что-то в его внешности не совсем соответствовало его взгляду или успокаивающему голосу. Тем не менее, этот контраст, странным образом ее привлекал.

– Могу поспорить, тебе трудно найти подходящие туфли. У моего племянника 45 размер, а ему только четырнадцать лет. Думаю, что у него будет размер ноги как у тебя еще до того, как он перестанет расти, – тихо сказала она. – В Beadman's в торговом центре Файет есть большие размеры. Мне повезло найти там туфли для Зака.

– Лучшее место в городе, – ответил Шейн.

Удивительно как они могли спокойно говорить о покупке обуви, когда его рука почти касалась ее промежности. А потом у него почти случился сердечный приступ, когда она скользнула вперед по его руке, но так же быстро откинулась назад. Он надеялся, что никто не заметил, как машина вильнула.

– Прости, – сказала Риза, радуясь, что темнота скрыла ее румянец. – Я... у меня это было довольно давно, и я немного волнуюсь. Пытаюсь не отпугнуть тебя своим возбуждением.

Он в недоумении хмыкнул.

– Отпугнуть меня? Это я, кто тут выглядит устрашающе, – сказал Шейн. Он мог сказать, что она не была испугана, и внезапно почувствовал облегчение от того, насколько его внешность, похоже, не имела для нее значения.

Он скользнул рукой по внутренней стороне ее бедра, она застонала, и от этого его сердце забилося быстрее. Жар, исходящий от нее, взывал. Шейн не мог припомнить, когда в последний раз он хотел исследовать женщину таким образом, как ему хотелось изучить ту, к которой сейчас прикасался.

Он завернул на подъездную дорожку к своему дому, радуясь, что мог теперь положить на нее обе руки.

– О, поверь мне, я напугана, но не тем как ты выглядишь, – сказала Риза, качая головой и слушая, как он смеется. Ей нравился его смех, и она хотела поделиться с ним чем-то, что заставит его завтра вспоминать о ней с нежностью.

– Шейн, у тебя голос как расплавленный шоколад. Это чертовски сексуально и уравнивает устрашающие тату и пирсинг. Они тоже выглядят сексуально, но своего рода «демон из ада». Твой голос... твой голос заставляет меня радоваться, что ты взял меня к себе домой, – сказала ему Риза.

– Энн, ты полностью меня соблазнила. Забирайся ко мне на колени и скажи, чего ты хочешь, чтобы я был уверен, что дам тебе это, – сказал ей Шейн, наблюдая за ней со своего места.

Когда она нервно сглотнула, ему захотелось перетянуть ее к себе и самому принять решение. Однако ему пришлось твердо себе приказать не торопить ее.

– Я... просто прикасайся ко мне, прижимайся всем телом, а потом мне уже все равно, делай что хочешь, – призналась Риза. – Я просто хочу в течение нескольких часов почувствовать себя желанной. Ты можешь

сделать это для меня, Шейн?

Не доверяя себе самому в том, что сможет ей культурно ответить, Шейн вышел из машины и, обойдя вокруг, открыл ее дверь. Женщина вышла, и Шейн поднял ее на руки, заставляя обхватить его ногами вокруг талии. Она засмеялась, и его рот нашел в темноте ее.

На этот раз он неторопливо изучал секреты, которые обнаружил между ее губ. Ничто в ней его не разочаровывало. На самом деле, гладивший его маленький беспокойный язык, полностью захватил его внимание и заставил сделать приоритетом необходимость перенести их исследование в уединенное место. Шейну не трудно было держать ее легкое тело, но он уже достиг точки, когда хотел больше, чем просто держать ее.

– Готова прокатиться? – спросил Шейн, и побежал вместе с ней. Она прильнула к нему и засмеялась. Он прислонил ее к входной двери, вытащил из кармана ключи и стал возиться с замком. Шейн почувствовал, как ее пальцы осторожно прикасаются к его кольцу в брови.

– Нет, это не больно, – сказал он, отвечая на невысказанный вопрос. – Энн, твое настоящее имя?

Ризе легко было рассказать ему то количество правды, которым она решила с ним поделиться.

– Да. Это мое настоящее среднее имя, – сказала она ему.

Шейн почувствовал правду в ее словах, но они его не удовлетворили. Он хотел узнать о ней больше.

– Если я хорошо помещусь внутри тебя, ты назовешь свою фамилию? – спросил он, остановившись и встретившись с ней взглядом, чтобы увидеть, не сожалела ли она, что была здесь с ним.

Он ничего не увидел.

Риза рассмеялась над его вопросом и от веселья ее зеленые глаза заискрились как изумруды.

– Нет, но я скажу тебе размер своей обуви, – пообещала она. – Так

будет справедливо.

Глава 15

Поездка домой с выставки, вытянула из Кэрри всю оставшуюся энергию. Войдя в дверь, она вздохнула и ссутулилась от усталости.

– Майкл, я знаю, что сейчас только десять, но мне нужно лечь спать. После выставки, я как выжатый лимон, – сказала она.

– Я уже возвращаюсь. Только проверю дом. Я купил замороженные батончики с йогуртом, если захочешь перекусить, – сказал он.

– Не возражаешь, если я съем их в постели на твоих чистых простынях? – пошутила Кэрри.

Майкл широко улыбнулся.

– Милая, в моей постели ты можешь делать все, что хочешь.

Кэрри закатила глаза в ответ на его театральное заявление, но засмеялась.

Ей удалось воспользоваться ванной комнатой и устало рухнуть на кровать в тот момент, когда Майкл вернулся с двумя упаковками йогурта в руках.

Майкл внимательно наблюдал, как она снимала одежду и бросала ее в кучу на полу, рядом с ворохом, который он оставлял каждый вечер. Это было на нее не похоже. Обычно, она вешала, складывала или разбирала свою одежду.

Должно быть, Кэрри действительно устала, решил он.

Вздохнув от облегчения, обнаженная Кэрри забралась между чистыми простынями и приподняла подушки, чтобы можно было на них опереться.

Уже возбужденный, Майкл подошел к постели.

– Вот, – сказал он, громко вздохнув. – Спасибо за стриптиз.

Кэрри взяла один и похлопала по постели.

– Разденься и присоединяйся ко мне. В моем состоянии я не могу много для тебя сделать, но мне по-прежнему хочется твоей компании.

– Тогда, вот, – сказал он. – Подержи мой, пока я раздеваюсь.

Она улыбнулась, слизывая капли со своего йогурта и с его.

– Поторопись, они оба тают.

– Рад, что хоть что-то тает, – сказал Майкл остановившись, вместо того чтобы раздеваться, и наблюдая за тем, что она делала.

– Давай быстрее, – приказала Кэрри. – Или я съем оба.

– Это будет долгая ночь, – хриплым голосом сказал Майкл.

– Прости, у меня просто нет сил играть, – сказала Кэрри, отдавая его йогурт, когда он забрался в постель. – Этот нормальный.

– Хотелось бы мне показать тебе лучший способ насладиться ими, – сказал ей Майкл.

Кэрри укусила свой, но последний кусочек упал ей в руку. Она облизала палочку, в то время как последний маленький кусочек растаял у нее в ладони.

Майкл аккуратно облизал свой, вытаскивая изо рта совершенно чистую палочку. Кэрри усмехнулась.

– Выпендрейщик, – сказала она. – Не думаю, что ты принес салфетку.

Майкл покачал головой, улыбаясь в ответ.

– Если йогурт окажется на простынях, то тебе их и менять, – предупредил он.

Кэрри одной рукой откинула покрывала, а другой оставила на его животе дорожку из растаявшего йогурта. А затем втерла остатки в очень выступающую эрекцию, которую она заметила, когда он забирался в кровать. Когда Майкл шумно выдохнул, она наклонилась и языком слизала это с его живота.

– Кэрри, если ты еще что-нибудь сделаешь, то я снова отправлюсь на кухню за еще одним йогуртом, и покажу тебе, как играть, – сказал он.

– Если ты это сделаешь, то будешь в этом моим первым, – сказала она ему.

– Кэрри, – сказал Майкл, положив руку ей на щеку. – Я бы хотел быть твоим первым во всем.

Что такого было в этом мужчине, подумала она. Ненавидя себя за то, что хотела отдать ему еще одну форму своей девственности, она все-таки склонила голову к коленям Майкла. Пробежала нетерпеливым языком по его длине, изучая. На вкус он был как йогурт и пряный жар. Он застонал, и оказалось, что это было веселее, чем она представляла. Ее сердце застучало быстрее, потому что то, что она делала, стало шоком, который ее разбудил.

Когда она, наконец, набралась храбрости, ее рот скользнул вокруг него, в то время как он снова и снова тихо стонал, произнося ее имя.

Мой, опять подумала она, потерявшись в том, что делала, а Майкл впервые отдал ей полный контроль.

Мысль о том чтобы остановиться, даже не пришла ей в голову. Позже, когда Майкл кончил и она держала его запястья по бокам, Кэрри наконец поняла, почему так много мужчин хотели, чтобы в их жизни были женщины, которыми они бы обладали.

Это была маленькая победа, но она действительно почувствовала, что он был ее.

После она забралась сверху на Майкла и потребовала что-то для себя.

– Держи меня, – взмолилась Кэрри, снова и снова неровно вздыхая, когда он обхватил ее руками и прижал к себе.

Дверь поддалась и Шейн, наконец, вошел внутрь, держа Энн на руках. Он не стал заморачиваться со светом. Заперев дверь, бросил ключи на стоявший рядом столик и прошел прямо в спальню.

– Прошло около пяти месяцев с тех пор, как я был с кем-нибудь близок, – признался Шейн. – Так что в первый раз это может получиться не очень хорошо. Ты же не собираешься сбежать, если получится плохо, да?

Здорово, подумала Риза, Джиллиан никогда не поверит, что она выбрала парня, который выглядел страшным и безразличным, а внутри

оказался большим плюшевым медвежонком.

– Для меня это было примерно столько же по времени. Давай просто скажем, что я любитель бейсбола, так что дам тебе Шейн три подхода на битку, – со смехом сказала она. – Постарайся, чтобы хотя бы один из них оказался хоум-раном, ладно? (прим. перевод. В бейсболе, у отбивающего игрока есть три попытки выбить мяч максимально далеко, так чтобы игроки защиты не смогли его поймать. После чего он может оббежать все базы – углы игрового квадрата – и, оказавшись в доме, заработать очко. Это называется хоум-ран.)

– Не беспокойся. Бейсбол – это моя игра, – подразнил Шейн, чувствуя облегчение, потому что сейчас он намеревался подарить ей ночь, после которой она захочет остаться здесь на весь следующий день.

Он сел на свою кровать. Энн все еще держала ноги обернутыми вокруг него и сидела у него на коленях. Он потянулся к ящику своего ночного столика и, вытащив целую горсть презервативов, протянул ей.

– Вот. Подержи их минутку, – приказал он, бросив несколько штук между ними.

Риза задохнулась от смеха, когда подняла пару и увидела словосочетание «*экстра большой*», написанное блестящими серебристыми буквами на полупрозрачной упаковке.

– *Шейн*, – заикаясь, произнесла она его имя, зажимая пакетики в руке и начиная хихикать. – Ты всегда таким образом пугаешь женщин, с которыми собираешься переспать?

Шейн включил свет.

– Нет. Обычно я не привожу женщин к себе домой. Я еду к ним, чтобы после у меня была возможность уйти. Ты – первое исключение за долгое время.

– Тогда почему ты держишь эти... неважно, – сказала она, удивляясь, почему презервативы были возле кровати.

– Мне нравится быть готовым, а в ванной комнате не так много места.

Хочешь еще что-то узнать? Проверь даты, Энн. Я для этого включил свет. Не нужно откладывать, если нам снова придется уйти и купить новые, – разумно сказал Шейн, любуясь ее смеющимся лицом и довольный тем, что она к нему прижалась. Под ее извивающимися бедрами он затвердел, но она этого еще даже не заметила.

– К твоему сведению, Шейн, я уже получаю большое удовольствие, – сказала она. – Похоже у них срок годности до следующего месяца. Вау. У тебя это было довольно давно, не так ли?

Шейн пожал плечами, отчего она поднялась выше, и он заставил ее вернуться на его теперь уже очевидную эрекцию. Он улыбнулся от уха до уха, когда она снова засмеялась, прямо перед тем, как покачаться на его затвердевшем члене и замурлыкала как котенок.

Прежде чем он успел что-то сделать, она просунула ладони ему под руки и, сместив вес вперед, практически повалила его на кровать. Шейн немного удивился, увидев, что она сидит на нем и улыбается, однако пришел к заключению, что на самом деле не возражает.

Какими бы ни были ее причины там находиться, Шейн поблагодарил вселенную за то, что не сказал ей сегодня вечером нет. И ее смех, и растущее между ними притяжение, были очень многообещающими.

– Ты невероятно очаровательный, Шейн Ларсон. Я снова смеюсь, и это здорово. Независимо от того, что еще произойдет, я хочу тебя поблагодарить за то, что заставляешь меня сегодня смеяться, – сказала она ему.

Риза провела ладонями по его плечам и груди, приветствуя таким образом окончание воздержания, которое ей нечаянно принесла жизнь.

– Не возражаешь, если мне достанется почетное право сделать это первой? – спросила она.

Шейн шарил по кровати, пока не нашел пакетик из фольги. И когда он отдал его ей, она снова рассмеялась.

Поскольку лежа под ней он все больше и больше возбуждался, Шейн

не понимал, что она находила таким смешным. Его размышления прекратились, когда она потянула вверх его рубашку. Потом она расстегнула джинсы, освободив его член, который прыгнул ей в руку. Один толчок ее маленькой, но очень сильной ладонью, был самым божественным ощущением, какое он мог припомнить за всю его жизнь.

Похоже, женщина действительно знала, как это делать и наслаждалась тем, что делала. Ее опыт и энтузиазм были освежающим изменением в его обычных случайных связях с женщинами в темноте, которые едва знали что делать, или им было все равно, что происходит.

«Повезло мне», – решил Шейн, закусив губу, когда ее рука проводила по всей его длине неторопливыми поглаживаниями. С каждым проходом она становилась немного храбрее и узнавала о нем немного больше.

Шейн стал немного тверже и начал беспокоиться о том, что потеряет контроль до того, как сможет ответить ей взаимностью.

– Думал, что это я тот, кто должен был к тебе прикасаться, – сказал он, выгибаясь навстречу ее рукам.

– Придет и твоя очередь, – приглушенно ответила она, сохраняя старый как мир ритм.

Потом она остановилась, разорвала зубами пакетик и почти без паузы надела на него презерватив.

Шейн не заметил колебаний ни в том, как она сняла его джинсы и бросила их на пол, ни в том, как через несколько секунд она скатилась с него и сняла свои джинсы.

Он мог бы ей помочь, но был слишком ошеломлен ее уверенными движениями. Возможно, он так же хотел посмотреть, как долго она будет так агрессивно действовать и что планирует делать дальше.

Двигаясь вверх по его телу, она поцеловала его бедро и снова его обхватила. Он мог видеть, как ее голова склонилась над его эрекцией. Он начал паниковать при мысли о том, что она собиралась сделать. Он ни за что не выдержит ее рот на своем теле в первый раз. Вот будет стыдоба.

– Не возражаешь, если я... о, – сказала она, когда он подтянул ее вверх и положил на себя сверху.

– Что бы ты ни собиралась сделать, делай это сейчас, – резко сказал он ей. – Энн, я сражаюсь сам с собой, чтобы позволить тебе контролировать.

– Ладно, – сказала она, снова села сверху, схватила его и направила в себя.

А потом Риза забыла обо всем, что собиралась сказать. Вместо этого она застонала от того, каким хорошим было ощущение Шейна скользившего внутри нее и наполнявшего пустоту. Это было так давно.

– Еще, – взмолился Шейн, приподнимая бедра, поощряя ее опуститься на нем еще ниже.

Риза открыла глаза и наклонилась вперед, посмотрела Шейну в глаза, когда он инстинктивно качнулся в ее гостеприимный жар.

– Да. Боже, да, – сказал он. – Я словно в раю.

Он схватил ее бедра, удерживая на месте и толкнулся внутрь проходя оставшееся расстояние, потрясенный тем, какое почувствовал облегчение, оказавшись полностью внутри нее.

Однако он застыл, когда Энн только застонала. Ее бедра задрожали, когда она обхватила его, максимально раздвинув ноги.

Он не мог шелохнуться, ощущая вину и беспокойство.

– Энн... ты в порядке? – спросил он, начиная отталкивать от себя ее бедра, предположив, что причиняет ей боль. Она была такой маленькой, и это будет не в первый раз, когда ему придется оставить в покое женщину.

– Нет! – крикнула Риза, отталкивая руки Шейна от своих бедер и опускаясь назад, пока не почувствовала, как он снова достиг ее сердцевины. – Не вытаскивай. Не смей вытаскивать. Я и не подозревала, что так может быть. Я чувствую и тебя, и себя. Это потрясающе.

Шейн покачал головой из стороны в сторону, глядя на женщину, которая больше казалась фантазией, чем реальностью. У него никогда не

было женщины, настолько благодарной, или настолько требовательной. Она была как героини в его комиксах, только... настоящей. Господи, она действительно была настоящей.

Она начала на нем покачиваться, приподнимаясь и опускаясь. На нем сидел темноволосый ангел, сосредоточенно закрыв зеленые глаза. Шейну хотелось, чтобы она их открыла, увидела его, обрадовалась тому, что была с ним.

– Джиллиан, я твой должник, – резко произнесла она, набирая скорость.

– Ты что-то сказала? – спросил Шейн, мысленно сосредотачиваясь, чтобы не кончить слишком рано. Потому, что она была слишком хороша в том, что делала.

– Да. Я сказала.... *спасибо Шейн*, – громко сказала Риза, позаботившись о том, чтобы он ее услышал. – И сейчас, из-за того, что сегодня вечером ты не выбрал блондинку, я собираюсь сделать тебя счастливым.

– Какую блондинку? – спросил Шейн, действительно сбитый с толку ее словами. Сейчас он мог думать только о том, что она с ним делала и насколько ему это нравилось.

– Сообразительный... правильный ответ, – ответила она, положив руки ему на грудь и раскачивая их обоих до беспамятства.

Шейн снова схватил ее бедра. И когда она вскрикнула, достигнув удовольствия, он крепко ее держал, пока пульсировал и пульсировал в ее сердцевине в своем собственном освобождении, шокированный тем, что они в первый же раз кончили вместе.

Когда ее сердце успокоилось, и она начала подниматься, Риза была потрясена тем, что внезапно оказалась на спине, прижатая большим мужчиной все еще погруженным в нее.

– Ты обещала мне три раза, – твердо сказал Шейн. – Ты выполняешь свои обещания?

– Всегда, – сказала ему Риза, имея в виду каждое слово.

– Пообещай, что через некоторое время я смогу снова кончить внутри тебя. И тогда я тебя отпущу, – сказал Шейн, придавливая ее своим весом, позволяя ей почувствовать, каким большим он был.

– А если не пообещаю? – спросила Риза, ухмыляясь его ярости. Кольцо в брови сверкало в темноте как маяк.

– Не знаю, – сказал Шейн, надавливая на нее. – Я никогда раньше так сильно не хотел второго раза. Для меня это новая ситуация.

Ризе пришлось немного потрудиться, чтобы сдержать вздох удовлетворения. Кто бы мог подумать, что она найдет такую связь с мужчиной, который выглядел как он.

– Не беспокойся Ларсон. Я уже снова тебя хочу, – честно сказала она. – И мне не нужно уходить до двух.

– Ты сказала, что не замужем, верно? – сказал Шейн, отстраняясь от нее.

– Я не замужем. Это правда. В моей жизни нет никакого мужчины, – сказала она, уже скучая по его весу. – Но есть причины, по которым я должна быть дома рано. Не спрашивай почему. Я не собираюсь рассказывать тебе всю свою историю. Для меня это как отпуск. И прямо сейчас, мне нужно не думать об остальной моей жизни.

– Хорошо, – сказал Шейн, ему это не нравилось, но он не знал, как можно заставить ее рассказать больше, чем она не хотела, чтобы он знал. – Когда я вернусь в постель, ты покажешь мне как к тебе прикасаться, как ты хочешь, чтобы я к тебе прикасался. Я очень хорошо выполняю указания.

Или, по крайней мере, он будет таким с ней, даже если это его убьет.

– Шейн, ты можешь давать уроки о том, как удовлетворить женщину в постели, – со смехом сказала ему Риза.

– Нет уж, спасибо. Я получил свою долю связей на одну ночь. Обычно они не складываются так хорошо, – сказал он, моясь у раковины.

– Знаю, – вздыхая, сказала Риза. – Я свою долю тоже получила. Но, к

сожалению, это все на что у меня есть время.

Он принес влажную ткань, сложил и провел у нее между ног, вызвав стон. До этой ночи, он никогда этого не делал, но у него было очень странное побуждение позаботиться об этой женщине, самым простым способом. Это было так, словно все в ней взывало к нему и вызывало желание ее защитить.

Он положил большую теплую ладонь на ткань и прижал к ней. Она вздохнула от удовольствия, и он засмеялся. Это заставило его подумать о сотне разных вещей, которые он хотел бы с ней сделать, и заставить ее снова вздохнуть.

– Почему прямо сейчас здесь нет женщины, которая захотела бы выцарапать мне глаза? – наконец спросила Риза, удивленная его заботливостью, чувствительностью и тем, что он все еще умудрялся лукаво на нее смотреть, заставляя петть ее нервные окончания.

Он убрал ткань, свернул мячиком, бросил в раковину и рассмеялся, когда в нее попал.

– Очко, один оргазм есть, – сказал он, поворачиваясь к ней с улыбкой.

– И получишь еще один, – сказала она со смехом, – но ты так и не ответил на мой вопрос. Хотя, все в порядке, ты не должен.

– Я был занят превращением своей мечты в карьеру, и устал от длинноногих блондинок, чьих имен я даже не помню, – правдиво ответил Шейн.

– Что ж, нет ничего важнее, чем следовать за своими мечтами. Жизнь слишком коротка, чтобы этого не делать, – печально сказала Риза, думая о своей сестре и зяте, которые потеряли свою мечту, как только она стала реальностью.

Шейн услышал в ее голосе печаль. Он оставил включенным свет в ванной, так что мог видеть в ее взгляде, насколько искренней она была.

– Определенно, со мной ты прервал свое проклятие длинноногих блондинок. Потому, что я, максимально далека от этого архетипа. Я знаю,

почему к тебе подкатила, но вот почему ты сказал мне «да»? – спросила она. – Я заметила, что тебя что-то сдерживало.

Шейн инстинктивно почувствовал, что честные ответы типа «я собирался сказать нет» или «А ты будешь со мной встречаться?», просто не позволят случиться его следующим двум оргазмам. Хотя, он рассчитывал на то, что окажется достаточно запоминающимся, чтобы получить ее номер телефона. Или, по крайней мере, узнает ее настоящее имя.

– Я хотел опробовать свою штангу в языке, а ты выглядела как женщина, которая скажет мне правду, – просто сказал Шейн, улыбаясь ее вопрошающим глазам. Ее глаза были очень, очень зелеными, как у кошки. И ему очень нравилось в них смотреть.

Ему так же нравилось, что в уголках ее глаз появлялись морщинки, когда она улыбалась. Она старше, решил Шейн, сейчас интересуясь ею сильнее, чем когда-либо. Он задался вопросом насколько старше. Это могло объяснить ее искренность и опыт. Он никогда не встречался с кем-то старше себя.

Риза посмотрела на потолок.

– Ну, обычно я говорю правду, потому что так проще. Так что, *говоря правду*.... Когда я к тебе подошла, то только тогда заметила насколько ты привлекательный, – призналась она. – Прости. Уверена, ты слышал это много раз. Могу только порадоваться своей удаче, потому что ты такой же милый, как и привлекательный.

Шейн наклонился и провел языком по одному бедру до самого таза.

– Тогда скажи мне сейчас правду, ты чувствуешь мою штангу в языке? – спросил он.

Риза кивнула в подушку.

– Конечно. Думаю, это приятно. Однако не уверена, что эта штука стоила того, чтобы терпеть боль, когда ты ее устанавливал. Она прикусила губу, когда он перестал ее облизывать и просто на нее посмотрел. – Прости, я не должна была этого говорить. Я часто бываю категоричной...

временами слишком категоричной. Я не собиралась оскорблять твой выбор... украшений для тела.

Шейн в ответ что-то проворчал, что было типично для разочарованного мужчины, отчего Риза снова рассмеялась.

– Ты уверена, что она не делает что-то особенное? – спросил Шейн, добавив голосу насколько возможно раненого эго.

Затем он снова над ней склонился, мягко раздвинул ее ноги и слегка лизнул внутри, заставив штангу в языке твердо прижаться ко всему, что встретил по пути вверх.

Риза приподнялась с кровати, ее сердце колотилось в груди в шоке от того, что с ней сделал Шейн, просто проведя языком.

Когда она встретила с ним изумленным взглядом, Шейн не мог не нырнуть в ее тело, прямо там и тогда.

– Те два раза считаются, если внутри тебя находится что-то кроме моих пальцев или языка, – решительно сказал ей Шейн. – Просто хотел прояснить, до того как это пойдет слишком далеко и я отвлекусь на предварительные ласки.

Риза села, заползла к нему на колени и целовала его пока их языки не стали дико спариваться.

– Ты можешь обладать мной столько раз, сколько захочешь, пока я больше не смогу этого выдержать. И штанга в языке, это определенно горячо.

– Здорово. Это все, что я искал... а теперь скажи мне как к тебе прикасаться, – приказал Шейн, снова опуская ее на кровать и следуя за ней.

– Кажется ты не из тех парней, которым нравятся груди, но мог бы ты... о, да, так хорошо, – сказала она, когда его руки накрыли ее груди. – Ты заставляешь меня чувствовать себя маленькой, но... защищенной.

– Тогда мы одинаковы. Ты заставляешь меня чувствовать, что мой размер на самом деле ценное качество, – сказал ей Шейн. – Впрочем, независимо от размера женщины, это не всегда так.

– Как насчет этого? – спросил Шейн, проводя рукой по ее боку.

– Очень мило, – выгибаясь, сказала она.

– А так? – спросил он, обхватив руками ее задницу и приподнимая вверх.

– Отлично... особенно когда ты в середине... – она сделала паузу, осознавая, что сообщала ему больше, чем говорила любому другому любовнику. На самом деле больше, чем ее когда-либо спрашивали.

– Тебя? – спросил Шейн, заканчивая ее фразу.

К сожалению, пришла к выводу Риза, эта случайная связь, станет лучшим сексом в ее жизни. Просто ее везенье.

– Да, – наконец сказала Риза, зная, что запомнит их разговор, так же как и то, что с ней делал Шейн.

– А теперь назови мне самые чувствительные к поцелуям, три части твоего тела, – приказал Шейн.

– Шея, между грудями и ... – Риза остановилась, потому, что немного нервничала, от того, как внимательно он слушал ее ответы.

– И? – подтолкнул Шейн.

– Мне нравится, когда целуют внутреннюю сторону бедер, – наконец сказала она, закрывая глаза.

– Я сделаю это, и помогу тебе найти другие места, – сказал он ей. – А теперь мы можем начать снова?

– Я думала, мы уже начали, – засмеявшись, сказала Риза.

– Нет. Это просто разговор. И к твоему сведенью, на этот раз я намерен все контролировать, – сказал Шейн, двигаясь вниз по ее телу.

Он прижал ее запястья по бокам тела, снова опустил лицо между ее ног, а затем понял, что это может быть в последний раз. Сильное желание взять ее без промедления, заклеить, потребовать, чтобы она осталась, потрясло его.

Однако он заставил себя спокойно снова ее лизнуть, повторяя то же самое, что делал раньше. Вздвогнув, она приподнялась и выдохнула его

имя, ее сердце снова дико забилося.

– Лучше оставить это на другой раз, – решил Шейн, выползая назад, прежде чем потерял здравый смысл. – Когда ты так сильно реагируешь, я начинаю терять рассудок. И это превращает меня в зверя.

– Шейн, тебе не нужно так сильно со мной сдерживаться. Я не хочу, чтобы ты замедлялся. Мне нужно, чтобы ты проживал этот момент вместе со мной, – сказала Риза, размышляя над тем, почему побуждала мужчину, возможно, ее разочаровать, после того, как он полностью ее очаровал.

Шейн был невероятно милый парень, если вы потрудитесь заглянуть за оболочку. Если бы у нее было больше времени, она бы изучила его тату, расспросила о семье, узнала бы кто он по гороскопу. Конечно, она понимала, что желание узнать больше, было не хорошо... совсем не хорошо. Однако ей действительно *нравился* этот здоровый, татуированный чудо-парень.

Джиллиан бы ее убила, если только представила, в каком направлении двигался ее разум, подумала Риза.

– Я сдерживаюсь, потому что беспокоюсь о том, что могу причинить тебе боль, если сейчас же от тебя не отстану. Я не знаю, что ты со мной сделала, но собираюсь сделать все возможное, чтобы поупражняться с тобой, по меньшей мере, еще два раза, – сказал Шейн, смеясь над ее удивленным выражением лица.

– Тогда передай мне презерватив или одень его сам, – приказала Риза.
– Часики тикают... и я тоже тебя хочу.

– Ты самая властная женщина в постели, с которой я когда-либо был, – сказал ей Шейн, надевая презерватив и снова над ней приподнимаясь. – Ты уверена в том, что позволяешь мне делать то, что я хочу?

– Абсолютно, – сказала Риза, всем телом приподнимаясь над кроватью, когда Шейн скользнул между ее ног и толкнулся внутрь одним жестким, уверенным ударом. – Черт, Шейн. Одно это вызывает дрожь. Ты очень пылкий парень.

– Я тебя предупреждал, – сказал Шейн, дрожа в ее руках, целуя шею и склоняя голову к ее грудям. – Что вы со мной делаете, леди? Это все на что я способен, чтобы быть с тобой цивилизованным.

Она боролась под ним, и он, наконец, приподнялся. А затем, она потрясла его тем, что схватила за бедра и, используя их как рычаг, начала ритмично под ним двигаться. Он застонал и, привстав на локтях, позволил ей делать то, что она хотела. Для него это было впервые, и необходимость сказать об этом была слишком сильной, чтобы сопротивляться.

– Ты не представляешь, сколько женщин вообще не двигаются. Я думал, что такие женщины как ты просто фантазия, – сказал Шейн, хриплым от возбуждения голосом.

Риза замерла.

– Я никогда так себя не вела, – тихо сказала она, таким же хриплым шепотом. – Ты... ты очень вдохновляешь.

Ее лесть подпитала пламя иррационального желания, которое уже вспыхнуло внутри него.

В процессе попытки быть как можно более запоминающимся, Шейн потерял контроль. Он обнаружил, что толкается внутрь стонущей женщины сильнее, чем нужно. Изголовье кровати билось о стену, отбивая ритм и сводя его с ума. Она стонала и звала его по имени, выгибаясь навстречу каждому его толчку, независимо от того насколько жестко он в нее входил.

Шейн не мог поверить, что никогда не делал этого ни с одной женщиной, кроме этой малышки. Вместо того чтобы быть расстроенной его яростным обладанием, женщина, лежавшая под ним, подстраивалась под его движения, словно в течение их жизней они не один раз вместе занимались любовью.

Все, о чем Шейн мог думать, пока они вместе двигались, было то, что он и не знал, что так может быть между мужчиной и женщиной. Он хотел остаться с ней и иметь возможность заниматься с ней этим столько раз, сколько она ему позволит.

– Скажи мне свое настоящее имя, – взмолился он, чувствуя себя соединенным с равным партнером и утопая в этом ощущении.

– Энн. Мое настоящее имя Энн, – воскликнула Риза, когда ее тело разлетелось под ним. – О Боже... Шейн. Жестче. Пожалуйста.

– Как ты можешь дать мне все остальное, кроме своего настоящего имени? – потребовал он ответа, сам шокированный своим воинственным тоном.

А затем он снова потерялся в ней, пока она дрожала, сотрясаясь под ним в яростном освобождении. На этот раз ее оргазм был сильнее, чем в первый. Ему хотелось, чтобы он никогда не заканчивался, но когда это случилось, он сразу же захотел начать все заново. Секс с ней не был похож ни на какой другой, что он испытывал раньше.

Когда он скатился с нее на бок, чтобы убрать свой вес с ее маленького тела, внутри него что-то сжалось, когда она быстро отодвинулась в сторону.

– Останься... *пожалуйста*, – умолял Шейн, в панике хватая ее за запястье и чувствуя, что эмоционально разваливается на части. *Спокойно мальчик*, сказал он себе. – Я больше не буду спрашивать про твое имя.

Тем не менее, Шейн знал, что это ложь. Однако в следующий раз он будет вести себя умнее. Он сделает Ризу слабой от нужды и не даст ей то, в чем она будет нуждаться, пока не скажет ему, кто она на самом деле.

Риза тихо рассмеялась, глядя на огромную руку, зажавшую ее крошечное запястье. Вероятно, ей следовало беспокоиться о том, что сегодня вечером она поехала домой к парню, который очевидно мог причинить ей боль, если захочет. Однако, вместо того, чтобы беспокоиться, ее инстинкт говорил ей взобраться на него сверху и попросить ее обнять.

Глупо... очень глупо, подумала она, вздыхая.

Джиллиан сделает ей выговор за то, что она эмоционально привязалась к незнакомому человеку. Простое свидание на одну ночь, заботило ее больше, чем это было разумно, и поэтому ответила осторожно.

– Я просто собиралась в ванную. Через минуту вернусь, – тихо

сказала Риза. Ее решимость ослабла и угрожала вообще исчезнуть, после того как он осторожно потянул ее за руку и шепотом попросил быстрее возвращаться.

– Серьезно, мне просто нужно сходить в ванную, – засмеявшись, сказала она и быстро ушла, когда Шейн ее отпустил.

Риза закрыла дверь, сделала то, что было нужно, а затем немного ополоснулась. Назад она принесла с собой мусорное ведро и мокрую ткань, рассмеявшись над шокированным выражением лица Шейна.

– Что? Я просто возвращаю любезность, – сказала Риза. – Если хочешь, я даже могу тебя вымыть. Уверенна, что мне бы это понравилось. На твоём теле много мест, которые можно исследовать.

– Клянусь, до сегодняшнего вечера я не знал, какой должна быть близость, – сказал ей Шейн, бросая использованный презерватив в мусор. Приведя себя в порядок, он повторил процесс, свернув ткань в мячик и бросив ее в раковину.

Риза снова засмеялась, откидываясь назад рядом с ним. Он был молодым, сильным и выглядел так же хорошо, как любой мужчина с какими Джиллиан или ее сестра обычно встречались. Шейн не был ее обычным типом, однако он был тем мужчиной, которого все женщины хотели и ценили.

Кроме того, его сексуальная и веселая личность была, как найти классный приз в коробке карамельной кукурузы.

– Ты погубила меня для других женщин, – сказал ей Шейн, глядя в потолок. – Не думаю, что мне вообще нравились женщины, с которыми у меня раньше был секс.

Этот комментарий показался Ризе смешным. Она знала перевод этой фразы. Она означала, что за всю жизнь у Шейна не было серьезных отношений. Хотя она прожила с Брентом год, и чувствовала себя намного старше, тем не менее, по-прежнему была рада, что сегодня вечером выбрала из толпы Шейна.

– Сомневаюсь, что повреждение необратимое, – легко сказала Риза, но про себя подумала, было приятно верить, что Шейн Ларсон ее запомнит, потому что с ней было просто, и она легко могла понравиться.

– Сейчас ты не понимаешь, но поймешь. В следующий раз мы не будем заниматься сексом, Энн. Я собираюсь заняться с тобой любовью. Ты запомнишь все, что мы делали и в каждом мужчине, которого встретишь, будешь искать меня, – поклялся Шейн, протянув руку и обхватив ее лицо ладонью, которая дрожала не из-за похоти.

Никогда раньше он не хотел, чтобы женщина осталась, но уже чувствовал, как она от него ускользает. Все его хвастовство перед отцом и Майклом о том, что он не ищет долговременных отношений, дало о себе знать, когда он понял, что зависело от следующих двух часов его жизни. Потому что это она не хотела ничего, кроме одной ночи. Шейн мог сказать, что она не лгала об этом, и проклинал себя за то, что понимал это. И это делало все только хуже.

– Энн, нам хорошо вместе и я не имею в виду только секс. Избавь себя от поиска и просто возвращайся ко мне. Ты знаешь, где я живу. Ты даже знаешь мое настоящее имя.

– Заманчивое предложение и не могу сказать, что это не соблазнительно. Однако, Шейн Ларсон, несмотря на то, что ты подходишь мне сексуально, ты никогда не вступишь в мою сумасшедшую жизнь. Но я действительно думаю, что однажды ты осчастливишь какую-нибудь женщину, – сказала Риза, не комментируя остальное.

Она запомнит Шейна, но не будет снова его искать. Прямо сейчас это было невозможно.

– Хорошо, и хотя я думаю, между нами многое происходит, будет только справедливо тебя предупредить, что я не против использовать превосходный секс для того, чтобы заставить тебя захотеть больше чем эту ночь, – сказал ей Шейн.

– Что еще ты можешь со мной сделать, чтобы переплюнуть то, что

уже сделал? – спросила его Риза, надеясь разрядить обстановку.

Но когда почти через два часа он возле нее заснул, Риза тихо выскользнула из его дома, и проплакала в такси всю дорогу к себе домой.

Она горевала, потеряв своего жениха, но эта рана очень быстро зажила. Сегодняшний вечер... что ж, оставить сегодня вечером мужчину, который был щедрым в постели и, с которым было весело, стало намного трудней, чем она планировала, подцепив его в баре.

Провести несколько блаженных часов с Шейном, было самым хорошим из того, что случилось в ее жизни в течение очень долгого времени.

Он был приятным, веселым и просто действительно хорошим парнем.

После того как она взяла на себя полную опеку над четырьмя детьми ее сестры, он так же был причиной, по которой она сожалела о требованиях и ограничениях ее новой жизни.

Глава 16

Майкл проснулся от звука сливавшейся в унитазе воды и в панике выпрыгнул из кровати. Не постучав, открыл дверь в ванную и увидел почти одетую Кэрри, опиравшуюся на раковину.

– Не возражаешь? Я не врываюсь в ванную, когда ты там находишься, – сказала Кэрри не пытаясь смягчить раздражение на хмуром лице. Потому, что Майкл Ларсон улыбки не заслуживал.

Она заспанными глазами изучала свое отражение, вместо того, чтобы смотреть на липкого от йогурта обнаженного парня, стоявшего в дверном проеме. Он демонстрировал утреннюю эрекцию, которая могла сравниться с такой же впечатляющей вчерашней версией. Она сделала с ним и для него очень много непередаваемых словами вещей, думать о которых сегодня утром не была готова.

– Тебя тошнит? – спросил Майкл.

Кэрри фыркнула.

– Нет. Лекарство работает или недомогание, наконец, проходит. И мне все равно, что из этого является причиной.

– Ты уверенна? Потому что выглядишь ужасно, – сказал ей Майкл, зачарованно наблюдая, как в ее взгляде появились огонь и ярость.

– Это потому, что какой-то повернутый на сексе маньяк полночи не давал мне спать, после того как я буквально надрывала задницу весь день и пол вечера продавая картины. Я не выспалась, но теперь я слишком голодна, чтобы дальше оставаться в постели. Собираюсь почистить зубы и пойду искать завтрак, – мрачно сказала Кэрри.

Майкл рассмеялся. Она выглядела так, словно на самом деле плохо себя чувствовала, но он ничего не мог с собой поделать и был счастлив от того, что это была его вина. Ему придется лучше о ней заботиться, намного, намного лучше. Было очень трудно думать о том, что потребуется для этого сделать, когда все что он хотел сегодняшним утром, это еще

йогуртных батончиков и возможность снова повторить вчерашнюю ночь.

Она была на вкус... нет, он должен перестать об этом думать и просто о ней позаботиться.

– Который час? – спросил он, возвращаясь в спальню, в то время как Кэрри чистила зубы. Затем он снова появился в дверном проеме. – Вау. Почти девять. Не удивительно, что ты голодна. Как насчет орехово-банановых блинов?

– Звучит неплохо, – сказала она, ополоснув и повесив зубную щетку.

– Хорошо. Отец с Шейном будут здесь в любую минуту. Я забыл рассказать тебе о нашем ритуале – завтрак с блинами по субботам. Блины делает отец, – сказал он.

Кэрри в недоумении посмотрела в невинные глаза Майкла.

– В самом деле? Компания придет сегодня утром? Спасибо, что заранее предупредил, Майкл. Ты не можешь всерьез ожидать, что я буду вежливой и стану вести светскую беседу, когда мне хочется тебя убить.

– А чего ты с утра такая злая? Разве вчера ночью тебе не было хорошо? – спросил Майкл, заходя в ванную и беспокоясь, что для нее это возможно не было так здорово как для него.

– Я едва помню вчерашнюю ночь. Все было как в тумане. Возможно, кому-то из нас требуется больше четырех часов сна, чтобы запомнить, – сказала Кэрри его отражению. – *И не мог бы ты что-нибудь одеть?*

– Почему? Я тебя соблазняю? – спросил Майкл, широко улыбаясь ей в зеркале.

– Только для того, чтобы ты сменил пластинку, – сказала ему Кэрри, сердито взглянув в ответ.

Смеясь, Майкл развернул свою раздраженную злюку, прижался ртом к ее губам и почувствовал мятную зубную пасту.

Огонь, подумал он. Жар ее рта мгновенно его возбудил.

Он услышал дверной звонок и оценил их предупреждение. Слава Богу, они не воспользовались своими ключами. Его семья перестала это

делать, когда к нему переехала Кэрри.

– Не могла бы ты всех впустить, пока я принимаю душ и сделать это не хмурясь? – спросил он, все еще почти не отрывая от нее губ.

Кэрри одной рукой оттолкнула голого Майкла и крепко припечатаала его к стене ванной, наслаждаясь тем, как его голова щелкнула о штукатурку и звуком, который он при этом издал.

– Ой... пора покрасить главную спальню в успокаивающий голубой цвет, – тихо сказал Майкл, не пропустив как дернулись ее губы.

Когда она на него выругалась, он ответил «пока детка», наблюдая, как Кэрри выскочила из ванной.

Через двадцать минут принявший душ Майкл важной походкой вышел в коридор, где его приветствовал запах блинов. Кэрри стояла за плечом у его отца и, бросив в рот горсть сухого завтрака, запила его молоком.

Джессика вышла во внутренний двор и рассматривала его новую работу, как механик ходит вокруг машины, проверяя ее.

Кэрри повернулась, продолжая есть зерна и все еще на него рыча.

– Шейн еще не появился? – спросил он, на этот раз игнорируя огонь в глазах Кэрри.

– Не слышал его байка, но сегодня утром он может приехать на своей машине, – сказал Уилл, переводя взгляд с Майкла на Кэрри. – Не могли бы вы отложить убийство друг друга и сделать это после завтрака?

Кэрри фыркнула в сторону Уилла.

– Вы намного умнее своего сына. Ему повезло, что он еще жив.

– Старше. Опытней. Вот почему я дал тебе сухой завтрак и молоко, – сказал Уилл. – Что он натворил, не покормил тебя прошлой ночью?

Кэрри не привыкла к тому, что ее опекали мужчины. Ее горло

сжалось, она поставила коробку со злаками на стол и обняла Уилла. Она почувствовала, как его грудь грохочет под ее руками и вздохнула.

– Ваш сын продолжает меня раздражать и не давал мне спать, – жалобно произнесла она.

Уилл засмеялся и похлопал ее.

– Прости, милая. Я поговорю с ним позже.

– Эй. А меня обнять? – спросил Майкл, разрываясь между счастьем и смешной ревностью к своему отцу.

– А ты не получишь ничего кроме огорчения, пока я не выплюсь, – сказала Кэрри, выпивая молоко.

Когда раздался дверной звонок, Майкл, услышав ее ответ, закатил глаза и пошел открывать дверь. Это оказался Шейн, который выглядел таким же изможденным и раздраженным, как и Кэрри.

– И тебе доброе утро, – радостно сказал Майкл. – Слишком сильно повеселился прошлой ночью?

– Не заставляй меня тебя стукнуть. Я поспал около трех часов. Проснулся в пять, а она исчезла. И никакой чертовой идеи даже где начать ее искать. Она солгала мне кто она. Дерьмо... ненавижу это, – сказал Шейн, протопав мимо Майкла и заходя на кухню.

Кэрри с опаской посмотрела на Шейна.

– Ты тоже злишься на Майкла?

Шейн налил себе кофе.

– Нет. Я просто злюсь. Хочешь, я его для тебя отлуплю? Меня лишили сна, и я ищу с кем бы подраться.

– Я тоже, – сказала Кэрри, глядя на Майкла, прищулив глаза. – Это так заманчиво. Но я вот думаю, если просто смотреть, принесет ли это такое же удовольствие.

– Нет, – разумно сказал Шейн. – Но зато я почувствую себя лучше.

– Хочешь сухой завтрак? – спросила Кэрри, протягивая коробку.

Шейн засунул руку и вытащил полную горсть. Закинул это в рот,

пожевал, проглотил и запил кофе.

– Прошлая ночь, была самой прекрасной в моей жизни, но она все равно меня покинула. Поскольку она солгала о том, кто она, я даже не знаю, как ее найти, чтобы сказать, что она поступает глупо.

– О чем, черт возьми, ты говоришь? – запутавшись, довольно резко спросил Майкл.

Джессика раздвинула дверь на патио и вернулась в дом, прежде чем Шейн смог ответить.

– Майкл... эта новая вещь потрясающая, – сказала она.

– *Наконец Понимание*, – сказала Кэрри. – Так она называется.

– В ней есть что-то необычное, – начала Джессика. – Майкл, твои работы меняются.

– Вероятно потому, что я сам меняюсь, – сказал Майкл, желая, чтобы у него была возможность заморозить этот момент, и заставить его продолжаться. Получить восхищение от двух людей, которые больше всех ценили его искусство, стало его новым определением счастья.

Он посмотрел на своего брата, который снова наполнил кружку кофе и направился к длинному кухонному столу. Сегодня утром, Шейн в какой-то мере выглядел даже хуже, чем Кэрри. Он выглядел... выбитым из колеи, подумал Майкл. А Шейн никогда не бывал не спокойным.

– Шейн? Сейчас, я тебя слушаю. Что случилось прошлой ночью? – спросил Майкл, переключая внимание всех находившихся в комнате на своего брата.

Шейн посмотрел на отца и Джессику, а затем на Майкла и Кэрри. Он хотел такого же. Он хотел этого *с ней*. Если бы она осталась, утром он привел бы ее сюда и познакомил со своей семьей. Может быть. Если бы они были в состоянии встать с постели.

Он закрыл глаза, встряхнул лохматые волосы и отправил Вселенной молитву. И когда он открыл глаза, его взгляд был обращен на обеспокоенного Майкла.

Это дало ему идею о том, что он мог сделать.

Он залез в задний карман и вытащил чековую книжку, а затем достал из переднего кармана чернильную ручку. Это Карма, решил он. Он сможет загадать желание, но взамен ему придется поступиться своей гордостью,

– Вот, – сказал Шейн, протягивая чек, который он выписал на имя Майкла.

– Для чего это? – спросил сбитый с толку Майкл, посмотрев на чек. – О, черт, Шейн. Я просто пошутил об этом пари. Ты не должен мне тысячу долларов.

– Нет. Нет, Майкл, я должен. Прошлой ночью я влюбился, – объявил Шейн, думая... *вот, теперь я произнес вслух и сделал это настоящим.* – Она 152 сантиметра ростом. Ты меня проклял, и она именно такая, какую ты мне напророчил найти.

В кухне наступила тишина. Несколько секунд было слышно только шипение сковородки.

– Проклял? Какая женщина? погоди... позволь задать серьезный вопрос, прежде чем я сойду с ума попытаюсь поспеть за твоим аналитическим умом. О ком ты говоришь? – спросил Майкл.

Шейн сглотнул.

– Это то, о чем я пытался сказать... *я не знаю.* Она мне солгала о том, кто она. Она немного старше, забавная, милая и...идеальная. Она была идеальной. Я хочу ее назад. Я хочу ее в своей жизни.

Уилл покачал головой и вздохнул.

– Шейн, я тебя предупреждал, прекрати цеплять женщин в барах.

– У меня несколько месяцев не было ни одной женщины. Пап, и на этот раз это была не моя идея. Это была ее чертова идея. Для меня она была слишком нормальной, но нет... она не захотела парня в костюме, который ей целый вечер улыбался. Она захотела меня. А потом она сказала мне купить туфли в Beadman, потому что там она купила что-то своему племяннику, – сказал Шейн, заметив, что все на него смотрят. – Это звучит

как бред сумасшедшего, да?

– Типа того, – сказал Майкл, соглашаясь. Шейн выглядел как безумный человек, который говорит бессмыслицу о невидимом человеке.

Кэрри посмотрела на лицо Шейна. Да. *Большой, старый плюшевый медвежонок*, решила она. Она подошла к Майклу и сильно шлепнула его по руке.

– Хватит ехидничать и прояви немного симпатии. Разве ты не видишь, что Шейн расстроен? – потребовала она. Кэрри оглядела кухню, но не смогла найти то, что ей было нужно. – Майкл, где ты хранишь свои блокноты для рисования?

– Для чего? – спросил Майкл.

Когда она рыкнула на него за то, что он не отвечает на ее вопрос, Майкл подошел к холодильнику и вытащил планшет.

– Вот. Поверить не могу, что, не выспавшись, ты такая раздражительная.

Кэрри взяла планшет и заставила себя быстро пролистать великолепные рисунки Майкла.

– Позже, я хочу на них взглянуть, – тихо сказала она Майклу и увидела как он кивнул.

Она перевернула блокнот и, остановившись на чистой странице, положила его перед Шейном.

– Нарисуй ее. Поймай ее образ, пока он еще свеж в твоей памяти.

Шейн приподнял ручку над белым листом. Он подумал о том, как она выглядела, когда предложила купить ему пива, а затем смотрела вниз, когда они в первый раз соединились своими телами. Он видел, как она отвела взгляд, когда он спросил ее настоящее имя.

А затем внезапно, его словно озарило. К кончикам его пальцев потекли изображения и стали выходить из-под его ручки с такой скоростью, с какой он никогда не рисовал.

На этот раз, когда Шейн начал заполнять лицо своей героини, это

было ее лицо. Когда она начала появляться на странице, он даже шмыгнул носом и попытался сдержать слезы. Его поразило, что он испытал облегчение, снова увидев ее, пусть даже в такой форме.

– О, Боже мой, прошлой ночью я влюбился, – удивленно сказал Шейн.
– Она меня предупредила, что у нее есть только одна ночь, когда предложила провести ее с ней. Я не мог сказать нет. Это просто было невозможно.

Кэрри стояла у него за плечом, и сама зашмыгала носом, когда увидела у его героини столько боли в глазах. Казалось, что женщина сошла со страницы.

– Ей больно, – сказала она.

– Да, – сказал Шейн, немного успокоившись, когда снова ее видел. Он поймал ее изображение в чернилах, и это сделало ее, по крайней мере, немного реальной. – Я не знаю, почему она испытывает боль. Она так мне и не сказала. Все что я мог сделать, это обнять ее и попытаться сделать ее счастливой. Я хочу с ней встречаться. Проводить с ней время. У меня долгое время не было такой подруги.

Он оторвал лист с планшета и отдал Кэрри, которая передала его Майклу. Уилл и Джессика наклонились к плечу Майкла, чтобы изучить изображение.

Кэрри заметила, что Шейн уже рисовал другую. На этот раз это была просто женщина, а не его героиня. На этот раз она улыбалась, и в ее глазах было огромное удовольствие от времени проведенного с Шейном.

– Если она из Лексингтона, то кто-нибудь должен ее знать, – сказала ему Кэрри. – Если нужно, то мы устроим выставку с этими рисунками, пока кто-нибудь ее не узнает. Мы сможем ее найти. Я могу сделать рекламное объявление на УТК. (*Прим. – учебное телевидение Кентукки*).

Майкл, Джессика и Уилл уставились на Кэрри, которая гладила волосы Шейна, предлагая ему возможные решения.

Шейн кивнул.

– Она знает кто я, но она не вернется. Не знаю, что мешает ей быть со мной, но это серьезно. Она поклялась, что не замужем и я ей верю... вынужден верить, чтобы не сходить с ума. Мы... у нас обоих какое-то время никого не было. Как будто мы готовились встретиться друг друга. И сейчас я не хочу никого, кроме нее. Со мной такого никогда не случалось.

Шейн сел и Кэрри, обняв его, вздохнула. Он прислонил свою лохматую голову к ее груди и вздохнул от безысходности.

– *Не могу этому поверить. Теперь ты обнимаешь моего брата?* – спросил Майкл с раздражением в голосе. – После вчерашней ночи, ты обнимаешь всех других мужчин, кроме меня.

Джессика потянулась и треснула Майкла по затылку.

– Ой... эй, – удивленно сказал Майкл.

– Это тебе за то, что не дал Кэрри выспаться, – сказала Джессика. – Майкл, посмотри на нее. Она же с ног валится. Я бы тоже не стала тебя обнимать.

Кэрри засмеялась, и Шейн подняв голову, тоже рассмеялся.

– Спасибо, что обняла, – сказал Шейн. – И за смех. Мне это было нужно.

Кэрри кивнула, шмыгнула носом и наклонилась, чтобы поцеловать Шейна в щеку. Шейн протянул ей салфетку, чтобы вытереть глаза.

– Я как чертов кран. Как только слезы включаются, я не могу их отключить, – сказала она. – Еще одна прекрасная вещь для беременных.

Кэрри посмотрела на Майкла, увидела в его взгляде симпатию и пошла к нему. Как только она пересекла комнату, он сразу же ее обнял и чтобы успокоить, начал раскачивать. А тем временем на стол клали блины и другую еду.

– После завтрака, ты можешь вздремнуть. И пожалуйста, не проси меня извиняться за прошлую ночь, – сказал он. – Я бы предпочел, чтобы ты на меня злилась, чем сказала, что тебе не понравилось.

– Я не лицемерка. И я не могу лечь поспать. Мы с твоей матерью едем

покупать платье для следующего уикенда, – сказала Кэрри, выскальзывая из его объятий.

– Пропусти этот поход по магазинам. Велика важность. А для чего тебе платье? – спросил Майкл, озираясь и замечая, что все на него смотрят как на сумасшедшего. – Что? Мне нравится одежда, которую она сейчас носит. Он посмотрел в изумленные глаза Кэрри. – Твои юбки отлично на тебе смотрятся.

Кэрри прыснула от смеха. Он забыл, и от этого нравился ей еще больше. Это сделало происходящее менее расчетливым и более... ну, почти настоящим, от того, что он был занят другим и забыл.

– В конце концов, Майкл Ларсон, для тебя еще не все потеряно. А пока ты с этим разбираешься, мне нужно умыться. От слез глаза просто горят. Позже Эллен подбросит меня до магазина, чтобы я могла купить еще йогуртовых батончиков. Если мы продолжим их расходовать в таком темпе, то нам следует запастись несколько коробок.

Она вышла из кухни и направилась в ванную.

– В самом деле? Замороженный йогурт? – спросил Шейн. – Мне нужны подробности.

– Просто причуды в еде беременной женщины, – сказал ему Майкл. Его лицо покраснело, когда он вспомнил, сколько раз ему пришлось сходить к холодильнику, чтобы принести их в постель.

Джессика повернулась посмотреть, что делал Уилл, и изобразила, что очень этим интересуется. Уилл втянул в себя воздух, борясь с желанием рассмеяться. Ложь Майкла возможно обманула Шейна, но они оба все поняли.

«Нам тоже нужно их купить», – беззвучно произнес Уилл и широко улыбнулся, когда Джессика кивнула.

– Я точно знаю, что у Кэрри нет другой выставки. Как думаете, что должно произойти в следующие выходные? Она кому-нибудь из вас говорила? – оглядываясь, спросил Майкл, и направился к кофейнику. Он

наполнил чашку, изо всех сил стараясь вспомнить, что он позабыл.

– Интересно, сколько клеток мозга, ты потерял вчера ночью, Майкл? – спросил Уилл, тоже заработав от Джессики подзатыльник.

– Несколько, – смеясь, сказал Майкл.

– Должно быть больше, чем несколько сын, если ты забыл о собственной свадьбе, к которой так готовился.

Уилл только рассмеялся, когда кофейная чашка выскользнула из ослабевших пальцев Майкла.

– Я... я забыл. Вот блин. Я действительно забыл, – сказал Майкл, не в силах этому поверить и посмотрел на коричневую жидкость, залившую его одежду и пол.

Джессика сняла полотенце, висевшее у раковины, и протянула его Майклу.

– Свой бардак убирай сам. Похоже, не одной Кэрри нужно больше спать.

Шейн наблюдал, как его брат наклонился, чтобы вытереть кофе и покачал головой.

– Чувак... рад видеть, что сегодня утром не я один здесь сумасшедший.

– Ага, ну, по крайней мере, у меня есть чек доказывающий, что ты более несчастный, чем я, – злорадствуя, сказал Майкл.

– Не искушай меня. Потому что у меня есть желание поколотить тебя на глазах у женщины, на которой ты так сильно хотел жениться и забыл об этом, – поддел его Шейн.

– МАЛЬЧИКИ! Никаких язвительных замечаний и драк сегодня утром, – взревел Уилл. Его зычный голос загрохотал по кухне и заставил Майкла с Шейном мгновенно прекратить разговор.

– Вау, – моргая, сказала Джессика, встала и очень близко подошла к Уиллу.

– Это просто потрясающе. Я запишу «Уилл на меня кричит» в верхней

части списка того, чего бы мне хотелось, – прошептала она, обнимая покрасневшего Уилла. – Я даже не буду кричать в ответ.

Майкл и Шейн переглянулись.

– Типа, это перешло к нам не от него, – язвительно сказал Майкл.

– Чувак, я уже предупреждал тебя, прекрати говорить вещи, которые расстраивают папу, – сказал ему Шейн. – Все, ради чего мне остается жить в этом мире, это его орехово-банановые блины.

На другой стороне комнаты Джессика рассмеялась, а Уилл замысловато выругался.

Глава 17

Кэрри была в шоке от того, что теперь у нее было свадебное платье. Его нужно было немного подогнать, но к четвергу оно будет готово.

Несмотря на предыдущие браки, это было ее первое настоящее свадебное платье. Другие были просто гражданскими церемониями, едва ли создавая в ее нервной системе какое-то волнение. Однако свадьба, которую устраивали Майкл и Эллен, натягивали каждый ее нерв до предела.

Она только один раз взглянула на себя в белом платье, в котором она выглядела как кинозвезда и как только его сняла, сразу же бросилась в туалет, где ее стошнило.

Эллен нашла ее на полу туалетной комнаты, в обнимку с унитазом и быстро отправила продавцов за газировкой и льдом.

Кэрри заплакала, потрясенная тем, что Эллен плакала с ней за компанию.

А потом, как будто слез обычно сдержанной матери Майкла были недостаточно, к ним присоединились продавщицы из свадебного салона.

И пока Кэрри выбирала к платью туфли и нижнее белье, они впятером почти опустошили целую коробку с платочками.

Так что к тому времени, как она прошла через дверь в доме Майкла, Кэрри была физически и эмоционально истощена.

Когда Майкл встретил ее в коридоре, она зашаталась. Он схватил ее и не позволил упасть.

– Ее снова тошнит, – сказала Эллен сыну. Ей захотелось снова расплакаться, когда она увидела столько любви во взгляде Майкла. День оказался эмоциональными американскими горками.

– Просто я очень устала, – тихо сказала Кэрри, без жалоб позволяя Майклу нести ее по коридору.

Майкл уложил Кэрри в постель, и принес таблетку с водой. Потом он

стянул с ее ног туфли и массировал их, пока ее лицо не расслабилось. Когда она, наконец, уснула, он взял лежавшее в изножии кровати покрывало и накрыл ее.

Удовлетворенный тем, что она, наконец, была в порядке, Майкл повернулся, собираясь покинуть комнату и с удивлением увидел, что мать, прислонившись к двери, наблюдает за ним. Он думал, что она ушла.

Они вместе пошли на кухню. Эллен подошла к холодильнику и достала два пива.

– С каких это пор ты пьешь пиво? – спросил Майкл, зачарованно наблюдая, как она свернула крышки на обеих, словно для нее это было обычным делом.

– *Что? Я не могу время от времени выпить пиво?* – резко спросила Эллен своего старшего сына, а затем смягчила свой сарказм, когда увидела выражение его лица. – Мне просто нужно что-нибудь, чтобы успокоиться. День был очень эмоциональный.

– Майкл, когда ты с Кэрри, то очень похож на своего отца. И мне повезло, что он был отцом моих детей. Кэрри тоже удачливая женщина. Ты на самом деле хочешь этого ребенка, да?

– Да, – сказал Майкл, беря открытое пиво. – Я хочу их обоих.

– Конечно, хочешь, – сказала Эллен, закусив губу. – Майкл, я должна это сказать. Думаю, что Кэрри боится выходить за тебя замуж. Она только взглянула на себя в прекрасном свадебном платье и почти потеряла от испуга сознание. А после этого почувствовала себя совсем плохо, и весь магазин – включая меня – рыдал, когда она не могла перестать плакать. Она такая же напряженная, как и ты, и это утомляет.

Майкл рассмеялся и подумал, что получит от матери шлепок, за это. Таким свирепым был ее взгляд.

– *Тебя забавляет, что ее тошнит?* – резко спросила Эллен, готовая прочитать ему нотацию об уважении к женщине, появившейся в его жизни.

– Нет. Конечно, это не смешно. Мам, я знаю, что она очень

напряженная. Мы несколько раз в день ссоримся и миримся. Она действует исходя из логики, а я создаю в ее жизни хаос. И это брачное соглашение, было единственным способом, заставить ее выйти за меня замуж. Наши отношения никогда не были *нормальными*, – сказал Майкл. – Однако напуганные или нет, нормальные или нет, мы оба через это проходим. Я хочу иметь легальные права на них обоих. И на нее, и на ребенка.

– Майкл, иметь легальные права на кого-то, не тоже самое, что и их искренняя привязанность и любовь. Я поняла это на своем горьком опыте и почти потеряла Люка. Надеюсь, ты понимаешь разницу и не повторишь мои ошибки, – сказала Эллен. Она изучала его лицо, ища скрытые мотивы, но находя только любовь и заботу.

Майкл глотнул пива.

– Я больше не хочу говорить о том, что не могу на ней жениться. Как она выглядела в своем платье?

– Невероятно красивой, – искренне сказала Эллен. – Ты можешь пересмотреть кучу платьев, но всегда есть одно, которое ты оденешь... ну, увидишь себя и просто знаешь, это оно.

Майкл закрыл глаза, представляя Кэрри во всем белом, выглядевшей одновременно неземной и царственной. И почти мог увидеть, как она идет к нему по проходу в церкви.

Эллен потянулась и взяла сына за руку.

– Похоже, она справляется с потерей контроля не лучше, чем ты, Майкл. Возможно, тебе стоит подумать о том, чтобы ее отпустить и позволить ей самой принять решение выйти за тебя замуж без контракта.

Майкл покачал головой.

– Майкл, развод, это не простое дело. Разводясь, люди причиняют друг другу боль. Брак и так достаточно тяжелая вещь, без того чтобы что-то ему мешало. Ребенок уже сам по себе будет проблемой, – сказала Эллен, умоляя своего упрямого сына увидеть негативные последствия в том, чтобы загнать Кэрри в брак, который она не хочет.

– Мам... остановись, – сказал Майкл, сжимая ее руку. – Я не могу ее отпустить. Она уже два раза выходила замуж, а я не мог ничего сделать, кроме как наблюдать. Я не могу позволить этому снова случиться.

– Нет, – сказала Эллен, вздыхая и снова поддаваясь эмоциям, почувствовав, какую это вызвало панику у Майкла. – Не думаю, что можешь.

Она выпила половину пива, а остальное передвинула Майклу.

– Чай с бренди был бы лучше, – вставая, сказала она. Ее внимание привлекла работа, стоявшая снаружи на столе. – Это твоя новая скульптура?

– Да, – сказал Майкл, встал и последовал за ней к двери на патио.

– Мне нравится, – сказала Эллен. – Она очень отличается от других твоих работ.

Майкл посмотрел на нее широко распахнутыми глазами.

– Ты действительно моя мать?

Эллен рассмеялась и похлопала его по груди.

– Тебя по-прежнему не убьет, если повесишь здесь какие-нибудь занавески.

– О, а вот и ты. Я на минуту подумал, что разговариваю с инопланетянкой, – сказал Майкл, обнимая свою мать. – Спасибо, что помогла Кэрри найти идеальное платье.

– Майкл, подумай о том, что я сказала, – приказала Эллен.

– Хорошо, – сказал он, в основном, чтобы просто ее успокоить.

После того, как она ушла, Майкл вышел во внутренний дворик и занялся закреплением соединений в своей новой работе.

Он не мог представить, что не женится на Кэрри. После того, как он убедится, что она не сможет выйти замуж за кого-либо еще, ему просто придется поработать над тем, чтобы расположить ее к себе.

– Твоя мать, наверное, думает, что я самая большая в мире слабачка, – сказала Кэрри. Был уже поздний вечер, и она потягивала томатный суп, который ей принес Майкл в кружке, на которой было изображение паяльной лампы. – Эллен даже убрала назад и держала мои волосы, пока меня тошнило. После этого я разрыдалась, потому что совершенно смутилась. А потом, она плакала вместе со мной, ее лицо покраснело, и у нее потекла тушь. Я не стала бы ее винить, если только заодно это она меня возненавидит. Я испортила твою идеальную мать.

Майкл сидел у изножья кровати и с интересом слушал ее тираду.

– Мама стояла в дверях спальни, пока ты не заснула и покинула меня, приказав о тебе позаботиться, – сказал он ей.

– Так унижительно, когда тебя тошнит перед людьми, – пожаловалась Кэрри, поставив вниз оставшуюся еду. С едой сегодня вечером ей не повезло.

– Да. Я бы тоже это ненавидел, особенно, если бы заставил людей плакать, – сказал он, получая удовольствие от ее сердитого взгляда.

– Я не заставляла ее плакать. Она просто заплакала. Из сострадания, наверное, – защищаясь, резко сказала Кэрри.

– Думаю, что люди инстинктивно, понимают насколько ты сильная, так что, когда ты теряешь контроль, ну... им легко посочувствовать твоей ситуации, – сказал ей Майкл.

– Здорово. Хорошо... я заставляю людей плакать. Не совсем та суперсила, которую я надеялась развить в течение своей жизни, – саркастично сказала Кэрри, откидывая голову назад. – Прости, я съела не все, что ты приготовил, но еда помогла.

– Я слышал, как ты говорила Шейну, что если бы была супергероем, то хотела бы иметь способность становиться невидимой, – сказал Майкл, перемещая одну из ее стоп к себе на колени и начиная массировать.

– Я бы сказала Шейну все что угодно, лишь бы его подбодрить.

Господи, он как большой щенок, когда расстроен. Он был такой грустный. Просто захотелось его обнять и заставить снова завилать хвостом, – смеясь, сказала Кэрри.

Майкл ухмыльнулся.

– Если он помашет тебе своим хвостом, то будет мертвой псиной, – твердо сказал он.

– Повзрослей уже. Ты слышал, что случилось. И я готова развесить по всему Лексингтону плакаты, чтобы помочь ему ее найти, – нахмурившись, сказала Кэрри. – А эти рисунки, что он нарисовал... – Она с тревогой покачала головой.

– Эти рисунки были отличной идеей. Они заставили его почувствовать себя лучше. С помощью искусства ты решила проблему нашего семейного решателя проблем. Это было потрясающе, – сказал ей Майкл. – Обычно, нам приходится позволять Шейну самому себе помогать.

– В нашей семье раньше я была тем, кто решал проблемы. Думаю, что это просто инстинкт, – сказала Кэрри, думая о том, как она раньше сглаживала разногласия между родителями и даже вмешивалась, чтобы спасти своего жалкого брата.

– И кто теперь в вашей семье это делает? – спросил Майкл.

– Наверное, никто, – сказала ему Кэрри. – Ну, думаю, я до сих пор помогаю Дарле и Элисон. Я выгнала их обратно в Боулинг Грин и велела не возвращаться до пятницы. Мне не хотелось, чтобы они оставались у родителей дома, поэтому дала им деньги на все дополнительные поездки.

Майкл взял вторую ее ногу и поменял с той, что лежала у него на коленях. Он разминал подъем и слушал, как расслабившись, она застонала. Это напомнило ему о прошлой ночи и каждый другой раз, когда он терся об нее другими частями своего тела. Господи, как же сильно он на нее запал.

Он вздохнул над ее стопой и, подняв голову, обнаружил, что она на него смотрит.

– Меня так сильно тошнило, что я забыла взять йогуртные батончики,

– сказала ему Кэрри, думая о том, как сильно ей нравятся его поглаживания.

А затем вспомнила, как он прошлой ночью изучал каждый дюйм ее тела. Сначала, он использовал растаявший йогурт, а затем воспользовался языком. Она так же, как и он, громко вздохнула.

– Сегодня ночью, никаких йогуртов, – грустно сказал Майкл. – Я сам завтра куплю еще.

– Прошлая ночь была потрясающей, – тихо сказала Кэрри. – Это было так, как я всегда себе представляла: каким может быть секс, если заниматься им медленно и правильно.

Майкл замедлил поглаживания, а затем продолжил.

– Да. Это было потрясающе. Хотя, я не собирался так долго не давать тебе спать.

– Ты же не ожидаешь, что я тоже извинюсь, да? – спросила она, ожидая увидеть что он улыбнется и, чувствуя тепло в груди, когда он так и сделал.

– Я тебе кажусь настолько глупым? – ухмыльнувшись, сказал Майкл.

– Пожалуй, воспользуюсь Пятой Поправкой. Ты что, пытаешься заставить меня сказать что-нибудь плохое и неприятное, в то время как ты заботишься обо мне? – спросила Кэрри.*(прим. – Пятая Поправка Конституции Соединенных Штатов предусматривает, что никто не должен принуждаться свидетельствовать против самого себя в уголовном деле.)*

Майкл покачал головой.

– Думаю, что приму твой комплимент и просто заткнусь.

Кэрри посмотрела на Майкла, приподняв бровь.

– Серьезно?

– Это эксперимент. Я хотел посмотреть сможем ли мы не воевать достаточно долго, чтобы узнать друг о друге что-то еще, кроме как на какие кнопки нажимать, чтобы вызвать гнев, – сказал Майкл, пожав плечами.

– Ты о нас не говорил с Шейном? – спросила Кэрри. – Потому, что он выразился бы похожим образом.

– Да... но только немного. Я хочу, прекратить портить тебе жизнь и лучше тебя узнать, – сказал Майкл, стараясь приглушить в своем голосе оборонительные нотки.

– Я ценю то, что ты пытаешься быть со мной честным, – осторожно сказала Кэрри.

– Хочу, чтобы между нами была только правда. Давай обмениваться вопросами... сегодня только один, но независимо как это повлияет на нас эмоционально, мы не будем огрызаться в ответ. Мы согласимся просто выслушать, – предложил Майкл.

Кэрри почувствовала, как ее желудок сжался, не уверенная в том, что сможет сделать, как он предложил. Она с нетерпением вспомнила о смятой визитке терапевта Джессики, которую засунула в свою сумку.

– Ладно. Давай попробуем. Можно я начну первая?

Майкл сжал челюсть.

– Хорошо. Ты первая.

– Ты спал с женщинами с моей работы, чтобы меня расстроить или они тебе действительно нравились?

Майкл вздохнул. Он не был удивлен тем, что Кэрри первым своим вопросом сразу же схватила его за яйца. В общем-то, он не ожидал, что его спросят о любимом цвете.

– Шейн думает, что – да, – сказал Майкл, наблюдая, как Кэрри прикусила губу, чтобы не продолжить спрашивать. – Когда ты вышла замуж, я был обижен. Первый раз было тяжело. Когда ты сделала это во второй раз, я был разрушен. Я бы солгал, если сказал, что не хотел причинить тебе боль. Тогда я не знал, почему ты меня отвергла. Не уверен, что я бы снова так поступил, если бы знал. Если не ты была в моей постели, то мне было все равно с кем спать. И вот почему они меня не волнуют сейчас. Ты считаешь, это делает меня плохим человеком, и я это

ненавижу.

– После развода, ты снова будешь это делать? – спросила Кэрри.

– Мы договорились – один вопрос. Я еще не готов отвечать на этот вопрос, – сказал Майкл, стараясь не расстраиваться из-за того, что она начала говорить о разводе, еще до того как они поженились. – Моя очередь.

Кэрри скрестила руки.

– Хорошо. Ладно. Задавай свой вопрос.

– Какой твой настоящий цвет волос? – спросил Майкл, пристально глядя ей в глаза, пока она не опустила руки и не посмотрела в сторону.

– Ладно, я не брюнетка. Как ты узнал?

– Я художник. И замечаю детали. На горе и в долине у растительности разные оттенки. Ты не ответила на мой вопрос.

– В этом есть необходимость? Похоже, ты уже знаешь ответ, – язвительно сказала Кэрри.

– Я ничего не знаю. Вся твоя семья блондины, а ты нет. Для генетики это не впервой. Хочешь, чтобы я повторил вопрос?

– Нет. Я натуральная блондинка, но больше никогда ей не буду.

– Почему? – спросил Майкл, впиваясь в нее взглядом и видя в ее глазах столько боли.

– Это второй вопрос, и я не готова на него ответить, – сказала она, бросая ему в лицо его же слова.

– Знаешь, Кэрри, похоже, что ты чертовски долго в своей жизни обладала способностью быть невидимой, – сказал Майкл.

Он встал с кровати, собрал поднос с ее едой и вышел из комнаты.

Кэрри закрыла глаза и почувствовала, как по ее лицу скатывается слеза.

Глава 18

– Кэрри, я не хочу, чтобы ты увольнялась. Ты знаешь, что ты мой лучший планировщик мероприятий. Хочешь, чтобы я уволил Эрин за то, что она капала тебе на мозги на работе? Хорошо... считай ее уже нет, – сказал Джон, скрестив пальцы, чтобы Кэрри смягчилась и не раскрыла его блеф. Он не хотел терять их обеих. И вдобавок, Эрин подаст на него иск за сексуальные домогательства, в тот же день как ее уволят. Какой бардак.

Кэрри подумала о том, какое удовольствие получит, увидев, как Эрин получит пинок под зад и потеряет работу. Но это будет такой же пирровой победой, если наблюдать, как Шейн вместо нее поколотит Майкла, или Майкл побьет Кевина. Это просто перекладывание конфликта на кого-то другого. А она уже слишком долго это делала.

– Это очень приятное и заманчивое предложение, – честно сказала Кэрри. – Но оно не решит проблемы. Когда Эрин немного повзрослеет и узнает побольше о том, как обращаться с людьми, то станет для тебя отличным планировщиком.

– Потому, что этому ее научила ты. Она берет пример с тебя, – сказал Джон. – Тебе не кажется, что вы обе сможете это забыть, как только вы с Майклом поженитесь?

– Джон... меня беспокоит прошлое Эрин с Майклом, но не она причина, по которой я ухожу. Я ценю все, чему здесь научилась, но мне нужны перемены. Примешь ли ты мою отставку или нет, я все равно уйду. Это может быть завтра или через четыре месяца, – твердо сказала Кэрри.

– Ну ты же понимаешь, что я предпочту четыре месяца, – сказал Джон, смирившись. – Мы получили окончательные цифры после выставки Ланы?

– Лана продала десять работ из восемнадцати. Я не знаю точную сумму, но думаю, что после того, как она с нами рассчитается, у нее будет шестнадцать тысяч. Не так уж и плохо, – сказала Кэрри, думая о том, что

Майкл мог бы получить столько за одну работу. А его отец вдвое больше за статую.

– Это означает, что мы заработали семь тысяч двести плюс расходы, – сказал Джон.

– Полагаю, около десяти, – сказала Кэрри.

– Останься, – стал уговаривать Джон. – Просто останься Кэрри. Любовники приходят и уходят. Ты хорошо справляешься с этой работой.

Кэрри покачала головой.

– Я собиралась уходить через пару лет, еще до того, как обручилась с Майклом.

– О какой работе ты мечтаешь? Может, мы здесь подберем для тебя что-нибудь другое, – сказал Джон, размышляя о том, как сможет обходиться без нее.

– Я мечтаю о большем, – смеясь, сказала Кэрри. – Мне хочется иметь собственную галерею, Джон. Если я выиграю в лотерее и куплю ее, то поменяюсь с тобой местами и буду проводить там твои выставки. У меня будет дешевле, чем Лексингтонском Центре и намного элегантней, чем в конференц-зале возле Руппа. Я даже буду вежливой с Эрин, если планировать будет она.

Джон откинулся на спинку кресла.

– Черт, если бы у меня была наличка, я бы тебе одолжил, но у меня ее нет. А что ты будешь делать, если не выиграешь в лотерее и не получишь свою галерею?

– Убегу с моими сестрами в Боулинг Грин, – сказала Кэрри, не думая о том, как ее слова могут быть истолкованы.

– Могу поспорить, твой новый муж бросится за тобой в погоню в течение нескольких часов. Я за всю свою жизнь не встречал такого собственника, как он, – насмешливо сказал Джон.

Кэрри моргнула и попыталась исправить свою ошибку.

– Я пошутила насчет «убегу». В эти выходные я выхожу замуж и из-за

этого нервничаю. Мы будем жить в доме Майкла. Просто время от времени мне хочется сбежать.

– Все себя так чувствуют. Я, наверное, больше никогда снова не женюсь, – сказал Джон, со вздохом беря ее заявление об увольнении. – Ты уверена, что хочешь уйти?

Кэрри кивнула, и когда встала, то почувствовала, что у нее закружилась голова.

– Да.

Она сделала пару шагов, замечая, что странно себя чувствует... у нее кружится голова, и она чувствует себя дезориентированной. Не так как при тошноте, но как-то странно.

– Джон... на этой неделе я смогу работать лишь время от времени. Буду занята визитами к врачу и подготовкой к свадьбе.

Джон кивнул.

– Делай, что должна. На следующей неделе тебя тоже не будет, да?

– Да... всю неделю. Мы... у нас не будет традиционного медового месяца, но мы проведем вместе какое-то время, – сказала Кэрри.

– Ты собираешься поменять фамилию на Ларсон? – спросил Джон.

Вопрос застал ее врасплох.

– Я не думала об этом. В прошлые разы я не меняла.

– Мне придется поменять табличку с твоим именем. Сообщи, если примешь другое решение. Кэрри, ты сегодня выглядишь уставшей. Может, уйдешь домой пораньше? – предложил он.

– После обеда мне нужно на прием к врачу, – сказала Кэрри, направляясь к двери, и радуясь, что это странное состояние прошло. – Хотя, спасибо.

Майкл направился к двери, когда раздался звонок и решил, что это

сразу после работы пришла Джессика. Он открыл дверь высокой рыжеволосой женщине и улыбнулся в знак приветствия. Это была не Джессика, но вполне могла оказаться ее клоном.

– Ты должно быть Брук. Похожа на мать, как я на своего отца, – сказал Майкл вместо приветствия.

– Тогда, должно быть ты Майкл, – сказала Брук, протягивая руку.

– И даже ты выше меня, – печально сказал Майкл, пожимая ей руку и задирая голову вверх.

– Нет. Причина в этом. – Брук вытянула ногу и приподняв джинсы показала обувь на платформе с каблуками почти 13 сантиметров высотой. – Мне нравится быть высокой. Но я всего лишь 176 см ростом.

– Симпатичные. Наверное, мне нужно купить себе пару, чтобы, когда семья соберется, я не оказался самым низкорослым, – пошутил Майкл, слушая, как она рассмеялась. – Заходи. Отец с Джессикой скоро будут.

Брук вошла в дом и последовала за Майклом на кухню.

– Можешь подождать в гостиной, если не хочешь составить мне компанию. Я готовлю еду для Кэрри. Она в любую минуту будет дома, совершенно голодная.

– Со мной не поделишься? – спросила Брук, заглядывая из-за его плеча.

Майкл взял еще одну тарелку из шкафа и положил для нее немного овощей и сыра.

– Ты мой герой, – сказала Брук, беря тарелку и стакан с газировкой, который он для нее налил.

Майкл закатил глаза, и она рассмеялась.

– Женщинам во всем мире так легко угодить, а я влюбился в такую требовательную. *C'est la vie.* (франц., такова жизнь)

– Со мной не всегда так легко. Но прямо сейчас, ради еды я готова на многое, – сообщила Брук, откусывая сыр. – Извини. После дороги умираю с голоду. Старалась добраться сюда к тому времени, когда мама выйдет из

школы.

– Из Каламбуса сюда добираться – то еще путешествие, – усмехнулся Майкл.

– Да, это так. К счастью, мне недолго придется это делать. Я ищу работу ближе к дому. Мне бы хотелось жить в Лексингтоне и быть рядом с мамой.

– Это хорошо. Напомни, что ты преподаешь? – спросил он.

– Философию, – ответила Брук, и ухмыльнулась, увидев выражение лица Майкла. Она почти привыкла к тому, что люди смеялись, узнав, что она преподает.

– Философию? В смысле «я думаю, значит существую»?

– Декарт. Да. Ты его знаешь? – спросила Брук.

– Конечно. Моя мать купила его футболку, когда он давал концерт. Шейн все время ее носил, – сказал Майкл, радуясь, что ее это развеселило.

Он услышал, как во входной двери повернулся ключ.

– А вот и мать моего будущего ребенка. Скоро вернусь, – сказал Майкл, вытирая полотенцем руки и направляясь к двери.

Кэрри вошла в коридор и была вынуждена прижаться к косяку, чтобы удержаться на ногах.

– Майкл, я думаю, мне нужна помощь, – сказала она. – У меня очень сильно кружится голова.

Его руки мгновенно ее обняли, и он посмотрел ей в лицо.

– Головокружение. Что сказал врач?

– Мне сказали, что это вероятно низкий сахар в крови и что мне нужно чаще есть. Но я не думаю, что причина в этом. Я чувствую себя как-то неправильно, – сказала Кэрри, почти заламывая руки от утомления.

– Попробуешь что-нибудь съесть? – спросил Майкл.

– Конечно... думаю, что да, – ответила Кэрри, опираясь на него, потому что у нее не было другого выбора.

Они вместе прошли на кухню, и Кэрри выпрямилась, когда увидела

очень привлекательную женщину, сидевшую за столом.

– Здравствуйте, – сказала Кэрри, она сердито взглянула на Майкла и ее лицо покраснело. – Я что-то прерываю?

Майкл снова закатил глаза, заставляя Брук захихикать.

– Оставь эти гормоны для реальной ситуации. Садись за стол и поздоровайся с дочерью Джессики, а я пойду, принесу тебе еды, – приказал он.

Разбушевавшаяся ревность исчезла, но Кэрри почувствовала себя еще более больной.

– Прости. Ничего себе способ познакомиться с женщиной, которая вслепую согласилась стать моей подружкой невесты, – сказала Кэрри, подходя к красивой женщине и протягивая руку. – Отвратительный день выдался. Я – Кэрри Аддисон.

– Я – Брук Дэниелс. Мама попросила встретить ее здесь, и я обманом заставила твоего жениха меня покормить, – просто сказала Брук, пожимая руку Кэрри.

– Твоя мать потрясающая, – искренне сказала Кэрри. – Мы с ней в шутку решили однажды открыть совместную галерею.

– Могу поспорить, она бы очень хотела стать хозяйкой художественной галереи, – сказала Брук, замечая бледность Кэрри. – Ты в порядке? Выглядишь очень бледной.

Кэрри кивнула и села на ближайший стул.

– Да, но я не знаю, смогу ли что-нибудь съесть, – сказала Кэрри, когда Майкл поставил перед ней тарелку.

– Попробуй немножко, – приказал он, наклоняясь, чтобы оставить на ее губах горячий поцелуй.

И остаток беспокойства Кэрри о том, что она обнаружила Брук на кухне наедине с Майклом, был изгнан его как всегда страстными губами.

Ее захлестнуло чувство вины за первоначальную реакцию, за которым последовало ощущение, что она имеет право на недоверие. После ее

первой встречи с терапевтом, она была гиперчувствительна к своим противоречивым чувствам и совершенно не могла предотвратить такой эмоциональный отклик.

Другими словами, ее жизнь была отстойной, а она была плаксой. Замечательный диагноз.

Кэрри шмыгнула носом, ругнулась и вытащила из диспенсера салфетку, чтобы вытереть глаза.

– Не знаю, что хуже – периодические приступы тошноты или постоянные рыдания, – пожаловалась она.

– Если так выглядит предсвадебный мандраж, я возможно никогда не выйду замуж, – сказала Брук, потянувшись и похлопав ее по руке.

Кэрри рассмеялась.

– Нет. Нет... это не из-за свадьбы. Я на втором месяце беременности, – заявила она. – Переживаю из-за этого сильнее, чем из-за свадьбы.

– Ты беременна два *с половиной* месяца, – поправил Майкл. – Я собираюсь повесить календарь и начать отмечать дни, так чтобы мы оба не могли сбиться со счета.

– Майкл, у меня всего девять недель. Перестань преувеличивать, – ответила Кэрри.

Взгляд Брук метался между ними, пока она ела свои овощи. Это было как смотреть по телевизору реалити-шоу.

– Вы знаете точную дату, когда зачали ребенка? – спросила Брук, снова рассмеявшись, когда они оба очень решительно ответили «да».

Майкл подошел к столешнице, порылся в ящике и вытащил календарь.

Кэрри сердито посмотрела на спину Майкла и закатила глаза, а Брук рассмеялась.

– Ты можешь складывать, как тебе хочется Ларсон, но все равно выйдет девять недель. Перестань меня подгонять.

– Ты права, – сказал он, дважды пересчитав. – Девять недель. А

кажется дольше.

Кэрри взяла кусочек морковки и стукнула им Майкла по голове.

– Эй, – сказал он, развернулся и, подобрав морковку с пола, начал ее есть, заставив обеих женщин захихикать от такого отвратительного зрелища. – Признаю *перед свидетелем*, был неправ. Что еще ты от меня хочешь?

Кэрри смотрела ему в глаза, пока ела кусочек сыра.

– Есть разные варианты. Ты сегодня купил йогурт?

Улыбка Майкла не могла быть еще шире.

– Шесть коробок. Три вкуса. Я даже купил шоколад, на случай, если ты захочешь.

Кэрри улыбнулась.

– Ты имел в виду, если у меня появится страстное желание? – спросила она.

Он кивнул и улыбнулся ей в ответ.

– Это было очень предусмотрительно с твоей стороны, – сказала Кэрри, снова обращая внимание на свою тарелку.

– Я купил клубничный для себя, но возможно, мы могли бы заключить сделку и обменяться, – сказал Майкл, его мозг затуманился от вожделения, когда она не глядя на него, снова засмеялась.

Затем он вспомнил, что они были не одни и человек не заслуживал того, чтобы быть смущенным или шокированным.

– Я что-то пропустила? Я была в курсе, что люди устраивают сражения едой. Про морковку... я поняла. Но я совсем запуталась с обсуждением десертов, – широко улыбаясь, сказала Брук.

Возможно, она не поняла игру слов с сексуальным подтекстом, но определенно заметила послание, которое Майкл отправлял Кэрри, которая выглядела очень довольной, это послание получив. Брук стало интересно, каким был другой брат и был ли кто-то в его жизни. Стало очевидным, что хотя бы один из сыновей Уилла, был таким же сексуальным как и он.

– Из-за гормонов у меня пристрастие к определенной еде, – сказала Кэрри, переводя взгляд с Майкла, который впился в нее взглядом, на Брук. – Иногда я могу съесть три или четыре штуки за один раз. Это безумие, когда так сильно чего-то хочешь.

– И сейчас хочешь? – резко спросил Майкл, не в состоянии остановить поддразнивания, в то время как думал о том, что она слизывает с него растаявший йогурт.

– Нет, спасибо, – как можно небрежно сказала Кэрри. – Возможно, позже.

Он не мог поверить, что Кэрри флиртовала с ним перед фактически незнакомым человеком, не смотря на то, что Брук не могла знать, что они сделали с... *Черт. Перестань об этом думать*, предупредил он себя. Майкл уже почувствовал, что его одежда становится неудобной.

Раздался дверной звонок и Майкл увидел в этом шанс сбежать. Он остановился возле стола и осторожно, но достаточно сильно, чтобы привлечь внимание, дернул голову Кэрри назад.

– Определенно позже, – пообещал он, еще раз прикоснулся к губам Кэрри и отправился к двери.

Брук посмотрела на ее покрасневшее лицо, после того как Майкл ушел.

– Мило. Очень мило. Он напоминает мне Уилла. Другой брат тоже такой?

– *Шейн?* – спросила Кэрри в шоке, засмеялась и покачала головой, а затем смягчилась, вспомнив, как Шейн плакал, рисуя лицо женщины, с которой познакомился. – Да, я думаю, что он, вероятно, такой же, но все же сильно отличается от Майкла и Уилла. Он заканчивает докторантуру по психологии. Впрочем, похоже, он больше заинтересован в сборе кандидатов для исследования, чем в настоящих отношениях. Хотя Майкл говорит, что женщины выстраиваются в очередь на интервью. Правда, недавно Шейн влюбился, только он не знает кто она. Все это очень

запутано.

Брук засмеялась и покачала головой.

– Похоже, у него проблемы с концентрацией внимания. Нет, спасибо... думаю, мне придется согласиться на сводного брата. Забудь, что я спрашивала.

Кэрри рассмеялась.

– Я дразню. Шейн очень умный и просто большой плюшевый медвежонок.

– Нет... нет, все в порядке. Я устала играть в умственные игры с мужчинами в моей жизни. За последние пять лет я выбрала свою квоту на свидания со студентами юрфака, – сказала Брук, приподнимая бровь в ответ на улыбку Кэрри.

– В твоей жизни нет кого-то особенного? – спросила Кэрри, размышляя, как кто-то такой милый и красивый не имеет серьезных отношений.

– У меня есть... ну, давай назовем их *высокими*, стандарты в отношении мужчин, – сказала Брук, взяв газировку, которую ей дал Майкл. – Я пробовала, и несколько мужчин ненадолго задерживались, но, в конце концов, все заканчивалось ничем. Спальня – это просто, и я должна признать, что моя умная мать полностью в этом права. Но главное, что происходит за ее пределами... или, по крайней мере, это взгляд женщин семьи Дэниелс на свидания. Очевидно, что Уилл исключительный во всех отношениях. Так что существование идеальных мужчин было доказано, по крайней мере, хотя бы один раз. Думаю, что я продолжу искать.

Кэрри рассмеялась.

– Уилл сходит с ума от твоей матери. Ты к нему нормально относишься?

Брук улыбнулась.

– Ты шутишь? Я не могу дождаться, чтобы называть его папуля. Он станет моим первым отцом. С нетерпением жду появления в моей жизни

отца.

Улыбка Кэрри исчезла.

– Джессика больше никогда не выходила замуж? Я этого не знала. Разумеется, мы на самом деле разговаривали только пару раз. Я прочитала ее историю в интернете, так что я знаю о твоём... настоящем отце.

– Не печалься. Мама об этом не сожалеет и я никогда его не знала. Она говорит, что никто не мог заменить моего настоящего отца в ее жизни, пока не появился Уилл. Моя мать прошла свой путь и встречалась со многими мужчинами, о чем многие сплетничали. Не могу сказать, что я всегда одобряла ее действия. Однако, несмотря на то, что никогда сама не была так сильно влюблена, я могу понять, почему она ждала подходящего человека, – сказала Брук. – И Уилл определенно правильный для нее мужчина. Я никогда не видела ее такой счастливой.

– Я давно знакома с Майклом, хотя мы сблизились только несколько месяцев назад. Просто есть мужчины, которые оказываются твоей судьбой, независимо от того, насколько сильно вы с этим не согласны, – тихо сказала Кэрри. – Или насколько временно или постоянно они оказываются в твоей жизни. Таковы мужчины семьи Ларсон.

– Ну, может быть в Университете Кентукки и для меня найдется такой «Доктор Судьба». Я сказала маме, что выйду замуж за штатного профессора. У меня там завтра интервью, – сказала Брук. – Если я получу работу, то вернусь в Лексингтон.

Входная дверь со стуком распахнулась, и появился Майкл, который нес коробку почти такого же размера что и он сам. За ним шли Уилл и Джессика, с другими свертками. Им пришлось сделать три ходки, чтобы все оказалось в доме.

– Интересно, что это такое? – вслух подумала Кэрри, наблюдая за происходящим.

– Детская мебель, нет? – спросила Брук, не пропустив по-настоящему шокированного выражения лица, которое внезапно появилось на

покрасневшем лице Кэрри. – Мама хотела, чтобы я пришла помочь. Она сказала, что сегодня вечером мы ее соберем, и у нас будет пицца с пивом.

– О, – сказала потрясенная Кэрри. – Думаю, я забыла. Вау. Детская мебель. Конечно.

– Кэрри? Ты же не собираешься упасть в обморок, да? У тебя глаза остекленели, – встревожившись, сказала Брук.

Кэрри встряхнулась.

– Нет. Нет... я в порядке. Врач сказал, что у меня проблема с сахаром в крови. Иногда у меня кружится голова, но я в порядке. На самом деле. Я в порядке.

– Ну, из-за свадьбы в субботу, могу представить, сколько на тебя свалилось на этой неделе, – мягко сказала Брук.

– Да, много чего происходит, – сказала ей Кэрри.

И мебель для ребенка, которого она все еще по-настоящему не приняла, была не главной в списке вещей вызывающих стресс, с которыми нужно было справляться.

– Брук, я, наверное, буду невежливой и пойду ненадолго прилягу. Было приятно с тобой познакомиться. Извини, что вела себя как стерва, когда пришла, – сказала Кэрри, встала и опиралась на стол, пока головокружение не прошло.

– Забудь об этом. Помощь нужна? – спросила Брук, снова обеспокоенная тем, что Кэрри шатало.

– Я буду опираться о стену, если потребуется. Увидимся позже. Когда принесут пиццу, Майкл, вероятно, меня разбудит. Он одержим желанием меня накормить.

– Хорошо иметь такую проблему, – сказала ей Брук, радуясь, что она улыбнулась.

– Полагаю, что так, – сказала Кэрри и, держась рукой за стену, пока шла по коридору в спальню.

Добравшись туда, она рухнула на кровать и лежала неподвижно, пока

комната не перестала вращаться.

Глава 19

Утром в пятницу брат Майкла и по совместительству его шафер, пришел довольно рано. Шейн должен был помочь с последними приготовлениями, но Майкл подумал, что его мысли были сосредоточены на чем-то другом, а не на свадьбе.

– Прости, я по ней скучал. Как она там? – спросил Шейн, доставая альбом для рисования с верха холодильника.

– Вижу, мне придется найти другое место, где прятать свою бумагу, – сказал Майкл, вспоминая, как в детстве прятал от Шейна свои художественные принадлежности.

Шейн мог взять высококачественную зернистую бумагу для рисования и нарисовать на ней мультяшные каракули, даже не представляя, насколько дорогой она была. В конце концов, Майкл купил своему брату пачку бумаги для принтера. В ней было 500 листов и этого хватало для того, чтобы на какое-то время занять Шейна. Так что возможно, пришло время снова ею запастись.

– Я куплю тебе новый альбом. Мне нужно рисовать, – сказал ему Шейн, кладя бумагу на стол. – Ты собирался рассказать мне о Брук.

Майкл прищурил глаза.

– Брук выглядит как более молодая версия Джессики. У нее извращенное чувство юмора, но, похоже, она хорошо разбирается в людях. Думаю, от нее мало что ускользает. Как случилось, что ты не пришел нам помогать и не познакомился с ней?

– Дедлайн, – сказал Шейн. – Я не успеваю к сроку. Депрессия творчеству не помощник. Все что говорят о работах художников пребывающих в депрессии – чушь. Я в десять раз лучше, когда хоть немного счастлив.

– Это все еще из-за девушки, которую ты подцепил, да? – спросил Майкл, принеся на стол две чашки кофе.

– Не девушка... женщина. Не заставляй меня о ней говорить. Она и так, все о чем я думаю, – сказал Шейн. – Давай, посмейся. Это ты меня проклял, и твои слова воплотились в жизнь.

Майкл глотнул кофе.

– Пару недель назад, я бы вероятно посмеялся, но жизнь поставила меня на место. Я каждый день живу, зная, что Кэрри на самом деле не хочет выходить за меня замуж или быть беременной моим ребенком.

Шейн остановился и взглянул на Майкл.

– Со всеми этими сомнениями, ты по-прежнему хочешь жениться?

– Да. Даже если она меня не любит. Я хочу ее и малыша, но если закончится тем, что я ее потеряю... у меня останется наш ребенок. Может быть этого будет достаточно, чтобы она ко мне вернулась.

Шейн перестал рисовать и положил ручку.

– Если бы ребенка не было и у Кэрри не было причины выйти за тебя замуж, чтобы ты сделал? По-прежнему хотел бы на ней жениться? – спросил Шейн.

– Да.

– А она вышла бы за тебя замуж?

– Ты так же, как и я, знаешь ответ на этот вопрос, – печально сказал Майкл.

Майкл рассматривал наполовину законченный рисунок, лежавший перед Шейном. Это было очень похоже на их отношения с Кэрри. Только половина того, что должно быть. Если бы не ребенок, он вообще не смог бы ее удержать. Она на протяжении многих лет умудрялась игнорировать сексуальную химию между ними. Без того что произошло, Кэрри Аддисон прямо сейчас выходила бы замуж за другого мужчину. Он не мог этого снова допустить.

Прошлой ночью, несмотря на кокетливое поддразнивание, Кэрри уснула, как только они легли в постель. Бледная и измученная, она урывками спала рядом с ним. В течение нескольких часов Майкл пролежал

без сна, успокаивая ее, чего он не делал со времен развода родителей.

Он помолился о том, чтобы поступить правильно для нее, него и ребенка, заставляя Кэрри выйти за него замуж.

А потом он помолился о том, чтобы у него были силы отпустить Кэрри, даже если он знал, что это было неправильно... или если она действительно хотела полностью исчезнуть из его жизни.

– Майкл? – спросил Шейн и потряс его за плечо, чтобы вернуть его внимание к настоящему. – Возможно, она не хочет тебя любить, но на прошлой неделе она пришла в твои объятия поплакать. Женщины не плачут в объятиях мужчин, которым не доверяют. А доверие – важная вещь в любых отношениях.

Майкл кивнул.

– Как думаешь насколько плохо то, что я не помню ее в колледже?

Шейн пожал плечами.

– Не знаю. Я бы сказал, что это настолько плохо, насколько посчитает Кэрри.

– Она простила мне женщин на ее работе, с которыми я встречался. Забавно, что чем больше я в этом уверен, тем больше мне за это стыдно. Тем вечером на выставке... я заметил, что там не было никого, с кем я встречался. Думаю, что-то случилось, помимо Эрин, но она об этом не рассказывает, – сказал Майкл. – И думаю, мне не хочется спрашивать, потому что я изо всех сил стараюсь ее убедить в том, что они ничего для меня не значат.

– Теперь я это понял, – сказал Шейн. – Раньше не понимал, но теперь мне абсолютно понятно. Возможно папа намного мудрее, чем мы думаем. Похоже, он определенно прав насчет женщин.

Майкл фыркнул.

– Мудрый? Отец дошел от мамы к Джессике, больше чем за год, и все это время в его жизни не было женщины. Никогда не захочу быть таким мудрым.

Шейн рассмеялся.

– У меня никого не было пять месяцев. Конечно, временами было трудно.

– Спустись на землю, чувак. Ты имел в виду, что *тяжело было все время*, – пошутил Майкл.

– Ладно, ты прав, – смеясь, признался Шейн. – Но воздержание не было причиной, по которой я влюбился в первую же женщину, с которой после этого переспал. Майкл, одну минуту она рассказывала мне, где купить туфли моего размера, а в следующую, продемонстрировала мне, что такое равный партнер в постели. Не только секс был феноменальный, между нами с самого начала было естественное доверие и не одного неловкого момента. Она мне понравилась. Не думаю, что такое часто случается.

– Не случается. Вот почему завтра я женюсь на своей идеальной партнерше, – сказал Майкл.

– Я все еще привыкаю к мысли, что ты женишься, но видеть тебя с Кэрри... сейчас это уже кажется нормальным, – сказал Шейн.

– И вот почему, завтра ты должен мне помочь держать в узде моих будущих родственников, чтобы они не сводили Кэрри с ума и не заставили передумать. Твоя работа, как моего шафера, сохранить все в адекватном состоянии, – сказал Майкл.

– Шафер на свадьбе моего брата. Это звучит так... *по-взрослому*. Ты хочешь, чтобы в честь этого события я постригся? – широко улыбаясь, спросил Шейн.

Майкл фыркнул.

– Нет. Можешь оставить эти чертовы лохмы, которые ты так любишь. Черт, просто побрейся, ладно? Можешь даже надеть свои побрякушки. Я хочу, чтобы ты выглядел устрашающим, просто остановись в шаге от того, чтобы не выглядеть серийным убийцей. Вы с отцом выглядите как сумасшедшие, когда не бреетесь.

– Эй, я уже постарался и купил ради этого случая костюм. В любом случае, я набрал несколько килограммов и мне был нужен новый. Возможно, я смогу снова его надеть на защиту своей диссертации.

– Могу поспорить, что этот супермодный костюм стоил тебе немалых денег. Хочешь назад свою тысячу? – с усмешкой спросил Майкл.

– Майкл, не вмешивайся в мою любовную карму. Обналичь проклятый чек, – сказал ему Шейн. – Это моя сделка с Вселенной, чтобы вернуть мою женщину.

– *Твою женщину?* Ты даже не знаешь, как ее зовут, – рассмеялся Майкл над злобным взглядом Шейна. – Хорошо, я обналичу твой чек. Не могу дождаться встречи с женщиной, которая по твоему мнению стоит проигранного пари на такие деньги.

– Обналичь сегодня, – сказал ему Шейн. – Я скучаю по ней, и это влияет на мою работу. Не хочу, одновременно оказаться с разбитым сердцем и банкротом.

– Я положу их на депозит по дороге на репетицию свадьбы, – пообещал Майкл.

– После репетиции Брук придет на ужин? – спросил Шейн.

– Она сказала, что постарается. Тебе понравится твоя новая сводная сестра.

– Моя новая мачеха мне точно понравится, – сказал Шейн, улыбаясь Майклу в ответ. – Раз уж речь зашла... Джессика с папой уже назначили дату?

– Нет, но он сказал, что они ищут дом побольше, – сказал Майкл. – Основной критерий – рабочие места для них обоих. Я уже привык, что они живут рядом, так что если они передут, буду по ним скучать.

– Лексингтон не Лос-Анджелес. Не так уж и плохо жить в другой части города, – сказал Шейн, закатив глаза. – Кто знает? Может когда-нибудь ты сам захочешь дом побольше.

– Нет, за исключением, если у меня будет много детей, – искренне

сказал Майкл. – Мне нравится жить без долгов. Я полностью выплатил ссуду за дом и это самый умный мой поступок.

– Даже не могу представить, что стану владельцем дома, но иногда я об этом думаю. Спасибо за хороший пример.

– *Точно... я образец ответственности*, – насмешливо сказал Майкл. – Хватит сентиментального дерьма, дай взглянуть, что ты там нарисовал.

Он взял у Шейна альбом и стал изучать женское лицо. На этом рисунке ее глаза полные секретов, насмешливо смотрели на зрителя. Нужно отдать должное брату – с этим дразнящим взглядом, она была очень привлекательная.

Майкл посмотрел на Шейна, и удивился, заметив муку во взгляде, прикованном к рисунку.

– Чувак, как за одну ночь все стало так плохо? – спросил Майкл.

– А сколько времени тебе понадобилось, чтобы быть уверенным? – спросил Шейн, и они оба уже знали ответ.

Майкл положил обратно альбом и подвинул его к брату, который с благоговением на него смотрел.

– Вот почему я собираюсь завтра это сделать, – сказал Майкл. – Одна мысль, что я пропущу еще несколько ночей с Кэрри, приводит меня в ужас. Я счастлив просто спать рядом с ней, не говоря уже об остальном.

– Тогда обналичь мой чек, Майкл, – взмолился Шейн, не отрывая взгляда от женщины нарисованной чернилами. – С тех пор как я нарисовал первый, я делаю по меньшей мере два – три рисунка каждый день. И я помню каждую секунду, проведенную с ней.

– Шейн, я в свое время сдался и тем не менее, я женюсь на Кэрри, – сказал Майкл проявляя симпатию к брату, наконец поняв насколько искренне тот переживал. – Так что все возможно.

Шейн кивнул и, вырвав лист из альбома, добавил его в свою растущую коллекцию.

Репетиция прошла гладко и после нее Кэрри настояла на том, чтобы заплатить за ужин. Единственная причина, по которой Майкл не стал возражать, была в том, что она выглядела так, словно была не в состоянии спорить. Они могут обсудить это позже.

Все четверо его родителей и родители Кэрри, ушли, как только ужин закончился. И Майкл не мог не заметить, какое облегчение она от этого испытала.

Она опустилась на стул в ресторане и выглядела так, будто предпочла бы находиться где-то в другом месте. Он нахмурился, замечая какой уставшей и побежденной она казалась.

Майкл подумал, что она разнесет его к чертям из-за футболки с надписью «НЕВЕСТА», которой он ее удивил, однако Кэрри без комментариев ее надела, натянув на свою одежду, и не произнесла ни единой жалобы.

– Насколько сильно тебя тошнит? – спросил Майкл, положив руку ей на спину и погладив. – Ты даже не возражала как обычно.

Кэрри посмотрела на грудь Майкла с надписью «ЖЕНИХ». Тошнит? Ее не тошнило, во всяком случае, это было не то, что он имел в виду. Ну, головокружение время от времени случалось, но, по крайней мере, сегодня она не потратила слишком много времени в обнимку с унитазом.

То, что Кэрри сейчас испытывала, это ужас от мысли, что завтра она выходит замуж.

Она беспокоилась о том, чтобы дать Майклу Ларсону легальные права на себя как на его жену, когда он уже и так обладал всем остальным. Она переживала, что выходит замуж за мужчину, которого она, нужно признать, все еще любила, но которому полностью не доверяла. Она волновалась о том, что будет привязана к ребенку, которого не планировала, прежде чем сможет разобраться в том, что она чувствовала к его отцу.

В остальном Кэрри была в полном порядке.

– Я в порядке, – сказала она, не находя сил улыбнуться.

Игнорируя унылое выражение ее лица, Майкл посмотрел на свою грудь.

– С футболками вышел перебор? – спросил он, явно нарываясь на ее едкий комментарий.

– Нет. Футболки нормальные. Симпатичные... наверное, – ответила Кэрри, потянувшись к своей воде со льдом.

– *Симпатичные?* Кэрри что с тобой не так? Я их купил совершенно уверенный в том, что ты их возненавидишь. Почему ты такая... *вежливая?*

Кэрри фыркнула.

– Вежливая? А что? Тебе не нравятся вежливые, Майкл? Я решила, что если буду вежливой, ты сочтешь это благословением.

– Не наслаждаюсь этим так сильно, как предполагал, – сказал Майкл, с облегчением увидев ее усмешку. – Я бы предпочел невесту любящую покомандовать и поспорить. И у меня еще была фантазия, что ты собираешься упасть в обморок пока идешь по проходу церкви, или сбегаешь при первой возможности.

– Майкл, я же сказала, что пойду до конца с нашей свадьбой, – сказала Кэрри, изучая свои руки.

– Это не означает, что ты должна стоически переносить ситуацию, если тебя она беспокоит, – сказал ей Майкл. – Понимаю, что обстоятельства не идеальные, но я стараюсь сделать все как можно легче и безболезненно. Я знал, что надеяться получить от этого *удовольствие* было несколько самонадеянно, но надеялся, что это не добавит тебе стресса.

На краткое мгновение она подумала рассказать Майклу о том, что собирается увольняться с работы. Но если она скажет, то, как сможет объяснить причину? Хотелось ли ей признаться, что она устала сталкиваться с женщинами на ее работе, с которыми он встречался? Что она устала видеть каждый раз эмоции, варьирующие от отвращения до

страстного желания? Сколько бы он не сожалел, это не изменит прошлого. Это было несомненно.

Сегодня утром ее терапевт согласилась, что уволиться и начать с чистого листа, было единственным разумным действием, которое поможет ей справиться со стрессом. Она также не рассказала Майклу и о терапевте. Потому, что не хотела, чтобы он подумал, что она сделала это из-за него.

– Я ценю все, что ты сделал при подготовке к свадьбе. Мои родители довольны. Знаю, что ты мог этого не заметить, но я вижу. И завтра я тебя не подведу, – сказала Кэрри, отодвигая стул. – Мне нужно в туалет. Не беспокойся так сильно обо мне, Майкл. Я стараюсь держаться.

Кэрри похлопала Майкла по плечу и быстро ушла.

Майкл смотрел ей вслед, пока она не исчезла из вида.

Шейн и Брук были погружены в дискуссию о различных свадебных ритуалах во всем мире, пока не услышали, как он глубоко вздохнул.

– Кэрри в порядке? – спросил Шейн.

– Я знаю не больше твоего, – жестко ответил Майкл, не в состоянии фильтровать свой сарказм.

– Может она боится, – сказала Брук. – Я слышала, что перед свадьбой такое со всеми происходит.

Майкл покачал головой.

– Со мной такого не случится, но я могу понять почему Кэрри нервничает. Наверное, помогло, если бы она смогла немного выпустить пар.

Он встал и отправился искать менеджера, чтобы сообщить, что они закончили.

– Почему Майкл ведет себя так, словно не знает, любит ли его Кэрри? – спросила Брук.

– Потому что он не знает, – ответил Шейн. – Они оба думают, что ребенок, это единственная причина, по которой они женятся.

Брук засмеялась и покачала головой.

– Этот ребенок не имеет никакого отношения к тем сексуальным недомолвкам, которыми они вчера обменивались. Разве что сочтете их косвенным результатом той поразительной связи, которая между ними существует. Говорю это как беспристрастный свидетель. Страсть между этими двумя настолько потрескивает и обжигает, что мне самой захотелось пойти и найти себе парня.

Шейн кивнул.

– У них обоих в головах одна и та же идея фикс об их отношениях, и почему их нельзя наладить. Тем не менее, мы все наблюдали как за последние несколько недель, они все сильнее друг в друга влюблялись. Ты должна была их видеть, когда она в первый раз пришла. Кэрри одна спала в главной спальне, а Майкл был устрашающе спокойным.

Брук рассмеялась.

– Могу сказать, что вчера, когда я встретила с Майклом, он был совершенно влюбленным. Он пофлиртовал со мной всего две минуты. Обычно мужчины реагирую на меня сильнее.

Шейн наклонился вперед, притворившись, будто оценивает ее внешность.

– Понимаю, почему так происходит. Если бы я сам не был влюблен, я бы тоже с тобой пофлиртовал.

Брук рассмеялась.

– Ага, ты бы пофлиртовал, но ты не мой тип. Извини. Майкл мог бы быть, но я не вторгаюсь в чужие владения. И, кроме того, Кэрри мне нравится.

Шейн нахмурился. Майкл однажды пошутил, что у рыжеволосых был на него иммунитет. Возможно, он был прав.

– Не то чтобы меня это волновало, но не могла бы ты мне сказать, *почему* я не твой тип... на будущее?

Брук улыбнулась, уловив в его голосе раненое эго, и посмотрела ему в глаза. Шейн был милашка, но за всем его шармом она могла видеть

помешанного на ментальном контроле фрика. Защищаться от его умственных манипуляций было не для нее. Потому что это было бы похоже на жизнь со своим клоном.

– Ну, я бы предпочла иметь симпатичного брата, чем парня на одну ночь, который в любом случае желал бы, чтобы я была другой женщиной, – наобум сказала Брук.

Шейн искренне улыбнулся в ответ.

– Ты такая же очаровательная, как и твоя мать.

– Нужно сказать, это самый приятный комплимент, который я получала, – ответила Брук. – Ты собираешься звать ее *мама*? Пожалуйста, так и сделай. Но сначала убедись, что я рядом. Мне очень хочется увидеть ее лицо в этот момент.

Шейн рассмеялся.

– Когда я в последний раз так сделал, Джессика пригрозила наябедничать моей настоящей матери.

– Звучит похоже на маму. Просто знай, чем больше она тебя дразнит, тем больше ты ей нравишься.

– Боже, тогда Джессика должно быть меня любит. Я все время получаю от нее по шее, – сказал Шейн, снова широко улыбаясь.

– Эллен... твоя настоящая мать... тоже ничего. Я просто переживаю, что если подойду к ней слишком близко, то что-нибудь испорчу. Ты ее вообще когда-нибудь обнимаешь? – спросила Брук, думая, что подражать своей матери, у которой отсутствовало тщеславие, было гораздо лучше, чем стремиться к совершенству.

– Мама не такая совершенная, какой кажется. А что ты думаешь о моем отчине Люке? Он юрист. Я слышал, что тебе нравится *его* тип, – дразня, сказал Шейн. – Кстати, у него есть брат, который все еще одинок.

– Это тебе мама рассказала, да? В любом случае спасибо, но не надо. К черту это. Больше никаких юристов. Я женщина, которая исправилась, – смеясь, сказала Брук. – Собираюсь искать молодого учителя истории с

высокими идеалами.

– Здорово. Папа бы тебя подцепил, – сказал Шейн, заставив Брук рассмеяться. – Но на всякий случай, ты должна потерять мой локоть. И я поделюсь с тобой своей любовной кармой.

Они смеялись, терли друг другу локти, когда Майкл вернулся к столу и посмотрел на их улыбающиеся лица.

– Ну, отлично, – сказал Майкл, закатывая глаза. – Как будто одного мужчины чудака в семье недостаточно, в ней появилась его женская версия.

– Говорит мужчина, так связанный со своей женской стороной, что обладает волосами, которые длиннее чем у большинства женщин, – заметила Брук, скрещивая руки и бросая на Майкла испепеляющий взгляд. – К твоему сведению, Шейн делился со мной своей любовной кармой.

– Ну, будь осторожна, позволяя Шейну тебе помогать, – сказала Кэрри, обошла вокруг Майкла и встала напротив смеющейся Брук. Она находила ее очень привлекательной и стоящей того, чтобы примкнуть к ней в этом споре. – Не думаю, что сейчас его любовная карма работает так, как должна. Она работает со сбоями. И из-за этого он потерял любовь всей своей жизни.

Шейн вздохнул.

– Просто подожди. Ты будешь поражена, когда я ее найду.

– Если это случится, то я тоже потрусю с тобой локтями, – сказала Кэрри. – У тебя случайно кармы стать богатым не найдется? Я бы ради такого тебе ноги поцеловала.

Шейн покачал головой.

– Пока нет... но мой фокус был не на том, чтобы зарабатывать деньги.

– Он не был и на том, чтобы найти любовь, но ты все равно влюбился в таинственную женщину, – сказал ему Майкл, размышляя о том, зачем Кэрри нужна любовная карма, если у нее был он.

– Что может быть менее обязывающим, чем сказать «пока нет»? – не согласился Шейн.

– Ничего не сказать, – твердо сказала Кэрри, забывая, что они просто шутили о бессмысленных вещах. – Менее обязывающим будет ничего не сказать.

Глядя на Кэрри, которая ничего ему не рассказала о том, что она действительно думала об их свадьбе, Майкл был вынужден согласиться.

Глава 20

В шесть часов вечера субботы, надев самое красивое в мире свадебное платье, Кэрри стояла в боковом вестибюле церкви, которую выбрала для церемонии Эллен. Спрятавшись от глаз всех, за исключением подружки невесты и своего отца.

Она посмотрела вниз на прозрачное кружево, которое покрывало ставшую в последнее время пышной грудь. Грудь приподнимал скрытый бюстгальтер, заставляя обращать внимание на ее декольте. Кэрри чувствовала симпатию к своему сжатому телу и пообещала грудям освободить их при первой же возможности.

Но каким бы тугим ни был лиф, остальная часть платья обхватывала ее изящные размеры так, словно была сшита специально для нее. У нее в шкафу было прекрасное светло-голубое платье, которое вполне бы подошло для простой церковной церемонии, однако мать Майкла настояла на том, чтобы купить именно *это платье*.

Теперь она была бедней на 700 долларов, но по общему признанию выглядела совершенно невероятно, если не считать испуганное выражение ее лица.

Она сделала глубокий вдох, украдкой бросив взгляд на своего отца. Он выглядел почти таким же нервничающим, как и она.

– Пап, осталось недолго, – мягко сказала ему Кэрри, получая в ответ слабую улыбку.

Кэрри могла слышать, как играет музыка, но *не та, под которую должна идти она*. Тем не менее, она обнаружила, что ждет ее с выворачивающей нутро тревогой.

Ее не смогли пошатнуть все выставки и мероприятия, которые она проводила. И, тем не менее, ожидание, когда она пойдет по проходу на своей свадьбе, заставило ее подумать о преступниках, ожидающих повешения. Вероятно не очень хороший знак, решила Кэрри, сравнивать

свадьбу с повешением.

– Когда я недавно выглядывал, там была довольно большая толпа, – сказал Итан, глядя на свою взрослую дочь, и с удивлением обнаруживая, что представляет ее себе маленькой девочкой. – Ты чудесно выглядишь милая.

– Спасибо, – сказала Кэрри, похлопывая руку отца.

«Большая толпа», подумала она, и у нее скрутило живот. Люди все еще рассаживались, а те кто уже сидел – ожидали... ожидали ее.

Она не знала как, но Майкл проинформировал многих. Некоторые присутствующие были ее клиентами. Но большинство были членами семьи. Несколько – несколько ценных – были людьми, которых она могла назвать друзьями, если бы была человеком, который имеет друзей.

У Кэрри никогда не было много друзей, а тем более лучшего друга или подруги. Ее жизнь не позволила ей ходить в гости к подругам и оставаться там с ночевкой или делать обычные для девчонок вещи.

Она бесстрастно попросила Брук стать ее подружкой невесты даже еще с ней не встретившись, потому что не хотела выбирать между своими двумя сестрами.

И теперь Брук, про которую Кэрри решила, что она ей очень нравится, стояла возле двери вестибюля, выглядывала наружу и сообщала, что там происходит, пока они ожидают своей очереди.

– Я не думаю, что если так продолжится, то останутся свободные места, – со смехом сказала Брук, а затем быстро остановилась, когда увидела, что лицо Кэрри стало цвета ее платья.

Это была ее третья свадьба... третий брак, сказала себе Кэрри, пытаюсь успокоить нервы. Не было причины чувствовать тошноту более сильную, чем ту, что была из-за ребенка. Тем не менее, бабочки у нее в животе сказали ей правду о том, как на нее воздействует эта ситуация.

– Кэрри... ты такая трусиха, – тихо прошептала она себе.

– Нет, я в порядке. Это проклятые ботинки заставляют меня хромать,

– сказал отец, не расслышав, что она сказала. – Не часто одевал, и поэтому они не разношенные.

Кэрри улыбнулась и рассмеялась.

– Пап, я ничего не говорила о том, что ты хромаешь. Я... просто я разговаривала сама с собой, потому что нервничаю.

Отец встретился с ней взглядом.

– Нервничаешь из-за того, что выходишь замуж или из-за того, что будешь женой своего мужа? Ты по-прежнему считаешь Майкла Ларсона хорошим человеком? – спросил он.

Удивленная выбором времени для вопроса и искренностью отца, Кэрри не раздумывая ответила:

– Конечно, Майкл хороший человек... не идеальный... но хороший. Он будет хорошим отцом.

– А как насчет «мужем»? Скажи мне правду, Карлин, ...ты его любишь? – спросил Итан свою дочь, внезапно желая увидеть на ее лице искренние эмоции, даже если она расстроится. Он удивился, увидев, как на ее лице мелькнула правда, быстро сменившаяся смирением. Это... это его опечалило и напомнило о Мэгги.

– Да, – сказала Кэрри. Майкл раньше защищал ее перед отцом, поэтому она не хотела признаваться в своих страхах и таким образом его обесчестить. – Да, пап. Я его люблю.

– Достаточно, чтобы выйти за него замуж? – мягко повторил Итан. – Карлин, ты не обязана это делать. Я могу вывести тебя за дверь и спрятать, прежде чем кто-нибудь поймет, что ты пропала.

Кэрри в шоке посмотрела на своего отца.

– *Пропала?* Я думала, что ты считаешь правильным то, что я выхожу замуж за отца моего ребенка.

– Часть меня так и думает, – признался Итан. – Я не могу сказать иначе, но...

Кэрри внимательно рассмотрела выражение лица отца, пораженная

тем, что она увидела в его взгляде. Там были забота и беспокойство, чувства, которые как она думала, отец никогда к ней не испытывал.

Она подняла руку и поднесла к его лицу, даже не осознавая, что делает.

– У меня нет твоей веры, но я могу со всей честностью сказать, что Майкл Ларсон единственный мужчина, которого я действительно хотела или любила. Мое... мое доверие к нему, не такое, какое должно быть у жены к мужу, но это, наверное, самое близкое к тому, что между нами вообще может быть. Во многих отношениях он хороший человек, пап. А остальное я пытаюсь понять. Мне нужно выйти замуж за отца моего ребенка, – сказала она. – Ты это понимаешь?

– Да, – сказал Итан, его сердце сжалось от поразившего его чувства правильности.

Но Карлин не была счастлива, не была полной радости. Она была печальна, как и ее мать в день их свадьбы. Тысячи, тысячи раз за эти годы он хотел бы быть более подходящим женихом для ее матери. И сейчас, нравилось ему это или нет, он наблюдал, как его дочь повторяет его жизнь. И Итан понимал, что однажды, так же, как и Мэгги, Карлин пожалеет о том, что в ее жизни не было радости. Он помолился о том, чтобы подобрать слова, которые успокоят ее сердце.

– Карлин... я верю Майклу, когда он говорит, что любит тебя. Я не думаю, что он лучший выбор, но он меня убедил. Он бросит вызов целому миру, чтобы о тебе позаботиться. И если ты полюбишь его в ответ, этого достаточно, чтобы прожить хорошую жизнь, – сказал он.

Кэрри кивнула, заморгала, стараясь не расплакаться, и снова кивнула.

– Я знаю, что он так и сделает. Так что, ты и я, мы готовы к тому, что я выхожу за Майкла замуж?

Итан моргнул и тоже кивнул, в шоке осознавая, что для нее это имело куда большее значение, чем он мог себе представить. Очевидно, что он в отношении Карлин был слеп, как и сказала его жена.

– Да, милая. Мы готовы.

Когда заиграл свадебный марш, Кэрри взяла себя в руки. Брук вышла из вестибюля и исчезла.

– Пап, если ты прямо сейчас молишься, не мог бы ты попросить, чтобы меня не вырвало, до того, как все закончится? – попросила Кэрри.

Итан ухмыльнулся.

– Ну, если тебя на самом деле вырвет, постарайся попасть на эти туфли. Они –самая неудобная вещь в мире, но их мне купила твоя мать. Так что я не буду против, если с ними что-то случится, и я смогу купить новую пару.

Кэрри тихо рассмеялась. У ее отца было чувство юмора. Кто ж знал?

– С этим будет проблема. У меня плохой прицел. И когда меня рвет, я могу попасть куда угодно.

– Вот это моя девочка, – сказал Итан, похлопав ее по руке и делая вместе с ней шаг вперед.

У Кэрри перехватило дыхание, когда люди заполнившие церковь встали. Она удивленно оглянулась, автоматически улыбаясь всем в ответ. Бабочки у нее в животе вспорхнули и поднялись к горлу.

А затем она посмотрела на мужчину, стоявшего в конце прохода, его темные волосы убраны назад и практически слились с черным костюмом. Во всем этом черном, Майкл Ларсон должен был выглядеть злодеем, каким она его так долго считала, но это было не так.

Она не солгала отцу. Майкл был для нее единственным мужчиной и его взгляд отгородил всех остальных. И все что Кэрри сейчас видела пока шла с отцом, был мужчина, с которым она прожила последние несколько недель, спорила и занималась любовью.

Она приближалась к нему. Был ли действительно другой выбор, кроме как выйти за него замуж?

Она была невестой. Невестой Майкла Ларсона. В белом платье.

Она шла к нему, к мужчине, который в этот момент не видел никого,

кроме нее.

Ее... его невесты... выходившей замуж за Майкла Ларсона, отца ее ребенка.

У нее закружилась голова, и она немного качнулась, но почувствовала, как ее поддержал отец. Головокружение прошло, но за ним пришли слезы. И это напомнило ей о единственной причине, по которой они с Майклом это делали. Если бы не было ребенка, она могла выйти замуж за Тома, даже после ночи, проведенной с Майклом.

Они приблизились к нему, и она быстро заморгала, стараясь преодолеть тошноту.

Затем ее отец остановился перед Майклом.

Священник начал говорить, но она его не слышала. Взгляд Кэрри, зафиксированный на Майкле, качнулся в сторону отца, голос которого громко прозвучал по всей церкви.

– Ее мать и я с радостью отдаем нашу дочь Карлин Джин Аддисон в любовь и заботу Майклу Уильяму Ларсону. У них есть наше благословение на этот брак.

Священник кивнул, отец наклонился, чтобы ее обнять и поцеловать в щеку. Кэрри обхватила его руками, обнимая и крепко держа.

Итан начал отодвигаться, но передумал и только крепче обнял дочь. Он поцеловал ее волосы, не обращая внимания на время, которое это занимало. Он не хотел ее отпускать... хотя бы в этот раз.

– Будь счастлива Кэрри.

Кэрри кивнула и заставила себя отпустить отца. Когда отец отошел в сторону, Кэрри увидела, что Майкл протягивает руку.

– Выйдешь за меня замуж? – спросил он, думая, что Кэрри выглядела так, словно в любую секунду была готова сбежать.

К глубокому облегчению Майкла, Кэрри только раз фыркнула и вложила свою руку в его.

Майкл чуть не рассмеялся, услышав вздох облегчения всех

присутствующих. *Вы переживали не сильнее чем я*, подумал он.

Кэрри взглянула на него и прошептала.

– Да, мне хочется сбежать. Но я этого не сделаю. Давай со всем этим покончим, пока я не начала безудержно рыдать.

Майкл поднял правую руку, прежде чем преподобный мог продолжить. Он не мог этого сделать. Не мог жениться на ней, не зная, что дал ей возможность выбрать.

Другой рукой он приподнял к губам руку Кэрри и поцеловал. А затем опустил и сделал один шаг назад.

– Беги Кэрри, если тебе это нужно. Но просто знай, что я, в конце концов, приду за тобой и снова тебя на это уговорю. Ты женщина, которую я хочу видеть своей женой. Но если это добавляет груз к напряжению, в котором ты и так находишься, тогда мы не будем этого делать сегодня. Мы сделаем все по-другому, – сказал Майкл, стараясь игнорировать дергающиеся веко и мышцу челюсти.

Кэрри посмотрела на Шейна, стоявшего позади Майкла, и заметила, что он по такому случаю побрился и постриг волосы. Но не посмотрела ему в глаза.

Она посмотрела на священника, ожидавшего ее решения. Он опустил взгляд на библию, которую держал в руках. И выглядел более нервным и испытывающим неудобство, чем кто-либо.

Она не посмотрела на людей, собравшихся в церкви, которые тоже ждали ее решения. Возможно, они и не слышали всего разговора, но суть была ясна.

Ее боязнь выходить за Майкла замуж, стала теперь достоянием общности.

Кэрри просто посмотрела на Майкла, который не сводил с нее глаз.

Ему действительно было все равно, что подумают другие, поняла она. Майкл позволит ей развернуться и убежать, позволит нарушить их соглашение, потому что он следовал какому-то своему внутреннему своду

правил, который был для нее полной тайной. Вот таким он был, разочаровывающий, непостижимый мужчина, который со всей страстью сделал ей ребенка.

Таким образом, все опять сводилось к тому, что *она* собиралась с этим делать.

Это решение было ее, но в тоже время и не ее. Да, она пообещала Майклу его ребенка и легальные права на него. Она даже подписала контракт, чтобы это гарантировать. Она хотела, чтобы у него это было.

Тогда почему ей казалось, что, выходя за него замуж, она давала ему права и на себя? И почему *это* было тем, чего она больше всего боялась?

Она уже дважды разводилась и приняла меры предосторожности, чтобы гарантировать избавление и от этого брака. В этом и была проблема, подумала она. Проблема в том, как уйти, признала она.

А сегодня, речь шла и том, как остаться.

Кэрри была напугана, потому что, наконец, поверила Майклу, когда он сказал, что она была женщиной, которую он хотел в жены. В то же самое время она верила, что никогда не сможет стать для него настоящей женой.

В какой-то момент, ей хотелось сбежать, и она чувствовала, что такая необходимость приближалась. Ее терапевт предложила отложить свадьбу, но она убедила себя в том, что это было всего лишь деловое предложение, хотя уже в то время, ей казалось, что это не так.

Вот почему она знала, что может сбежать. *Но не сегодня*, подумала она, глядя на Майкла.

Сегодня она сделает то, что было правильно, и что она обещала.

– Спроси меня еще раз, – приказала она, тяжело сглотнув.

– Выходи за меня замуж Кэрри Аддисон. Будь моей женой, – на этот раз потребовал Майкл, потому что не в его характере, было просить дважды.

– Да, – ясно сказала Кэрри. – Да... я выйду за тебя замуж, Майкл. Да... я буду твоей женой.

На этот раз, когда Майкл поднял руку, она вложила свою ладонь в его и почувствовала как дрожит его рука. Она сжала его руку, чтобы заверить его в своей решимости и почувствовала, как он расслабился. Было похоже на то, словно они совместно прошли какое-то испытание и теперь могли двигаться дальше.

Остальная часть церемонии для Кэрри прошла как в тумане, однако когда все закончилось, вес кольца на ее левой руке был напоминанием о том, что все было реально.

У нее снова начала кружиться голова. Сестры проводили ее до скамьи и немного посидели там вместе с ней, пока Майкл выслушивал поздравляющих. Они шепотом спросили, все ли было в порядке, и хотели узнать, о чем она с Майклом разговаривала в течение восьми минут, перед тем как церемония фактически началась.

Восемь минут, подумала Кэрри, удивившись, что это продлилось так долго.

Майкл стоял перед ней и всеми остальными, и ждал целых восемь минут, чтобы она решила, что ей нужно сделать.

В качестве свадебного подарка, решила Кэрри, это был самый необычный из всех, что она получала. Но с другой стороны, Майкл знал ее лучше, чем любой другой мужчина.

Позже на вечеринке, когда они ждали, чтобы сфотографировали свадебный торт, у них появилась возможность остаться наедине. Кэрри вошла в объятия Майкла, чтобы можно было тихо с ним поговорить. Она подняла руки, положила их ему на плечи и встала на цыпочки, когда он сильнее ее обнял.

– Прости, если я поставила тебя в неловкое положение в церкви. Я... у меня был приступ паники. Спасибо, что оставался спокойным и понял, что со мной происходило в тот момент, – прошептала она.

– Я не чувствовал себя неловко, – горячо прошептал Майкл в ответ. – Я был в ужасе от того, что ты действительно собиралась сбежать. Это

большая разница.

Кэрри отодвинулась назад, чтобы посмотреть ему в глаза.

– В этом мы с тобой похожи. Я тоже была в ужасе. До сих пор с трудом верю, что действительно вышла за тебя замуж.

– Можно перемотать часть с извинениями и опустить твои сомнения? – сказал Майкл, держа ее на расстоянии вытянутых рук и не давая ничего сделать. – Мне нужно самого себя убедить, что это действительно произошло, и ты сделала все, чтобы это осуществить.

– Прости, что сейчас нет времени вступить в супружеские отношения, – сказала Кэрри, пытаясь его подразнить.

Майкл посмотрел на нее прищуренными глазами, провел рукой по ее спине и подошел ближе. Он вспомнил пережитый ужас, а от мысли вступить с Кэрри в супружеские отношения его голову заполнил туман похоти, который заслонил всех окружающих, оставляя только их двоих.

– Вступить в супружеские отношения. Мне нравится, как это звучит. Я чувствую определенную потребность заявить права на единственное поле, которое я намерен пахать всю оставшуюся жизнь.

Кэрри подняла подбородок, раздраженная тем, что Майкл выбрал этот момент, чтобы продемонстрировать какой он собственник. Она смущенно огляделась, надеясь, что никто не слышал, что он сказал.

– Цыц. Это звучит так, словно я часть собственности. Не очень романтично и не очень приятно.

– Если бы ты хотела приятно и романтично, то не заставила бы меня потеть в церкви, перед лицом такого количества свидетелей, – сказал он, с силой притягивая ее к себе. – Пора разрезать торт, миссис Ларсон. Но имей в виду, не размажь мне его по лицу.

– К твоему сведению, я не являюсь чьим-то *полем*, – сказала Кэрри, шагая перед ним к столу. – Прости, что вообще использовала ту аналогию.

– О, но ты и есть поле. Сегодня, ты поле белого кружева, которое закрывает вершины и долины. Я намериваюсь позже его исследовать и

найти идеальное место для посева моего семени, – объявил Майкл, лукаво улыбаясь.

– Тогда, с твоей стороны это будет дублированием, – холодно сказала Кэрри, улыбаясь в камеру, которая щелкнув, запечатлела ее яростный взгляд, брошенный на страстное, полное похоти лицо Майкла.

Майкл развернул ее к себе и крепко схватив, прошептал:

– Может, я готовлюсь к *следующему* разу.

Лицо Кэрри вспыхнуло при мысли о том, что Майкл хотел еще детей. Хотя она даже не приняла этого. Он же не мог всерьез думать, что у них будут еще дети, да? И ее вновь охватила паника, когда она подумала, во что же она ввязалась, выходя за него замуж.

Майкл поднял одну безвольную руку Кэрри и под аплодисменты вместе с ней разрезал торт. Он взял вилку, отломил кусочек и поднес к ее рту.

– Открывайте, миссис Ларсон, – приказал он, улыбаясь, когда она сделала, как ей сказали.

Публика засмеялась и захлопала. Камера щелкнула. Ее послушание запечатлелось на фотографии, которая могла просуществовать несколько человеческих жизней.

О, нет. Нет... подумала Кэрри. Она не собиралась позволить своей нужде в Майкле или даже в ребенке, сделать ее тупо покладистой по отношению к мужчине, который назвал ее своим *полем*. Она не была его полем. Ее с трудом можно было назвать его женой и определенно, она не собиралась привыкать к его тенденции вести себя как мужлан.

Кэрри, прищурившись, посмотрела в смеющиеся глаза Майкла. Он был по натуре собственник, и ему нравилось контролировать, две черты, которые могли быть в одну минуту очаровательными, а в другую совершенно раздражать. Злясь все сильнее, она взяла горсть торта и сунула его в удивленное лицо Майкла.

– Конечно, мистер Ларсон. А вот и ваша очередь кусать.

Публика засмеялась и захлопала. Сверкнула вспышка фотокамеры. Так же как и взгляд Майкла направленный на нее.

Под смех присутствующих Майкл сгреб с лица торт. Было много предложений, как ответить, но он мог думать только об одном способе, который мог бы успокоить его эго и даже заработать очко. Он притянул сопротивляющуюся Кэрри к себе и под бурные аплодисменты поцеловал ее крепко и очень интимно.

– Остальную часть моего торта я съем позже, – громко сказал Майкл, наблюдавшим за ними и смеявшимся людям. – Я могу найти места получше, чем прекрасное лицо моей жены, куда можно положить глазурь.

– Майкл! Ты что не понимаешь, что все тебя слышат? – едко спросила Кэрри. Ее лицо стало ярко-красным.

– Хочешь, чтобы я повторил еще громче? – спросил Майкл, облизывая торт с пальцев, в то время как люди нервно смеялись и покашливали, прикрывшись руками.

– Придурок. Не могу поверить, я думала, что выйти за тебя замуж было хорошей идеей, – зло сказал Кэрри.

А потом Кэрри действительно побежала... ну, не совсем побежала. Было больше похоже, что она протопала сквозь толпу шокированных зрителей. Если бы она осталась, то свадебный торт оказался у Майкла на голове.

Опустив голову, чтобы скрыть подступившие слезы, Кэрри уходила из банкетного зала, сожалея о том, что не последовала инстинкту и не сбежала раньше. Хотя у нее было несколько возможностей это сделать.

А затем, когда она вспомнила, что отец предлагал ей помочь, слезы потекли рекой, а ее внезапное всхлипывание испугало всех, кто стоял рядом с туалетом.

Майкл наблюдал, как Кэрри выскочила из зала, и улыбнулся, подумав какую историю он сможет однажды рассказать о том, что он сказал на свадьбе, и что заставило невесту так сильно на него разозлиться.

Шейн и Брук встали, положив руки на бедра.

– Что? – спросил Майкл, не в состоянии скрыть веселье при виде их одинаково раздраженных лиц. Они действительно, очень друг на друга похожи, подумал он.

– Ты идиот, тебе что, обязательно было нужно публично ставить Кэрри в неловкое положение? – отчитал его Шейн.

– *Она сама начала спор*, – сказал Майкл, с трудом веря, что Шейн мог подумать о том, что он перешел черту. Шейн сам не признавал границ.

– Сомневаюсь, – ответил Шейн. – Думаю, что ты просто не знаешь, когда отступить, со своей этой чертовой гордостью.

– По пути отсюда она что-то бормотала о том, что не будет полем ни для одного мужчины, – тихо сказала Брук. – Клянусь, у вас двоих больше закодированных словечек, чем у любой пары, которую я встречала. Интересно, вы больше двух минут можете не ругаться?

Майкл вздохнул, чувствуя первый приступ угрызания совести и сожаления.

– Думаю, не так часто, как следовало бы. Я позже перед ней извинюсь.

– *Извинишься?* – сказала Брук, закатывая глаза. – Майкл, ей было плохо, еще до того, как началось венчание. Пока Кэрри боролась с тошнотой, они с отцом всерьез говорили о том, чтобы бросить тебя у алтаря, но в итоге все закончилось шуткой. Я не знаю, сколько храбрости Кэрри потребовалось, чтобы пройти к тебе по проходу, но это чудо, что она на нервной почве не потеряла сознание. Так что твои шутки были совсем не вовремя. И в настоящий момент ее, вероятно, рвет в туалете. Поздравляю, твои поддразнивания оказались последним стрессом, который ее, наконец, сломал.

Майкл закрыл глаза, матеря себя.

– Боже, я опять это сделал. Похоже, я просто не могу над ней не подшучивать. Я действительно думал, что она собирается сбежать, и был

просто... извините, я должен пойти за ней.

Он ушел и практически пробежал через стоявших людей, спеша найти сбежавшую Кэрри.

Шейн взглянул на Брук, глазами полными удивления.

– Вау. Это была отличная лекция профессор Дэниелс. Ваши слова вызвали такое чувство вины, что мне захотелось поколотить собственного брата.

– Да, – сказала Брук, кивая, – но ирония в том, что все это правда. Кэрри была сама не своя еще до того, как церемония началась. И твоему брату повезло, что она не сбежала оттуда, особенно когда он сам предложил. Перед церемонией отец предложил помочь ей бросить Майкла, но она отказалась.

Глаза Шейна расширились. Хорошо, что Майкл об этом понятия не имел. У его брата наверняка случился бы нервный срыв.

– На случай, если ты не заметила, у Майкла с Кэрри довольно бурные отношения, – сказал Шейн.

– Типа гром и молния? – с усмешкой сказала Брук.

– Да, *и очень, очень страшно*, – пропел Шейн, смеясь в ответ и обнимая ее за плечи.

– Богемская рапсодия группы Квин, – узнала песню Брук.

– Ага. Они та еще пара. От имени отца и от себя лично, благодарю за то, что отчитала моего горячего, страстного брата за плохое поведение. Брук, считай, что тебя официально приняли в семью, – смеясь, сказал Шейн.

Глава 21

Майкл ворвался в женскую уборную, которая была размером со стадион, шокировав других посетителей, хотя он без конца извинялся, и продолжал звать Кэрри.

Два ряда кабинок были в основном пусты. Никто ему не ответил, и он не увидел под дверями никаких белых каблучков или женщины в подвенечном платье на коленях, в обнимку с унитазом.

После того как кабинки закончились Майкл завернул за угол и обнаружил поникшую, все еще рыдавшую Кэрри, которая сидела на старом, кожаном диване, в окружении его матери, ее матери и очень сердитой Джессики.

– Кэрри, – сказал он, опустившись перед ней на колени. – Прости, мне так жаль. Пристрели меня за то, что я такой придурок. Не знаю, что на меня нашло. Я не хотел на тебя давить, но потом начал дразнить, так как испугался, что ты пожалеешь о том, что вышла за меня замуж. Когда нервничаю, я делаю глупые вещи.

Когда женщины отошли, освобождая ему место для того, чтобы правильно ползать перед Кэрри на коленях, Майкл обвил ее руками и осторожно обнял. При других обстоятельствах, он, возможно, рассмеялся, но холодный прием со стороны всех трех женщин, прекратил его шутки на нервной почве.

– Майкл Ларсон, ты меня *полностью* опозорил перед моими клиентами и людьми, с которыми я работаю, – сказала она, отказываясь обнять его в ответ. – Ты получаешь какое-то болезненное, искаженное удовольствие от попыток уничтожить мою репутацию там, где я работаю? Здесь не подходящее место и время для того, чтобы меня дразнить, и тем более, когда нас фотографируют.

– Нет! Конечно, я не хотел выставить тебя в плохом свете. Послушай... извини. Господи, мне действительно, на самом деле жаль, –

запротестовал Майкл, отстраняясь назад, так чтобы она могла видеть в его взгляде то, как он сожалеет. – Я был глупцом. Понимаешь? Просто глупым, испуганным парнем.

– *Это может стать самым коротким моим браком,* – устало, но со злостью сказала Кэрри, намеренно желая причинить ему боль в ответ.

– *Не говори этого.* Накажи меня... мне все равно как, но только не... только пока не сдавайся, – упрашивал Майкл, не заботясь о том, кто слышал его мольбу или что они об этом думали.

Кэрри подняла подбородок и встретила израненным взглядом с его глазами, полными муки.

Она оттолкнула его на расстояние вытянутой руки и ударила ладонью в грудь. Майкл выглядел шокированным ее физическим нападением, и Кэрри ударила его еще сильнее.

– Я как одна из тех глупых птиц, которые все время нападают на свое отражение в окне, снова и снова повторяю с тобой одну и ту же ошибку. Знаешь, почему птицы это делают? Потому что не понимают, что это просто их собственная глупость, – сказала она. – Иногда, Майкл, ты просто сводишь меня с ума. И мне не нравится раз за разом выглядеть из-за тебя глупо.

– *Мне жаль. На самом деле. Действительно. По-настоящему.* Прости, – сказал Майкл, понимая, что Кэрри была достаточно сердита и достаточно храбра, чтобы публично прекратить их отношения. И это будет хуже, чем, если бы она от него сбежала.

Кэрри потянулась и ударила его в последний раз, прежде чем снова расплакаться.

– Посмотри на меня. Это из-за тебя я плачу перед всеми. Так что позже, мистер, вы определенно торта не получите. Вы потеряли этот шанс.

Казалось, Майкл расплылся лужицей у ее ног. Обняв ее бедра, он положил голову ей на колени и шмыгнул носом. Слава Богу, она не собиралась все отменять.

– Хорошо, – тихо сказал он, уткнувшись носом в кружево на ее бедрах. – Я принимаю мое наказание.

– Перестань шмыгать носом, – приказала Кэрри, также шмыгая носом. – Если ты тоже расплачешься, то опозоришь меня перед нашими матерями. Не мог бы ты сегодня оставить мне хоть немного проклятого достоинства?

– Меня не волнует торт, – сказал Майкл, поднимая лицо. Его глаза блестели от слез облегчения, потому что Кэрри сказала *позже*. Он так рад был узнать, что у них будет это «позже». И это означало, что он сможет перед ней извиниться.

– Ну что ж, хорошо, что тебя не волнует торт, потому, что ты *ни кусочка* не получишь, – сердито сказала Кэрри, но дрожащей рукой погладила его по щеке, чтобы успокоить их обоих и чтобы они оба перестали плакать.

– В любом случае, я бы вместо торта предпочел йогуртные батончики. Они полезней для здоровья, – лукаво сказал Майкл, схватил оба ее запястья и поцеловал, чтобы она снова не начала на него кричать или не ударила, или и то, и другое.

Его смеющиеся губы на ее губах вызвали серию взрывов во всем теле Кэрри. И когда он, наконец, ее отпустил, Кэрри была слишком потрясена охватившим ее сильным желанием, чтобы вспомнить, насколько она была сердита.

Майкл воспользовался ее кратковременной уступчивостью, подхватил Кэрри и сел, покачивая ее на своих коленях, так что юбка ее свадебного платья закрыла их обоих.

– Ты самая невероятно красивая невеста в мире. Даже мысль о том, что ты могла убежать вызывает у меня сильное сердцебиение, – сказал он, укладывая голову Кэрри на свое плечо и раскачивая ее. – Не убегай. *Пожалуйста.*

От того, что Майкл держал ее в объятиях, и они не ругались, Кэрри

испытала такое облегчение, что просто закрыла глаза и успокоилась.

– Ты совершенно сводишь меня с ума, Майкл, – сказала она, сильнее к нему прижимаясь. – До того, как я впустила тебя в свою жизнь, я была здравомыслящим, рациональным человеком.

– Всем, кто меня знает, хорошо видны мои недостатки. А давай составим список моих хороших качеств и повесим его на зеркале в ванной, прямо над твоими записками? – спросил Майкл, одной рукой поглаживая ее практически голую спину. – Массаж спины и ступней возглавят список. Приготовление еды будет на втором месте. Ты же знаешь, я не прочь заниматься домашними делами. Черт, я через день меняю простыни на кровати.

Кэрри захихикала, а Майкл продолжил поглаживать ей спину и успокаивать. Он был таким... неисправимым. По крайней мере, на этот раз его поддразнивания слышали только их матери.

– Заткнись, Ларсон. Просто заткнись, – приказала она, шмыгая носом и смеясь.

– Поцелуй меня. Когда я нервничаю, то ничего не могу с собой поделать, начинаю слишком много болтать, – приказал в ответ Майкл.

– О, ради всего святого, – раздраженно сказала Кэрри, но притянула его губы к своим.

Наблюдая, как молодая женщина уступила, Джессика закатила глаза, но заметила, как ей подмигнула Эллен.

– Ненавижу это тебе говорить, Джессика, но Майкл перенял привычку устраивать драму от своего отца, – сказала Эллен, похлопывая по плечу Мэгги Аддисон, шокированную мать невесты.

Эллен думала, что женщина взорвется, когда Кэрри протопала в туалет и рухнула на диван, громко проклиная Майкла Ларсона. Она планировала найти своего старшего сына и выяснить, что случилось, когда он ворвался в помещение и бросился к ногам своей невесты.

Иногда, решила Эллен, матерям лучше держаться подальше и

позволять молодым женщинам давать нагоняй их сыновьям за плохое поведение.

Джессика в недоумении посмотрела на Эллен.

– Так значит Майкл научился устраивать драмы от Уилла? И ты собираешься соврать, глядя мне прямо в лицо? – спросила она, наконец, улыбаясь.

– Абсолютно, – искренне сказала Эллен, у нее на сердце отлегло, когда Мэгги тихо засмеялась. – Хочешь пригласить свою дочь, чтобы мы могли сравнить способности наших детей устраивать драмы? Мы и Шейна сюда пригласим. Он будет сторонним наблюдателем, его этому учили. И позволим ему решать.

– Брук Дэниелс ведет себя совершенно спокойно. Она как озеро, спокойным летним днем, – возразила Джессика, борясь с желанием рассмеяться над возмутительным заявлением Эллен. Как там Эллен ее назвала, когда они с ней ругались? А, да. Она назвала ее *огнедышащий дракон-ведьма из ада*. И из них троих в тот момент Уилл был самым спокойным.

– В самом деле? Разве Брук уже была в кого-то безумно влюблена? – спросила Эллен, борясь с улыбкой. – Если нет, то ты не знаешь, на что она способна под воздействием своих гормонов и эмоций.

Смех Джессики затих, когда она подумала о том, какой может быть Брук, когда влюбится. Взрослея, девочка могла убедить каких-нибудь жителей Северного Полюса, что им нужен лед. Позже, она потратила большую часть учебы в колледже оттачивая эту свою способность, встречаясь и споря со студентами юрфака. Джессике, вероятно, будет жаль своего будущего зятя, потому что он никогда не выиграет у нее ни один спор.

Джессика покачала головой.

– Ладно, Эллен. Тут мне нечего возразить. Я не думаю, что в жизни Брук уже был такой мужчина.

Смирившись, Мэгги вздохнула, так же как и Джессика с Эллен.

– Ну, независимо от того, в кого пошел Майкл, в жизни моей дочери есть такой любитель устраивать драмы.

Было бы хорошо, решила Мэгги, если бы все мужчины так...*не разочаровывали*, когда все время имеешь с ними дело.

– *Мужчины*, – Мэгги выплюнула слово как ругательство, удивленная тем, как яростно прозвучало слово, покидая ее уста.

– Аминь, сестра, – громко согласилась Джессика, широко улыбаясь от того, что вместо нее это сказала Мэгги.

– О, не знаю, – сказала Эллен, удовлетворенно улыбаясь, когда подумала о своем, теперь очень внимательном муже. – Последнее время мне вроде как нравится Люк Кэннон. Мужчины могут быть полезны.

Джессика так громко расхохоталась, что через несколько секунд в туалет ворвался Уилл. Очевидно, он все время бродил где-то рядом с туалетной комнатой.

– Здесь все в порядке? – спросил Уилл, его обеспокоенный взгляд переместился с матерей на Майкла, который покачивал Кэрри, находившуюся практически в коматозном состоянии и что-то ей шептал. – Там у нас банкетный зал, заполненный людьми, которые сходят с ума. Мы не сможем удержать их от беспорядков, если не предоставим какие-нибудь объяснения. Так что, Майклу и Кэрри нужно собраться с силами и вернуться в зал.

– *Видишь? Я же тебе говорила*, – печально сказала Эллен, а затем рассмеялась и слегка вздрогнула, когда Джессика ущипнула ее за руку. – Ой.

Мэгги подумала, что это был самый странный спор между двумя женщинами, который она когда-либо видела. И внезапно была рада, что так и не осуществила свой план развестись с Итаном. Каким бы трудным ее брак не казался время от времени, она бы предпочла привычные отношения, тем запутанным жизням, которые были у Джессики и Эллен.

Позже, дома, Майкл был в два раза более почтительным, когда расстегивал красивое свадебное платье и помогал Кэрри из него выбраться. Он был потрясен, обнаружив, что под ним она надела белоснежное свадебное нижнее белье. Он был взволнован и польщен тем, что Кэрри приложила столько усилий для покупки свадебной одежды. На самом деле он не ожидал от нее такой «традиционной невесты».

– Вау. Я думал платье было красивым, – тихо сказал Майкл, наблюдая, как ее губы изогнулись в улыбке, которая не достигла ее глаз. – Ты выглядишь как модель нижнего белья.

– Ты имеешь в виду это? – спросила Кэрри, указывая на белую атласную «веселую вдову». А затем положила руку на свой все еще почти плоский живот. Даже самое красивое белье не смогло изменить ее нежелания быть невестой. – Твоя мать настояла на том, чтобы у меня были все атрибуты(*прим. «веселая вдова» – корсет с бюстгальтером без бретелек и подвязками*).

Кэрри повесила красивое платье и осторожно закрыла чехол для его хранения. Возможно, когда-нибудь она одолжит его Дарле или Элисон и увидит, что они будут счастливее ее.

Наблюдая, как его невеста ходит по их спальне на восьмисантиметровых каблуках, Майклу пришло в голову, что он никогда не видел ее в чем-то настолько сексуально соблазнительном. На каблуках она была одного с ним роста. Если он прижмет ее к стене, то они будут смотреть друг другу в глаза. От этой мысли по его телу пробежала волна предвкушения, которую он быстро отложил в сторону. На этот раз он не станет ее торопить.

– Никогда не думал, что буду благодарен матери за соблазняющую одежду своей жены, – сказал Майкл. – Только давай не будем говорить об

этом Шейну, ладно? Моя глава в его книге и так достаточно заполнена.

Заработав смешок от Кэрри, Майкл отступил, чтобы сдержаться и не осуществить свою свадебную фантазию. А ведь в спальне стояла его большая, старая кровать, ожидавшая их со свежими простынями.

Майклу хотелось быть благородным и дать Кэрри выбор, хотелось сказать своей новобрачной, что он может подождать пока она его не полюбит. Но страх потерять ее был слишком велик, чтобы не воспользоваться единственной связью, которая у него была.

Окончательно оформить их юридическое соглашение и не переспать с ней, для Майкла было вариантом, который он не мог дать Кэрри, независимо от того, какое чувство вины испытывал. Ему просто придется как-нибудь по-другому перед ней извиниться.

Приняв решение, Майкл, отбросив чувство вины в сторону, скинул пиджак и рубашку.

Затем оставшись в брюках и с босыми ногами, он снял слою белой одежды с Кэрри с таким благоговейным почтением, какое мог ей продемонстрировать. По дороге к кровати так ее целовал, что она стала испытывать такую же нужду, что и он.

К его полному ужасу, ее податливость его соблазнению, вызвала у него больше раздражения, чем возбудила. Майкл не хотел заниматься любовью со своей женой, которая ему просто уступила, хотя знал, что она все еще была расстроена. Более того, он не хотел, чтобы Кэрри в эмоциональном плане было все равно, будет у них секс в брачную ночь или нет.

– Жаль, что на самом деле ты не такая милая, какой прямо сейчас притворяешься. Тем не менее, я думаю, что будет здорово иметь мегеру в качестве жены, – сказал Майкл, жестко проскальзывая в возбужденное тело Кэрри. Ему нравилось то, как она изгибалась под ним и, расстроившись, пыталась сопротивляться.

– *Мегеру?* О чем ты говоришь, Майкл? Считаешь себя подарком? –

насмешливо спросила Кэрри. – Что Майкл, не можешь сегодня не ругаться? Может тебе следует просто помолчать какое-то время?

– Ты сегодня уже во второй раз сказала мне заткнуться, – рассмеявшись, произнес Майкл, накрывая ртом ее губы.

Его язык синхронно танцевал с остальным его телом, которое двигалось внутри нее. В конце концов, он почувствовал, как ее тело тоже движется в такт с его телом, почувствовал ритм ее сердцебиения.

– Я определенно не подарок. Это точно, – наконец сказал Майкл, когда оторвал от нее губы с удовлетворением, которым не гордился, но которое заставило его быть уверенным в ней. Он мог сказать, что она была сама собой, и он хотел именно этого.

– Все в порядке, – сказала Кэрри. – Я не ищу подарок, просто парня, который может держать язык за зубами и думать о том, что он делает. В спальне есть клейкая лента?

Майкл рассмеялся и перестал двигаться.

– Извини. Нет. Клейкой ленты здесь нет.

– Жаль, – сказала Кэрри. – А почему ты остановился? Я была очень близко. Обычно в таких вещах в постели ты более сообразительный. Мне бы не хотелось думать, что мой *муж* не может довести меня до оргазма.

Майкл опустил лицо в ее волосы. Ему нравилось чувство юмора Кэрри, ее раздражение, когда он не делал то, что она хотела.

– Должен вам сказать, миссис Ларсон, ни один мужчина никогда не полюбит вас, или не захочет вас, или не оценит вас как ваш *третий* муж. Поздравляю с замужеством. На этот раз вы вышли замуж за правильного мужчину.

– Ты такой гов... – начала Кэрри, но ее сердитые слова прервали губы Майкла, которые снова завладели ее ртом. Он целовал ее снова и снова, словно в его распоряжении была вечность и ничего более важного. Что на самом деле было правдой.

– Цыц, – приказал Майкл возле ее губ, когда, наконец, освободил ее

рот. – Я пытаюсь довести тебя до оргазма, но тебе придется сосредоточиться, чтобы его получить. Другие твои мужья жаловались на то, как много ты разговариваешь в постели?

Кэрри громко завизжала, выражая свое разочарование, ее крик эхом отразился от стен спальни. В этот момент Майкл удвоил усилия, что было трудно сделать, потому что при каждом толчке он смеялся.

Она схватила две пряди его струящихся волос и тянула, пока Майкл не перестал двигаться, свирепо глядя на нее, пульсируя внутри нее и понимая, что они были в двух шагах от того, чтобы, наконец, получить удовольствие.

– *Кэрри Аддисон Ларсон*. Наконец вся моя на законных основаниях, – позлорадствовал Майкл, но его взгляд сказал ей, что она может делать с ним что захочет. Может ударить его или обнять.

По крайней мере, это был ее выбор.

Хотя Кэрри понимала, что означал его взгляд, она так же понимала, у нее было намного меньше выбора, чем осознавал Майкл.

– Да... черт бы тебя побрал. На данный момент ты можешь так сказать, – прошипела Кэрри, одной рукой держа за волосы, дернула вниз его голову и, найдя его губы, поцеловала, доминируя над ним.

Когда она освободила его рот, Майкл прислонился лбом к ее лбу.

– Твое раздражение только сильнее меня возбуждает. Ты поэтому так делаешь? Вы все еще думаете, что у меня для вас недостаточно энтузиазма, леди?

– Как-то уж слишком буквально ты воспринимаешь слова «и в горе и в радости», не находишь? Лучше заткнись, пока можешь. Я так зла, что могу снова закричать... или что-то сделать, чтобы по-настоящему причинить тебе боль, – прошипела она.

– Хочешь снова меня отшлепать? – предложил Майкл. – В прошлый раз мне это вроде как понравилось.

Кэрри была так потрясена его предложением, что замерла под ним, а

затем истерически расхохоталась.

– Мой Бог, не могу поверить, что на самом деле вышла за тебя замуж! Ты временами такая задница. И временами либо идеальный мужчина, либо придурок. Компромисс для тебя не существует, да?

– Ага. К несчастью для тебя, – сказал Майкл, пропуская свои пальцы сквозь нее, на случай, если она вспылит. – В этих отношениях я определенно в выигрыше. Тебе достался сексуально озабоченный, так и не повзрослевший парень, а мне самая горячая, самая послушная женщина на земле.

Кэрри извивалась и материлась, в то время как тело Майкла крепко прижимало ее к простыням.

– Почему в нашу брачную ночь ты мучаешь меня оскорблениями?

– О, ты это так называешь? – насмешливо сказал Майкл, медленно глядя ее изнутри. Его сердце от возбуждения забилось сильнее, когда он услышал, как Кэрри признала важность этого соединения. – Так ты на самом деле думаешь, что это наша *брачная ночь*. Я не был уверен в том, как ты к этому относишься. Хочешь, чтобы она была романтической и гладкой? Полагаю, я могу это сделать. Все что тебе нужно, просто попросить.

Кэрри сердито на него посмотрела, потеряв от злости дар речи.

Майкл поцеловал ее глаза, затем спустился вниз, целуя ее лицо и шею.

– Ты пахнешь как ванильное мороженое, и на вкус как десерт. Я хочу остаться внутри тебя и никогда не выходить наружу. Хочу вместе с тобой испортить простыни и заставить тебя снова и снова звать меня по имени. Всю ночь.

– Майкл, – начала Кэрри, но оргазм библейских размеров украл ее способность слышать, что он говорит. – Майкл... *пожалуйста*.

– Да, вот так. Ты произносишь мое имя, и для меня это звучит так правильно. Мне нравится, что у меня есть законное право заниматься с тобой любовью. Так что, ответь мне взаимностью, Кэрри Ларсон, – упрашивал ее Майкл, его тело напряглось, чтобы дать ее телу все, что оно

искало.

– *Дурак, я уже тебя люблю*, – резко сказала Кэрри, когда по ее телу волна за волной прокатился оргазм. Остатки ядовитого сарказма, который она собиралась излить на Майкла, покинули ее, когда его рот снова ее очаровал.

– Скажи, что ты моя жена. Скажи мне, что ты моя, – приказал Майкл, так сильно сдвинув Кэрри своим толчком, что ее тело поклонилось в ответ.

– Да. Я твоя. Я твоя, – повторила она, и ее тело выгнулось дугой.

– Кэрри... я так сильно тебя люблю, – сказал Майкл, практически всхлипывая, его тело, наконец, нашло благословенное освобождение в раю ее тела.

Успокоившись, Майкл опустился на нее, прекрасно понимая, что он сексом вымогал обязательство, которое отчаянно желал услышать от нее в день их свадьбы. Часть него понимала, что она, вероятно, не имела в виду то, что сказала. Но его сердце немного успокоилось, а тело насытилось. Лежа под ним, его жена тихо вздыхала.

Сегодня, он возьмет то, что сможет получить и помолится, чтобы позже, сделать это реальностью.

Майкл почувствовал, как дрожавшие руки Кэрри собрали его длинные волосы и улыбнулся, когда она потянула их вбок и распределила по плечу, любовно поглаживая. После того как накал страсти спадал, это было ее маленьким ритуалом. Понимая, что ей нужно его поласкать, он поцеловал ее в щеку, думая о том, что никогда не пострижет волосы без ее разрешения.

– Майкл Ларсон, я полюбила тебя с того момента, как в первый раз была с тобой близка, – тихо сказала Кэрри, ее сердце открылось для правды, не смотря на то, что она была такой болезненной. Однако терапевт убедила ее в том, что признание этого было разумным шагом к ослаблению боли, которая в ней жила. Независимо от того, что приготовит им будущее, вероятно, уже никогда не будет более важного момента, когда нужно

сказать правду.

Она погладила его длинные волосы, удовлетворенная тем, что сейчас у нее было право это делать, независимо от того, сколько женщин сделало это до нее.

– Я даже любила тебя два месяца назад, когда мы сделали ребенка, хотя тогда я не могла с этим смириться. Фактически, не было ни одного раза, когда мы были вместе сексуально, чтобы я тебя не любила. Хотела я этого или нет.

Майкл почувствовал слезы, но не пытался их остановить. Он слышал в голосе Кэрри отчаяние.

– Знаю, что я этого не заслуживаю, но по-прежнему хочу, чтобы ты меня любила. И я схожу с ума от необходимости знать, что ты любишь. Мне страшно от мысли, что на этот раз мы не сможем со всем разобраться.

– Ну, я с ужасом думаю, что застряла в плохой ситуации, которую не в силах изменить. И вся моя жизнь такая, – сказала Кэрри, сама шмыгая носом. – Ненавижу плакать из-за всего, что происходит!

– Если я пообещаю вместо тебя плакать до конца твоей жизни, ты останешься со мной, когда ребенок родится? – спросил Майкл, целуя ее шею.

– Майкл, я могу думать лишь о том, как мне прожить следующую неделю, – тихо сказала Кэрри. – Моя жизнь полностью вышла из-под контроля. И я больше не знаю, кто я такая и еще меньше на ком ты сегодня женился.

– Тогда позволь мне помочь тебе в этом разобраться, хорошо? – попросил Майкл, целуя ее глаза пока они не закрылись. Он не мог вынести того, как она страдала.

– А разве есть какой-то выбор? – печально ответила она, засыпая после того как Майкл отодвинулся от нее, а затем обнял.

Майкл держал Кэрри в своих объятиях, пока она спала, и изучал ее лицо в свете ночника.

Она любила его. Кэрри Аддисон сказала в брачную ночь, что всегда его любила.

Инстинктивно он это знал, но, черт побери, было облегчением услышать от женщины, которую он любил, что она тоже его любила.

Однако любовь к нему явно не сделала ее счастливой. Потому, что как бы то ни было, любовь должна делать вас счастливым.

Когда Майкл действительно об этом подумал, он вдруг понял, что Кэрри ни на минуту не была с ним счастлива. Даже сейчас, вместо того, чтобы быть удовлетворенной и спокойной в его руках, она была печальна и спала очень беспокойно. Потому, что для нее их отношения были еще одним эмоциональным бременем. Бременем, признал Майкл, было и то, что в отчаянии он заставил ее выйти за себя замуж.

Без желания или нет, но Кэрри дала ему все, что он попросил.

И теперь, у Майкла была жена, ее признание в любви и легальные права на ребенка. У него была прекрасная невеста, которая сдержала слово и брачная ночь, которая превзошла его ожидания.

А что было у Кэрри? Ничего из того, что она хотела. Она не хотела ребенка. Все, чем она обладала – это нежеланная любовь к мужчине, который опозорил ее на свадебном банкете, потому что она задела его гордость.

Майкл признал, что не был подарком, но это могло быть явным преуменьшением.

С какой бы стороны он не обдумывал это, прокручивая в своей голове, вся ситуация была совершенно несправедлива по отношению к Кэрри.

Размышляя о сходстве его принуждения с тем, что делала ее семья всю ее жизнь, Майкл не мог заснуть всю ночь.

К сожалению, ответ к которому он пришел в три часа утра о том, как исправить ситуацию, будет самой большой иронией в его жизни.

Независимо от того, как сильно он хотел, чтобы Кэрри была его женой, Майклу придется с ней развестись.

Глава 22

Прошло пять дней ее замужества, а Кэрри снова была в кабинете своего терапевта. Не потому, что отношения между ней и Майклом ухудшились, а просто потому, что она боялась к ней не обращаться. Сейчас она жила придуманной жизнью и притворялась, что ее брак был нормальным. Он так ласково целовал ее на кухне, что у нее появилось желание уговорить его вернуться в постель.

Но прежде чем она поддалась этому импульсу, ему позвонил отец и он пошел помочь передвинуть какую-то мебель. И Кэрри под предлогом, что ей нужно выполнить какое-то поручение, не стала отменять визит к врачу.

Дни, прошедшие после свадьбы были приятными и веселыми. Они все были наполнены смехом, занятием любовью и танцами на кухне. Это и вправду было похоже на медовый месяц или что-то в этом роде.

С их брачной ночи Майкл ни разу не начал с ней спорить.

И сейчас она поняла, почему Майкл был так напуган тем, что она была милой в ночь их ужина после репетиции свадьбы. Такая вежливость от кого-то, кто был настолько страстным и упрямым, была просто неправильной.

Так что единственным местом, где Майкл ею командовал в течение последних пяти дней, была постель.

Но опять же... она и не возражала. Потому, что он не дал ей ни единого повода на что-то жаловаться. Ничего.

Он даже не дразнил ее из-за сорокалетнего соседа, который с ней флиртовал. Мужчина был симпатичный и работал в банке в центре города. Майкл только кивнул, заметив, как они по-приятельски болтали, но Кэрри увидела в его взгляде вспышку ярости.

Тем не менее, он ничего не сказал. Он не потребовал подробностей их разговора, и не сделал никаких грязных намеков. Он просто зашел в дом, словно полностью ей доверял.

Кэрри взглянула на улыбающуюся женщину, сидящую за столом, и вздохнула. Придется рассказать доктору Уитмор правду. Эта женщина могла извлекать из нее информацию даже лучше, чем ее богобоязненные родители и их умение вызвать чувство вины.

– Мой отец на самом деле вызвался помочь мне сбежать, – призналась Кэрри. – Майкл... не думаю, что он действительно имел это в виду. – Кэрри посмотрела на свои руки. – Но я не сбежала. Я вышла за него замуж.

– И как ты относишься к этому решению сейчас? – спросила доктор Уитмор.

Кэрри с шумом выдохнула.

– Еще больше запуталась, чем когда-либо? – Она улыбнулась, услышав смех доктора. – Я... такое ощущение, словно мне приснилось все плохое, что между нами было. Внезапно, я вдруг стала нормальной женщиной, вышедшей замуж за невероятного мужчину, который относится к ней как к королеве. Это неправда, но иногда это кажется правдой.

Доктор Уитмор кивнула и положила подбородок на ладонь.

– Для меня это звучит неплохо, – сказала она.

Кэрри рассмеялась.

– Вы не понимаете. Это тот же самый мужчина, который объявил всем на свадебном банкете, что намерен покрыть меня кремом от торта, а затем слизать его в нашу брачную ночь. А затем, когда я была настолько опозорена, что готова была его за это прибить, он опустил свое лицо мне на колени и заплакал. Он доводит до бешенства. Он неотразимый. Но он НЕ милый.

Доктор Уитмор откинула голову назад и расхохоталась.

– Нет... не похоже, что он милый. Но кажется с ним не скучно.

Кэрри снова посмотрела на свои руки и вздохнула.

– В одно мгновение мне хочется его убить, а в другое, – она сделала паузу и, наконец, встретила взглядом. – Иногда я думаю, что по-настоящему выйти за него замуж было бы не так уж и плохо.

– Кэрри, это уже имеет юридическую силу. Куда уж более настоящему? – спросила Уитмор. – Вы официально женаты. Вы живете в одном доме. У вас секс по согласию. Так что же остается?

– Я думала, это та часть, где вы говорите мне ответ, – осторожно сказала Кэрри.

– В этом забавность терапии. Жизнь такова, что чем умнее человек, тем больше рациональных объяснений он придумывает для своих обстоятельств. Жизнь в обществе приучила нас искать логические объяснения. Но то, что большинство из нас хочет, редко бывает логичным.

– Мы слишком долго причиняли друг другу боль, так что хотеть Майкла определенно нелогично, – согласилась Кэрри.

– И, тем не менее, ты вышла за него замуж. Хотя могла разорвать контракт. Ты остаешься с ним из-за ребенка? – спросила доктор Уитмор, наклоняя голову к Кэрри, которая поерзала в кресле и потеряла свой живот. – Если тебя тошнит, мы можем поговорить об этом в другое время?

Доктор Уитмор приподняла бровь и подождала продолжения.

Кэрри шумно выдохнула и выругалась, когда женщина просто ухмыльнулась над ее растущим гневом.

– Я не хочу, чтобы Майкл был с кем-то еще, понятно? Больше никаких блондинок. Или брюнеток. Только я. Я хочу быть единственной женщиной в его жизни. Только почему я чувствую себя такой глупой?

– Это ты мне скажи, – тихо сказала доктор. – Поскольку ты уже решила, что его любишь, для меня это звучит достаточно разумно. И я по-прежнему не вижу проблемы в том, чем ты поделилась.

– *Я не хочу, чтобы он снова причинил мне боль*, – закрывая глаза, воскликнула Кэрри.

– Опять-таки... звучит вполне разумно, – очень тихо сказала Уитмор.

– Что если однажды Майкл решит, что я не так уж хороша? Мне придется стать одной из тех женщин, которые делают липосакцию, подтяжку лица, вставляют имплантаты в грудь и Бог знает еще что, чтобы

удержать мужа от измен? Моя мать была замечательной женщиной. Но мой отец все равно не был ей верным, – осторожно сказала Кэрри.

Доктор Уитмор наклонилась вперед и, сцепив ладони, положила их на стол перед собой.

– Я буду с тобой честна, Кэрри... у всех отношений есть такой риск, который изначально в них заложен. И, тем не менее, многие пары имеют долгосрочные, счастливые моногамные отношения.

Кэрри кивнула.

– Я не знаю всего этого.

– Позволь у тебя спросить, – осторожно сказала доктор. – Ты беспокоишься о том, что Майкл потеряет к тебе интерес или просто, что он станет тебе неинтересен? Иногда наши отношения являются отражением наших страхов. Подумай о том, что возможно ты боишься и того, и другого. Однако у тебя есть власть контролировать только один из них.

– Вы хотите сказать, что невзирая ни на что, я не смогу удержать Майкла от измен, если он решит это сделать, – напрямую заявила Кэрри.

Доктор Уитмор кивнула.

– Понимаю, это трудно принять. Однако ты можешь сделать так, чтобы быть интересной и любить себя так сильно, что даже если он предаст тебя, это не причинит тебе сильной боли. В твоем случае, тебе нужно научиться любить себя такой, какая ты есть на самом деле. Поскольку ты человек действия, мы можем составить для тебя список задач, над которыми ты будешь работать. По одной задаче за раз. У меня есть простое предложение, которое сможет открыть двери к другим. Хочешь услышать какое?

– Конечно, – резко сказала Кэрри. – Вот почему я плачу за терапию.

– Меня очень сложно оскорбить, но время от времени я бью клиентов за оскорбления, – беззаботно сказала доктор Уитмор, усмехаясь яростному взгляду молодой женщины. – Даже клиентов, которые мне нравятся. И ты напоминаешь мне несколько моих любимых.

– Простите. Черт, мне очень жаль, что так получилось, – огорчившись, сказала Кэрри. – Это то, какая я на самом деле. Я очень стараюсь не язвить, но такое случается, когда я... когда я... черт возьми, думаю, когда я паникую или чувствую давление. *Вот дерьмо, я как Майкл. Именно так он и поступает. Он паникует и кусает за эмоционально уязвимое место.*

Доктор Уитмор рассмеялась.

– Ну, такой прорыв и произошел очень быстро. Вероятно, ты сократила программу своего лечения лет на пять.

Кэрри положила лицо на руки.

– Черт, теперь я понимаю, почему вы получаете такие большие деньги.

– Я до сих пор не рассказала тебе о моем предложении, – засмеялась доктор.

– А это обязательно? Думаю, этого просветления мне хватит на неделю, – сказала ей Кэрри, улыбнувшись в ответ.

– Кэрри, вернись к своему натуральному цвету волос. Физически наладь связь с собой настоящей, – посоветовала Уитмор. – Но чтобы полюбить себя, тебе придется сначала выяснить кто ты на самом деле. Думаю, что эта женщина довольно долго пряталась.

Кэрри пристально на нее посмотрела и моргнула. Встала, покачнулась и упала обратно в кресло.

– Ого... голова закружилась. Не от вашего предложения... просто из-за ребенка, – сказала она, когда доктор бросилась к ее креслу. – Я в порядке. Правда. Просто низкий сахар в крови и последнюю неделю давление было немного выше нормы. Врачи сказали, что мне нужно перестать нервничать.

– Понимаю. Так ты была неуверенна, любишь ли мужчину, но вышла за него замуж, вместо того, чтобы заняться медитацией или йогой? – осторожно спросила доктор Уитмор, стоя рядом с Кэрри, которая на этот раз встала медленно.

– Джессика сказала, что ей потребовалось тридцать лет, чтобы измениться. У меня это тоже займет так много времени? – спросила Кэрри, ей понравилось, что доктор рассмеялась в ответ на ее вопрос. Вероятно, это поможет ей научиться больше над собой смеяться.

– Джессика Дэниелс, это особый случай. Она единственная в своем роде, – пошутила Уитмор.

Кэрри кивнула и медленно пошла к двери.

– Вы действительно думаете, что если я перекрашусь в блондинку, то это поможет?

– Когда ты в колледже перекрасила волосы в коричневый цвет, это помогло? – спросила доктор.

Кэрри кивнула.

– Да. Думаю, помогло. Жаль, что не сделала этого до того, как встретила Майкла. Он бы тогда на меня и не взглянул.

– О, ну не знаю, – сказала доктор. – Я слышала, от многих людей, которые настаивали, что не особо могли контролировать любовь. И я пришла к выводу, что некоторым людям просто судьбой предназначено встретиться.

– Вы действительно в это верите? – спросила Кэрри.

– Да. Но неважно, во что верю я, – сказала доктор Уитмор. – Имеет значение только то, во что верят мои клиенты.

Кэрри вышла из кабинета, остановилась, чтобы заплатить и назначить прием на следующую неделю.

От мысли снова покрасить волосы в блонд у нее закружилась голова. Не говоря уже о том, что вероятно, она получит собственную главу в книге Шейна.

Погруженная в мысли, Кэрри подошла к машине.

Когда появился первый спазм, она оперлась о дверь машины и задалась вопросом, что было не так. Может, ей нужно было пообедать, подумала она.

От второго спазма он согнулась пополам. Кэрри увидела, как из своего офиса выскочила доктор Уитмор и побежала к ней. Женщина что-то говорила, но Кэрри ничего не слышала.

Затем Кэрри посмотрела вниз и увидела возле своих ног лужу крови. Она только подумала о том, что происходит и ее поглотила темнота.

Кэрри открыла глаза и увидела сидевшего возле кровати Майкла. Он встал и, наклонившись, посмотрел ей в глаза.

– Кэрри... о, милая. Я так волновался, – прерывающимся голосом сказал Майкл. – Как ты себя чувствуешь? Позвать медсестру?

– Где я? Что случилось? – спросила она.

Майкл опустил на стул. Она не знала. Так что, именно ему придется ей все рассказать.

– Что... что ты помнишь? – тихо спросил он.

Кэрри наморщила лоб, пытаясь вспомнить. Ее взгляд упал на капельницу в руке, мешок от которой был наполнен жидкостью похожей на кровь.

– Мне делают переливание крови? – спросила она.

– Да, – сказал Майкл, сжимая и поглаживая ее пальцы. – Ты потеряла... для человека твоего размера, ты потеряла очень много. Это уже третий мешок. И еще два ожидают. У тебя была небольшая операция, но теперь все в порядке.

– Я не понимаю, – сказала Кэрри. Затем вспышками вернулись воспоминания о кабинете доктора.

– Меня ранили?

Майкл покачал головой.

– Нет. Кэрри, милая ты потеряла ребенка, – тихо сказал он.

Кэрри закрыла глаза, снова их открыла.

– Что... Майкл, ты уверен?

– Да... совершенно уверен, – мягко сказал Майкл, не желая ей говорить, что это был мальчик. Он не мог долго думать об этом ребенке или о том, первом, которого они потеряли. Ради нее ему нужно было быть спокойным.

– Майкл, я не делала этого нарочно, – дрожащими губами сказала Кэрри. – Ты же мне веришь?

Горе ударило без предупреждения, быстро заполняя его, и вырвало из него резкий всхлип. Майкл покачал головой, очищая глаза, чтобы ее видеть. Ему два раза пришлось прочистить горло, прежде чем он смог говорить.

– Милая, конечно нет. Ты не сделала ничего плохого. Врач сказал, что иногда такое случается. Слишком много стресса. Твое давление резко скакнуло. Возможно, был слишком низким сахар в крови. Кто знает? Главное, что с тобой все в порядке.

– Но ребенок умер, – сказала она, поворачивая голову в сторону.

– Да, – сказал Майкл, потянув ее за руку, – но *ты нет*. Ты очень быстро потеряла много крови. Если бы доктор Уитмор из своего окна не заметила, что ты опираешься на машину, возможно, они не смогли бы вовремя оказать тебе помощь.

– Доктор Уитмор. Точно, я ходила к ней на прием... о, теперь ты об этом тоже знаешь, – сказала она уставшим голосом. По ее лицу побежали слезы, и Майкл протянул ей носовые платочки.

– Да, знаю, и я рад, – сказал Майкл. – Наверное, мне самому придется с ней встретиться. Я был не очень вежлив с сотрудниками госпиталя, когда они меня к тебе не пустили. Шейну пришлось вмешаться, чтобы они меня не выкинули из больницы.

– Это, наверное, мое наказание, – сказала Кэрри твердым и безжизненным голосом. – Возможно, мой отец прав. У меня никогда ничего не получится правильно.

– Прекрати это. Потеря ребенка была несчастным случаем. Вот и все.

Тебя не наказывают. И меня не наказывают. Это просто печальная ситуация. Мы справимся, – сказал он, пытаясь ее успокоить.

– Я никогда не хотела ребенка, Майкл. Не могу тебе об этом лгать. Я не была готова стать матерью. Я не хотела твоего ребенка... или вообще ребенка. И если ты меня за это ненавидишь, то это нормально. Я как бы и сама себя за это ненавижу, – сказала Кэрри, испытывая облегчение, что смогла это, наконец, признать. – Я была на приеме у доктора Уитмор и пыталась найти способ остаться с тобой, пока не родится ребенок. Но я все равно планировала тебя бросить. Я даже ушла с работы.

– *Ты ушла с работы?* – повторил Майкл, шокированный тем, что она приняла такое решение, ничего ему не сказав. – Когда ушла?

– Прежде чем мы поженились, я предупредила Джона, что через четыре месяца уйду. Я выбирала время к моменту родов. После рождения малыша, я планировала переехать в Боулинг Грин и начать новую жизнь, – сказала она. – Не думаю, что смогу это сделать в Лексингтоне.

Майкл отпустил ее руку и откинулся на спинку стула.

– Ты собираешься потребовать от меня соблюдения нашего соглашения, – сказал Майкл, обнаружив, что ничуть этому не удивлен. Занимаясь своими интригами и манипуляциями, он знал, что Кэрри никогда не позволит заставить себя остаться.

– Это единственный вариант, который для меня имеет смысл, – сказала Кэрри. – Я это знала, когда подписывала брачный контракт.

– Ты ушла с работы из-за меня? Из-за женщин, с которыми я встречался? – спросил Майкл, хотя понимал, что на самом деле его вопрос не нуждался в ответе.

Кэрри закрыла глаза.

– Не буду об этом лгать. Это самая большая причина, но были и другие. Я хочу... я думаю о том, чтобы открыть собственную галерею.

Майкл кивнул. Он мог представить, что она это делает. Он мог видеть, как Кэрри занимается продажей произведений искусства и получает

хорошие деньги с комиссионных, которые на этом заработает. Но ей не нужно было из-за него уходить с работы.

– Я могу много раз говорить, что мне жаль. Однако это все равно никогда не приблизится к тому, насколько я сожалею, что создал ситуацию, из-за которой ты чувствовала себя неуютно на работе, – сказал Майкл.

– Я наконец-то приняла эту истину, но прощение все равно не делает простым ежедневное с ними общение, – сказала Кэрри, шмыгая носом. – В конце концов, я оказалась не достаточно жесткой, чтобы добавить на визитке «истребитель драконов». Доктор Уитмор учит меня разным вещам, для того чтобы лучше понимать саму себя. И не думаю, что я такая уж жесткая, какой я себя всегда представляла.

– Кэрри... – начал Майкл, но не смог подобрать слова.

– Майкл, все в порядке. Ты был прав. Мы действительно оба жили так, как было лучше в то время, – сказала Кэрри. – Ты был прав об этом и о том, что ты хороший человек. И для меня ты тоже был хорошим мужчиной.

– Но ты не хочешь быть моей женой? – спросил Майкл.

Кэрри посмотрела на него. Он беспокоился о ней... возможно, даже любил так искренне, как он и говорил. Но ее сердце не принадлежало ей самой, и она не могла отдать его ему или кому-то еще. Она была злой женщиной и одной большой массой плохих воспоминаний. Последние несколько недель с Майклом, были лучшим и самым счастливым временем в ее жизни.

– Я не готова прямо сейчас отвечать на этот вопрос. Мы можем поговорить об этом позже? – спросила Кэрри.

Но прежде чем Майкл смог ответить открылась дверь. Вошла сотрудница больницы, чтобы ее проверить. Вслед за ней появились Итан и Мэгги.

Мэгги бросилась к Кэрри, которая немедленно заявила, что с ней все в порядке. Майкл наблюдал, как она натянула свои эмоциональные доспехи и приготовилась иметь дело со своими родителями.

Когда он повернулся, чтобы выйти из комнаты, он обнаружил, что Итан блокирует ему путь.

– Майкл, я искренне сожалею, что вы с Кэрри потеряли ребенка, – сказал Итан, не удивившись, увидев красные глаза Майкла или то, что он часто моргал.

– Спасибо Итан, – сказал Майкл. – Пока вы с Мэгги здесь, я немного отдохну.

– Хорошо, – сказал Итан, а затем, следуя повелению сердца, он подошел к Майклу ближе и обнял его. Он почувствовал в своей душе, как Майкл безмолвно всхлипывал.

– Мне нужно идти, – резко сказал Майкл, отталкивая комфорт, который предлагал Итан.

Итан кивнул, отошел в сторону и посмотрел, как Майкл уходит. Он взглянул на кровать и увидел на лице своей жены любовь и гордость. В течение многих лет он не видел от нее такой любви.

– Майкл в порядке? – шепотом спросила Мэгги, потому что Кэрри очевидно снова заснула, после того как медсестра что-то добавила в капельницу.

– Нет, – прошептал Итан в ответ. – Человек испытывает боль. И, к сожалению, его нечем утешить.

– Сегодня, он потерял ребенка, которого очень хотел, – печально сказала Мэгги. – Майкл и Кэрри еще не осознают, что у них может быть столько детей, сколько они захотят. Они такие молодые.

– Думаю, что ты была права насчет него, Мэгги, – сказал Итан, присев в кресло рядом с ней. – Майкл Ларсон не простой, но думаю, что он хороший человек.

– Это потому, что я умная женщина. И насчет тебя, я тоже была права, – тихо сказала Мэгги. – Я оставалась с тобой все эти годы, чтобы быть здесь в этот момент и сказать, что я тебя люблю. За то, что ты обнял и утешил Майкла. У тебя ушло много времени, чтобы стать моим героем,

Итан Аддисон.

Итан поднял руку к волосам жены и любя, погладил ее щеку.

– Я тоже тебя люблю. Каждый день, что мы вместе, я вижу в твоих глазах истинную Божью благодать, Маргарет Аддисон. Оставайся со мной до конца наших жизней?

В качестве ответа, Мэгги повернула лицо в ладонь Итана и поцеловала ее. Итан тихо рассмеялся.

Никто из них не заметил, что Кэрри повернула лицо в подушку, чтобы сдержать свои всхлипы.

Глава 23

– Так что, ты всерьез собираешься просто ее отпустить? – спросил Шейн, потягивая кофе и изучая лицо Майкла. – Уже неделя прошла, а ты ничего не сделал. Только пил пиво и хандрил. Это совсем на тебя не похоже. Обычно за то время, что ты киснешь и квасишь, ты успеваешь придумать, что делать.

Майкл побарабанил пальцами по столу и подумал о Дарле и Элисон, которые собирались забрать из дома личные вещи Кэрри. Они еще не забрали все, однако казалось, что она уже исчезла.

Ванная больше не пахла как она.

К счастью, постель еще сохранила ее запах, иначе он вообще перестал бы спать. Он не собирался менять простыни, пока в этом, безусловно, не будет необходимости.

– Шейн, я делаю то, что пообещал. Сегодня утром доставили бумаги на развод. Единственное мое сожаление в том, что развод с женщиной, которая была моей женой всего пять дней, обойдется мне в две тысячи долларов. Полагаю, женитьба оказалась не очень хорошей инвестицией, – сказал Майкл, пытаясь пошутить.

– Тогда лучше не используй на развод ту тысячу, что я тебе дал, – сказал Шейн, на самом деле не считая это шуткой, потому, что пока не мог найти свою таинственную женщину.

От мыслей о ней, у него снова появилось желание рисовать, так что он пошел к холодильнику и взял альбом. Пока он здесь стоял, Шейн открыл морозильник, чтобы проверить содержимое. И все оказалось настолько плохо, как он и предполагал.

– У тебя в морозилке нет ничего кроме замороженных йогуртов. Ты мне когда-нибудь расскажешь для чего вам с Кэрри шесть упаковок?

– Нет, – вздыхая и вспоминая, сказал Майкл. Черт возьми. – Есть и положительный момент. С тех пор как она ушла, я закончил две маленькие

работы и уже работаю над третьей. Думаю, когда они будут готовы, может быть Кэрри сможет их для меня продать. В любом случае, она причина моего успеха. Может быть, мы сможем остаться друзьями. И однажды, будем шутить о пяти днях, что мы были женаты.

– *Майкл*, – громко сказал Шейн, подходя к столу и ставя на него чашку кофе.

– Господи, когда ты так серьезно говоришь, звучишь как наш папа, – сказал Майкл, впервые улыбаясь за несколько дней. И от этого у него заболело лицо.

– И сейчас я говорю всерьез. Может тебе нужно с кем-нибудь об этом поговорить. Потому, что ты скорбишь о ребенке и жене, – сказал Шейн.

– Я не могу позволить себе терапевта, – сказал Майкл, вставая и направляясь к кофейнику. – Я заложил дом, чтобы оплатить Кэрри часть имущества, которое ей полагается при разводе.

– Ты шутишь? Что за хрень была в том брачном контракте? – потребовал ответа Шейн.

– Ничего о разделе имущества. Это моя идея, – осторожно сказал Майкл. – Из-за меня Кэрри бросила работу. Я не могу этого ей вернуть или извиниться за свои действия, которые к этому привели. Так что взамен, я даю ей деньги, чтобы она могла купить себе художественную галерею. И если мне повезет, то она не переедет в Боулинг Грин, как планировала.

Шейн покачал головой и провел рукой по странице.

– Я так и знал, что ты не просто ничего не делаешь.

– Но это чувствуется, как будто я ничего не делаю, – печально сказал Майкл, наблюдая, как Шейн рисует. – Так сколько рисунков ты уже сделал?

– Ну, роман наконец-то начал продвигаться, – сказал Шейн. – Героиня появляется практически на каждой странице. Думаю, что мой *Крылатый Защитник* на этот раз по-настоящему влюбился.

Майкл прищурил глаза.

– И сколько рисунков вне комикса ты уже нарисовал?

– Точно не знаю, – сказал Шейн, рисуя, как сверкнули ее глаза.

Он научился рисовать в ее глазах свет. И она практически была готова выпрыгнуть со страницы. Он надеялся, что не слишком ее идеализирует. Возможно, это усложнит вещи, когда он снова встретит ее в реальной жизни.

Надеюсь, что не пугаю тебя, сказала она. Для меня это было довольно давно.

Шейн думал о первом разе, об изумлении на ее лице, когда он, наконец, полностью в нее вошел. Шейн вздохнул и, положив ручку, поднял голову, чтобы встретиться с Майклом взглядом.

– Черт, Шейн... ты что сейчас рисуешь порно? – спросил Майкл, глядя на лицо женщины запечатленной в середине оргазма. Оргазма, за который его брат приписывал заслугу себе, по крайней мере, в своей памяти. – Я бы это не показывал твоему другу Джозефу или любому другому мужчине. Я сам едва могу на нее смотреть, не возбуждаясь. Женщина выглядит так, словно вот-вот закричит.

– Заткнись, Майкл, – сказал Шейн, и его лицо стало малиновым. Чего Майкл не мог припомнить с тех времен, как его брат был подростком. Он посмотрел на изображение. Оно было таким, каким он и собирался его нарисовать. – Она не кричала. По крайней мере, в тот раз. Первый раз мы были слишком удивлены тому, как хорошо нам было вместе. Но мы одновременно достигли оргазма. Это довольно редко даже между опытными любовниками.

Майкл фыркнул, смеясь над тем, как по-деловому прозвучал рассказ Шейна.

– И ты думаешь, что мне нужна помощь?

Шейн засмеялся и лукаво посмотрел на Майкла.

– Ладно... возможно я немного зашел слишком далеко. Можно я заберу половину тех йогуртов? Ты же понимаешь, что до истечения срока годности один ты их не съешь.

– Пошел к черту, – широко улыбаясь, сказал Майкл. – Прикоснешься к моему йогурту, и ты покойник.

Шейн улыбнулся и вырвал из альбома свой рисунок.

– Я знал, что ты не сдаешься. Ларсоны никогда не сдаются, – сказал Шейн.

– Нет, – ответил Майкл. – Но время от времени, нас бросают женщины. Я просто надеюсь, что я удачливее, чем отец.

Шейн вздохнул, но что он мог сказать?

Джон постучал в дверь кабинета и посмотрел на женщину, работавшую за столом, прежде чем войти внутрь.

– Я до сих пор не привык к твоим волосам. Хотя, тебе очень идет этот цвет, – сказал он.

Кэрри подняла руку к своим недавно окрашенным волосам. Чтобы восстановить прежний цвет, ей пришлось обратиться к профессионалу.

– Он очень близок к моему натуральному цвету.

Джон кивнул, напряженно улыбаясь.

– Я оказался в приемной, когда курьер оставил для тебя этот пакет. Я узнал курьера, поскольку пользуюсь услугами того же адвоката. И чтобы сохранить секретность в офисе, я подумал, что должен лично тебе его отнести.

Джон передал ей конверт, заметив, что Кэрри взяла его очень твердой рукой. У этой женщины всегда были *яйца*, подумал Джон. А последние несколько недель были просто помрачением рассудка.

Кэрри посмотрела на надпись снаружи и открыла конверт, не дрогнув и не останавливаясь. Внутри было именно то, что она ожидала. Вместе с чеком на сто пятьдесят тысяч долларов, который она не ожидала.

Она покачала головой, увидев такое количество денег. Вероятно, он на

эту сумму заложил дом. Она бегло прочитала письмо с изложением соглашения о разводе и условиях раздела имущества.

– О, Майкл, – сказала Кэрри, качая головой и желая рассмеяться над его широким жестом.

– Это... – начал Джон.

– Документы на развод? Да, – не дрогнув, сказала Кэрри. – Это они.

– Мне жаль, Кэрри, – сказал Джон.

– Почему? Я не развожусь. Хотя вероятно возьму деньги и открою художественную галерею.

Джон подошел к краю стола. Его брови подскочили вверх, когда он увидел на чеке шестизначную цифру.

– Должно быть, либо Ларсон тебя безумно любит, либо ты самая практичная замужняя женщина на земле. Ты не пробыла замужем и двух недель, а умудрилась получить столько денег за развод?

– Я уверена, что он безумно меня любит, – сказала Кэрри, откидываясь назад в своем кресле. – Если я открою собственную галерею, могу я вернуться и поговорить с тобой о сделке? Контракт с твоей компанией будет иметь большое значение при получении банковского кредита.

– Конечно. Хорошо. Всегда. А что если Ларсон всерьез хочет развестись? – спросил Джон, на самом деле желая узнать, что Кэрри чувствовала к Майклу.

Кэрри фыркнула.

– Джон, Майкл не хочет разводиться. Он слишком большой собственник, чтобы так просто отказаться от этого брака. Он будет бояться, что я обналичу этот чек и потрачу его на йогуртовые батончики и странных мужчин.

Джон рассмеялся. Он понятия не имел, о чем она говорила, но женщина была великолепна, когда сексуально возбуждалась.

– Я не схожу с ума от йогуртных батончиков, но могу быть для тебя

странным. Я могу быть таким странным, как ты пожелаешь. После пятницы, я больше не буду твоим боссом. И у нас могут быть совершенно другие отношения, – широко улыбаясь, сказал Джон.

– Джон, перестань со мной заигрывать. Я замужняя женщина, – твердо сказала Кэрри, опуская взгляд на обручальное кольцо и возвращая все бумаги обратно в конверт. – Я вышла замуж за Майкла и планирую, чтобы все так и осталось. В моем случае, третий раз оказался действительно волшебным.

Слыша в голосе Кэрри решимость, Джон с покорностью вздохнул.

– Ненавижу, что ты так скоро меня покидаешь. Я буду по тебе скучать.

– Нет, не будешь. Каждый раз, когда ты будешь устраивать выставку в моей галерее, ты сможешь меня увидеть, – сказала Кэрри, улыбаясь и возвращаясь к своей работе. До пятницы ей было нужно доделать много дел.

Джон закатил глаза и вышел из ее кабинета.

Глава 24

Кэрри провела утомительный день на работе, пакуя свои вещи. В семь часов вечера, она подъехала к дому Майкла и вздохнула. Среди толпы собравшихся там людей не хватало только ее родителей, но с ними она уже встречалась на этой неделе.

Они молились за нее каждый день. Она не рассказала им, что случилось в колледже, но рассказала всю правду о ребенке, которого потеряла. О том, что она его не хотела, не так как обычно хотят детей. К ее удивлению, они оба просто ее поцеловала и сказали, что с нами происходит то, чему суждено случиться.

Она надеялась, что они были правы, говоря о ее будущем. А также надеялась, что доктор Уитмор была права насчет всего остального.

Посмотрев на свое блондинистое отражение в зеркале заднего вида, она покачала головой. В семье Майкла все так близки, что было невозможно избежать обсуждения с ними сложившейся ситуации. Она просто надеялась, что они не обидятся, когда она попросит их уйти.

Захватив маленькую сумку с основными вещами и туалетными принадлежностями, она воспользовалась своим ключом и вошла внутрь. Она услышала в гостиной голоса и звуки спортивной трансляции.

Остановившись в дверях на кухню, она увидела на патио Майкла, который работал, надев маску, со сварочным аппаратом в руках, от которого разлетались искры. Похоже, он работал над новой скульптурой. Ей очень не хотелось позже его прерывать, но она все же планировала это сделать. По крайней мере, он не услышит как она выпнет его семью, подумала она.

Кэрри бросила свою сумку на смятую, неубранную постель и направилась в гостиную, где глаза всех присутствующих обратились на нее, как только она вошла.

– Привет, – сказала она, встречая их шокированные взгляды. – Меня зовут Кэрри Ларсон и я блондинка. Планирую быть блондинкой до конца

своей жизни, так что если кто-то будет шутить в моем присутствии про блондинок, рискует потерять коленную чашечку.

Шейн поднялся со своего места рядом с Брук и подошел, чтобы ее рассмотреть.

– Мне нравится. Теперь ты выглядишь как моя сестра, – сказал Шейн.

– За исключением того, что у тебя волосы длиннее. Тебе нужно постричься, – сказала Кэрри, позволяя себе ухмыльнуться. – Уже нашел свою таинственную женщину, братишка?

– Нет... пока нет, – сказал Шейн.

– Когда я приведу в порядок свою любовную жизнь, обещаю помочь тебе исправить твою, – сказала ему Кэрри. – Когда меня все время не тошнит, и я не кричу, у меня хорошо получается все налаживать.

Шейн обнял ее и поцеловал в обе щеки.

– Ты такой большой, плюшевый медвежонок, – сказала Кэрри. – Перестань быть таким милым. Я все еще периодически плачу.

– Просто рад, что ты вернулась, – сказал Шейн. – Мой брат тоже будет рад. Его морозильник наполнен йогуртными батончиками, у которых скоро истечет срок годности. Мы пришли, чтобы срочно это исправить, но он отказывается с нами делиться. Он прячется на патио, игнорируя нас и притворяясь, что работает.

– Не волнуйся. Я не позволю Майклу выбросить йогурты, – сказала Кэрри, сильно шмыгая носом. – Черт. Не заставляй меня плакать. Вы можете все уйти?

– Ну, это твой дом, – разумно сказал Шейн. – Если хочешь нас выгнать, валяй.

– Да. Идите, – сказала Кэрри, кивая и боясь сказать что-то еще. Родители Майкл пошли на выход, но по дороге остановились, чтобы поцеловать ее в щеку и обнять.

– Если у тех йогуртных батончиков скоро истечет срок годности, мы с Уиллом могли бы взять коробку домой, – предложила Джессика, от чего

Уилл покраснел и ругнулся на нее.

– Ну, я тоже ненавижу, когда продукты пропадают. Поэтому и мы с Люком возьмем коробку, – сказала Эллен, толкая локтем рассмеявшуюся Джессику.

Люк схватил Эллен за руку и дернул ее к двери.

– Я тебя умоляю. Я, черт возьми, адвокат и мы можем позволить себе купить свои собственные. Какой вкус тебе нравится?

Уилл и Джессика смеясь, вышли за дверь вслед за ними.

Шейн помахал Брук.

– Давай, Рыжая. Я подвезу тебя до дома твоей матери, так чтобы тебе не пришлось идти туда пешком.

– Нет... я что кажусь такой тупой? – спросила Брук. – Ближайшие час или два, маме с Уиллом я там буду не нужна. Либо отвези меня поужинать, либо подбрось до моей машины.

– Тогда ужин, – сказал Шейн.

Брук обняла Кэрри.

– Когда ты исправишь любовную жизнь Шейна, поработаешь над моей после этого?

Кэрри рассмеялась.

– Конечно. Прямо сейчас я безработная. И пока я ищу место, чтобы открыть галерею, у меня полно времени.

Брук похлопала ее по щеке и вышла вместе с Шейном за дверь.

Кэрри вздохнула, когда, наконец, наступила благословенная тишина. А затем вернулась в спальню и достала документы на развод.

Сквозь шум сварки, Майкл услышал, как отъехала дверь на патио, однако так и не повернулся и даже не поднял маску. Его голос был приглушенным, но все равно в нем чувствовался гнев и он надеялся, что

его брат был достаточно умным, чтобы понять намек и не стать его боксерской грушей.

– Если ты еще раз подразнишь меня этими йогуртными батончиками, то я определенно надеру тебе задницу, – сказал Майкл.

– А зачем мне тебя ими дразнить? Если я захочу, то сама возьму. Я здесь тоже живу, знаешь ли, – ответила ему Кэрри.

Услышав ее голос, мужчина в маске повернулся и она, притворно испугавшись, отшатнулась.

– Черт возьми... ладно, Майкл. Я ни одного не съем, пока ты не скажешь. Ты такой любитель покомандовать, – прокричала Кэрри, чтобы не рассмеяться над его шоком.

Майкл отложил инструменты и снял маску.

– Кэрри... ты вернулась, – сказал он, закрывая глаза. – Я подумал, что это был Шейн.

Кэрри театрально вздохнула.

– Ага, думаю, что теперь ты часто будешь нас путать, поскольку я вернулась к своему естественному цвету волос.

– Ты покрасила волосы, – только заметив, сказал Майкл. – Ты блондинка. Ты... ты потрясающая блондинка. Теперь я определенно понимаю, почему выбрал тебя в колледже.

– Ты меня помнишь? – спросила, изучая его взгляд в поисках какого-нибудь знака, что воспоминания вернулись.

– Нет... прости, – сказал Майкл, глядя в сторону и отходя от нее. – Это всегда будет проблемой, да?

– Ты бы предпочел, чтобы я снова перекрасилась в темный цвет? – спросила Кэрри.

Майкл покачал головой.

– Нет. Я бы предпочел, чтобы ты была самой собой и позволила мне быть с тем человеком, даже если она всегда будет меня немного ненавидеть. Думаю, что со временем я смогу достаточно ее полюбить,

чтобы сбалансировать плохие воспоминания многими, многими хорошими.

Кэрри кивнула.

– Ладно... договорились.

– Договорились? – спросил Майкл, наморщив лоб. – Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду, что не знаю, смогу ли когда-нибудь полностью преодолеть прошлое. Я не простила ни тебя, ни себя, Майкл. Ты видел, каково это было потерять ребенка по естественным причинам. Что говорить о том, когда добровольно выбираешь аборт. И, несмотря на то, что это чертовски тяжело сделать, я все равно это сделала. Никто не представляет, как будет сожалеть, пока этого не сделает. Но я так же должна сказать, что при тех же обстоятельствах, снова бы сделала то же самое. Ты не знал меня. И я по-настоящему не знала тебя. Когда два незнакомца занимаются сексом, они не должны создавать ребенка, который никому не нужен, – сказала Кэрри. – Из-за этого решения я в течение многих лет чувствовала себя плохим человеком. От того, что я также не хотела и нашего второго ребенка, первый раз кажется еще ужасней.

– Я женился на тебе не только из-за ребенка. Когда я увидел тебя три года назад, я сразу же тебя захотел, – сказал Майкл, снова подходя к ней ближе. – Не только хотел, но у меня было чувство, что ты предназначена для меня. И я от всего сердца жалею, чтобы этого не случилось, когда мы впервые встретились.

Кэрри подняла к его лицу руку и вздохнула, когда Майкл закрыл глаза и прикоснулся к ее ладони. *Это любовь*, подумала она. Споры и ссоры. Попытка во всем разобраться. Попытка предложить утешение, вместо того, чтобы причинить кому-то больший вред.

– Ну, я не хочу, чтобы наше прошлое исчезло, даже его плохие части, – сказала Кэрри, так шокируя этим Майкла, что его глаза распахнулись. – Если все это изменить, то должны измениться и те недели, что мы прожили вместе, когда ты обо мне заботился. Именно тогда, я начала искренне тебя

любить и научилась тебя ценить.

На глазах у Майкла появились слезы, и Кэрри вытерла их большими пальцами.

– Изменить прошлое, значит изменить момент, когда я сказала себе «пошло все к черту» и решила, что намного больше хочу иметь будущее с тобой, чем эмоциональные доспехи, которые я надела, защищаясь от страданий. Как бы трудно это не было, я принимаю детей, что мы создали и потеряли. Я принимаю своих предыдущих мужей и твоих женщин, просто как то, что случилось, когда мы старались как можно лучше прожить свои жизни. Я принимаю все, что мне придется сделать, чтобы полностью стать самой собой и иметь возможность сказать тебе – я действительно хочу быть твоей женой.

– О Боже, ты уверена в этом? – спросил Майкл, задыхаясь от слез облегчения. – Не думаю, что смогу тебя отпустить, после таких слов, но, тем не менее... я дам тебе последний шанс сбежать. А затем я собираюсь привязать тебя к кровати на всю оставшуюся жизнь.

Кэрри обвила его руками и крепко обняла.

– Самая долговременная цепь между людьми – это семья. Мы готовы стать семьей? – спросил Майкл, позволяя своим рукам медленно ее обнять. Он хотел запомнить этот момент, момент, когда, наконец, получил любовь Кэрри, всю ее любовь.

Кэрри поцеловала его. Она привстала на цыпочки и расцеловала все лицо Майкла, куда могла дотянуться.

– Следующего ребенка, мы создадим в огне, который горит между нами. И он будет ребенком, чьи родители будут так сильно его любить, что совершенно избалуют его еще до того, как он выйдет из материнского чрева. Просто мне придется немного подождать, прежде чем мы сможем об этом поговорить.

– Мы можем подождать, пока ты не будешь готова... действительно готова, – сказал Майкл, наклоняя голову к ее шее. – И говоря о семье,

полагаю, ты заметила, что вся моя семья снова здесь.

– Нет, они ушли. Я их выпнула, – сказала Кэрри, откидываясь назад.

– Ты выпнула мою семью? И что ты им сказала? – улыбаясь, спросил Майкл.

– Уходите. Оставьте нас, – улыбнувшись, сказала Кэрри.

– Могу поспорить, что все прошло хорошо. Они разозлились?

– Знаешь, у тебя слабость к твоей семье. Ты беспокоишься о них больше, чем о большинстве вещей в своей жизни, – подразнила Кэрри.

– Наверное, – сказал Майкл, закатывая глаза. – Я люблю мою семью. Они бесспорно сумасшедшие, впрочем, и я такой же.

– Они не разозлились, потому что не дураки. Все меня расцеловали и обняли, прежде чем уйти, – сказала Кэрри. – Моя семья тоже больше не тупит. Ну... за исключением Кевина. Не уверена, что в его отношении есть какая-то надежда.

– Можно я надеру ему задницу в следующий раз, как мы встретимся? – спросил Майкл.

Кэрри рассмеялась.

– Мне придется поговорить с доктором Уитмор, почему мысль о том что ты поколотишь Кевина так сильно меня волнует. Хочу, чтобы мы оба перестали истреблять драконов. И говоря о драконах... мне нужно немного огня.

Майкл странно на нее посмотрел.

– Хорошо. Я очень стараюсь не спрашивать не сошла ли ты с ума, потому что понимаю это плохой вопрос, пока ты на терапии.

Кэрри закатила глаза и оттолкнула Майкла.

– Могу тебя заверить, что я совершенно в своем уме. Где твоя паяльная лампа? – потребовала Кэрри.

– Рядом с клейкой лентой, которую я положил в спальне, пока тебя не было, – качая головой, ответил Майкл, глядя, как она положила кулаки на бедра и вопросительно на него посмотрела.

– Хорошо, – сказал Майкл. Он подошел к ящику с инструментом, вытащил паяльную лампу и зажег ее.

– Вот, – сказал он, передавая ей так, чтобы им обоим не обжечься.

– Спасибо, – радостно сказала Кэрри, подходя к столу, на котором она оставила документы на развод, когда вышла во двор.

Она взяла бумаги, подошла к очагу Майкла и подожгла их. И когда они достаточно разгорелись, она позволила им упасть. Глядя, как они горят, она продолжала направлять на них пламя горелки, пока от бумаги остался только пепел.

Скрестив руки на груди и нахмурившись, Майкл наблюдал за тем, что она делала.

– Что? – спросила Кэрри, увидев его обеспокоенный взгляд, и отключила горелку.

– Мне не хотелось тебя останавливать. Будучи художником, я действительно ценю их символическое сожжение, но я чертовски надеюсь, что чек, который я тебе отправил, не был к ним прикреплен, – сказал он.

– Упс, – сказала Кэрри, хихикая и наслаждаясь растущей паникой Майкла. А затем наконец сдалась и расхохоталась в полный голос. У них обоих было озорное чувство юмора, и вероятно они будут мучить друг друга до конца их жизней.

– Ах, черт, – сказал Майкл, глядя на золу. – И как мы объясним это банку. В следующий раз они не дадут нам кредит.

– Ты действительно думаешь, что я сожгла чек на такую большую сумму? Я только что ушла с работы, а мой муж заложил свой дом, – сказала Кэрри, скрестив руки и смеясь. – Я все-таки бизнес вуман.

– Откуда ты знаешь, что я заложил дом? – спросил Майкл. – Может я настолько богатый, что у меня деньги лежат на разных сберегательных счетах.

Кэрри посмотрела на него.

– Майкл... я люблю тебя, и я выходила за тебя замуж не из-за твоих

денег. И я так же не собираюсь обналичивать чек, пока мы, по крайней мере, не обсудим все другие варианты, для финансирования моей художественной галереи.

– Ну, если ты вышла за меня не из-за денег, то ради чего? – спросил Майкл, притворяясь обиженным и надеясь, что она скажет из-за любви.

– Я вышла за тебя из-за секса, – твердо ответила Кэрри, отводя взгляд, чтобы снова не рассмеяться над его удивлением. – Я знаю, что это ужасно, но я обещала своему терапевту, что теперь буду честна перед собой. Я жестко настроена на супружеский секс, а ты намного лучше, чем два моих первых мужа.

Смирившись, Майкл громко выдохнул.

– Ну, тогда я надеюсь, что позже ты не разочаруешься. Теперь, когда ты блондинка, это будет словно начать отношения с новой женщиной. И мне потребуется какое-то время, чтобы всему научиться. Кроме того, я долгое время не был с настоящей блондинкой. Так, что не уверен, что мне вообще нравится этот тип. Возможно, я даже не заинтересуюсь.

– Хорошо, – сказала Кэрри, борясь с раздражением и желанием сказать, что он блефует. – Я все понимаю.

Она волновалась из-за волос, и только Майкл мог нажать на ее тревожную кнопку в тот момент, когда между ними все наладилось. Но ему придется полюбить этот цвет, потому что с этого момента она собиралась оставить натуральный цвет волос.

– Если у тебя не встает на блондинок, думаю, я позвоню твоим родителям и Шейну. Мне просто следовало отдать им эти чертовы батончики, когда они их просили. Нет никакой причины их оставить и позволить испортиться, потому что нам они не понадобятся, – сказала Кэрри, сердито глядя на прищурившегося Майкла.

Кэрри взвизгнула, когда Майкл ее поднял. Он грубо накрыл ее рот своими губами и, схватив за спину, прижал к своей явной эрекции.

– Знаешь, я забыл, какими горячими были блондинки, – сказал он,

прерывая поцелуй и позволяя Кэрри встать на ноги. – В конце концов, думаю, мне понравится.

– Да, но вероятно не тот факт, что тебе придется ненадолго использовать презервативы, пока не начнет работать мое противозачаточное средство, – смеясь, сказала Кэрри.

– О, не беспокойся, – сказал Майкл, беря ее за руку и входя в дом. – Я знаю множество других вещей, которыми мы можем заняться. Я даже поменяю простыни после этого.

– Придется мне полюбить мужчину, который будет менять простыни, – смеясь, согласилась Кэрри, в то время как Майкл открывал морозильник.